

Институт славяноведения РАН

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

EAST SLAVIC STUDIES

EAST SLAVIC STUDIES

Issue 2
2023

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 2
2023

УДК 94
ББК 63.3
В78

Издание основано в 2020 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

В78 Восточнославянские исследования. Вып. 2 / гл. ред. Б. Н. Флорья. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2023. — 256 с.

ISSN 2782-473X
DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2

«Восточнославянские исследования» — серийное издание, посвященное истории, языку и культуре зарубежных восточнославянских народов. Для специалистов в области гуманитарных наук и широкого круга читателей.

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

Founded in 2020

Founder and publisher: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

East Slavic Studies. Issue 2 / Editor-in-Chief Boris N. Florya. Moscow : Institute of Slavic Studies, RAS ; St. Petersburg : Nestor-Historia, 2023. — 256 p.

“East Slavic Studies” is a new serial edition dedicated to history, languages and culture of East Slavic nations and states. This issue will interest both researchers in Humanities and a wide range of readers.

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

© Институт славяноведения РАН,
2023

© Коллектив авторов, 2023

© П. К. Донской, оформление, 2023

© Издательство «Нестор-История»,
2023

© Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences, 2023

© Authors, 2023

© P. K. Donskoy, Design, 2023

© Publishing House “Nestor-
Historia”, 2023

Главный редактор

Борис Николаевич Флоря,
чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Заместитель главного редактора

Елена Юрьевна Борисёнок, д.и.н., Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь

Дарья Александровна Короткова, к.и.н., Институт славяноведения РАН

Редколлегия

Игорь Игоревич Баринов, к.и.н., Институт славяноведения РАН
Михаил Юрьевич Дронов, к.и.н., Институт славяноведения РАН
Мария Эдуардовна Клопова, к.и.н., Институт славяноведения РАН
Кирилл Александрович Кочегаров, к.и.н., Институт славяноведения РАН
Юрий Андреевич Лабынцев, д.филол.н., Институт славяноведения РАН
Геннадий Филиппович Матвеев, д.и.н., профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Михаил Андреевич Робинсон, д.и.н., Институт славяноведения РАН
Лариса Леонидовна Щавинская, к.филол.н., Институт славяноведения РАН

Международный редакционный совет

Георгий Владимирович Касьянов, д.и.н., проф.,
Институт истории Украины НАНУ (Киев, Украина)
Владимир Иванович Мильчев, д.и.н., проф.,
Запорожский национальный университет (Запорожье, Украина)
Мирослав Филипович, Dr. Sci., проф.,
Люблинский католический университет (Люблин, Польша)
Петер Шворц, PhD, проф., Прешовский университет (Прешов, Словакия)
Кирилл Владимирович Шевченко, д.и.н., проф., филиал Российского
государственного социального университета в г. Минске (Минск, Беларусь)
Михал Шмигель, PhD, доц.,
Университет им. Матея Бела (Банска-Бистрица, Словакия)
Эдмунд Станиславович Ярмусик, д.и.н., проф.,
Гродненский государственный университет (Гродно, Беларусь)

Редактор-корректор (англ.)

Мелани Гертхайнрих

Editor-In-Chief

Boris N. Florya,

Russian Academy of Sciences, Corresponding Member

Deputy Editor-In-Chief

Elena Yu. Borisenok, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Executive Secretary

Darya A. Korotkova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Editorial Office

Igor I. Barinov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Mikhail Yu. Dronov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Maria E. Klopova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Kirill A. Kochegarov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Yury A. Labyntzev, Dr. Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

Gennady F. Matveev, Dr. Sci. (History), Prof.,

Moscow Lomonosov State University

Mikhail A. Robinson, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Larisa L. Shchavinskaja, PhD (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

International Editorial Board

Miroslaw Filipowicz, Dr. Sci., Prof.,

John Paul II Catholic University of Lublin (Lublin, Poland)

Georgy V. Kasyanov, Dr. Sci. (History), Prof.,

Institute of History, NASU (Kyiv, Ukraine)

Vladimir I. Milchev, Dr. Sci. (History), Prof.,

Zaporizhzhia National University (Zaporizhzhia, Ukraine)

Kirill V. Shevchenko, Dr. Sci. (History), Prof.,

Russian State Social University, Minsk Branch (Minsk, Belarus)

Michal Šmigel', PhD, Assistant Prof.,

Matej Bel University in Bańska Bystrica (Bańska Bystrica, Slovakia)

Peter Švorc, PhD, Prof., Prešov University (Prešov, Slovakia)

Edmund S. Yarmusik, Dr. Sci. (History), Prof.,

Janka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Copy-Editor (Engl.)

Melanie Gertheinrich

Содержание

Статьи

<i>Флоря Б. Н.</i> Об османской «альтернативе» в истории Украины второй половины XVII века	9
<i>Щавинская Л. Л.</i> Сенатор Д. П. Трощинский — «благодетель Малороссии»	39
<i>Лескинен М. В.</i> «Пан Халявский» Г. Ф. Квитки-Основьяненко как автобиографический роман (вос)питания	55
<i>Клопова М. Э.</i> Русско-украинский диалог на страницах журнала «Украинская жизнь» (1912–1917)	87
<i>Косован Е. А.</i> «Между Финляндией и землей Богдана Хмельницкого»: украинский национальный проект глазами Германа Гуммеруса	105
<i>Ланник Л. В.</i> Белорусская народная республика 1918 года: несостоявшаяся государственность	123
<i>Баринов И. И.</i> Аполлон Крузе (1891–1967): штрихи к ранней биографии	151
<i>Борисёнок Е. Ю.</i> «Посещение курсов обязательно для всех...»: опыт аппаратной украинизации 1920-х годов	174

Сообщения

<i>Мартынова Я. В.</i> Судьбы польско-литовских шляхтичей в России во второй половине XVII века на примере Ю. Е. Катранского	204
<i>Рахаев Дж. Я. Т. Г.</i> Шевченко и грузинское национальное движение второй половины XIX — начала XX века	215
<i>Перхавко В. Б.</i> Жизненные зигзаги украинского революционера, юриста и литератора Григория Пирхавко (1883–1937)	228

Хроника

<i>Короткова Д. А.</i> Научная конференция «Выбор национальной идентичности в кризисных ситуациях»	243
<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М.</i> Международная научная конференция «Православие в исторических судьбах славянских народов. К 1030-летию православия на белорусских землях»	249

Contents

Articles

- Florya B.N.* About the Ottoman “Alternative” in the History of Ukraine in the Second Half of the Seventeenth Century 9
- Shchavinskaja L.L.* Senator D. P. Troshchinsky – “The Benefactor of Little Russia” 39
- Leskinen M. V.* “Pan Khalyavsky” of Grigory Kvitka-Osnovianenko As the Authobiographical “Educational Novel” 55
- Kloпова M.E.* Russian-Ukrainian dialogue on the pages of the magazine “Ukrainian Life” (1912–1917) 87
- Kosovan E.A.* “Between Finland and Bohdan Khmelnytsky’s Land”: Ukrainian National Project Through the Eyes of Herman Gummerus 105
- Lannik L. V.* Belarusian People’s Republic 1918: a Failed Statehood 123
- Barinov I.I.* Apollon Kruse (1891–1967): a Sketch of the Early Period of His Life 151
- Borisenok E. Yu.* “Attending Courses is Mandatory for Everyone...”: the Experience of Hardware Ukrainization of the 1920s 174

Essays

- Martynova Ya. V.* The Fate of the Polish-Lithuanian Szlachta in Russia in the Second Half of the Seventeenth Century at the Example of Yu. E. Katransky 204
- Rakhayev Dz. Ya.* T. G. Shevchenko and the Georgian National Movement of the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Century 215
- Perkhavko V.B.* The Life Zigzags of the Ukrainian Revolutionary, Lawyer and Writer Grigory Pirhavko (1883–1937) 228

Chronicles

- Korotkova D.A.* Academic Conference “National Identity: Choice in Crises” ... 243
- Dronov M. Yu., Sloistov S.M.* International Scientific Conference “Orthodoxy in the historical destinies of Slavic peoples. To the 1030th anniversary of Orthodoxy in the Belarusian lands” 249

Борис Николаевич Флоря

доктор исторических наук
член-корреспондент РАН
заведующий Отделом истории средних веков
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Об османской «альтернативе» в истории Украины второй половины XVII века

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.01

Аннотация: Автором показаны точки зрения украинских историков XIX–XX вв. на характер отношений украинского гетманства и Османской империи в начале 1670-х гг. Они сопоставляются со свидетельствами источников об османской политике по отношению к Украине и об отношениях населения Украины к османам.

Ключевые слова: казаки, Украинское гетманство, Османская империя, гетман П. Дорошенко, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский

Как известно, конец 60-х — начало 70-х гг. XVII в. образуют особый период в истории казацкого гетманства на землях Правобережной Украины. Вспышка контактов между гетманством и таким его южным соседом, как Османская империя, привела к установлению ее протектората над гетманством, его подчинению верховной власти султана.

Этот эпизод привлек к себе внимание уже авторов украинских летописей второй половины XVII — начала XVIII в., размышлявших о причинах этого шага и его последствиях.

Как и во многих других случаях, важный этап в изучении этой темы наступил с написанием «Руины» Н. И. Костомарова, где автор, привлекая ряд разнообразных источников, изложил и развитие контактов, которые привели к соглашению гетманства с Османской империей, дал его характеристику, а также попытался оценить последствия этого события.

Н. И. Костомаров относился с явной симпатией к планам гетмана Петра Дорошенко и его сторонников «сделать Украину самобытной державой». Соседние государства — Россия и Польша «заявили себя враждебно национальным стремлениям казаков», отсюда желание Дорошенко опереться на Османскую империю. Османская империя удовлетворилась бы в этом случае «некоторого рода вассальной зависимостью». В возможности такого развития событий, по мнению Н. И. Костомарова, Дорошенко убеждал «пример молдавских и валлахских господарей»¹. Характерно, что никакой характеристики Османской империи и ее политики Н. И. Костомаров при этом не дал. Украинцев, по его мнению, могла смущать только связь Османской империи с миром ислама.

Далее Н. И. Костомаров отметил, что на казацкой раде в 1668 г. приняли решение «поддаться Турции в надежде вассальной самобытности под ея властью»². Говоря о переговорах П. Дорошенко с Османской империей, историк поместил в своем труде подробное изложение условий протектората, которые Дорошенко предлагал Османской империи³. В этих условиях Костомаров видел проявление стремления малороссиян «для осуществления заветных желаний политической самостоятельности». Действиям и предложениям Дорошенко автор давал весьма положительную оценку, но вместе с тем осторожно отметил, что не знает, сделанное предложение «имело ли силу в свое время».

Вопрос этот Н. И. Костомаров так и не решил, но в дальнейшем привел текст грамоты султана, в которой говорилось, что султан берет гетманство под свою защиту, а от жителей гетманства не требуется иных обязанностей кроме военной службы⁴. Получалось, что П. Дорошенко успешно реализовал свои планы. И в этом случае ничего не говорится о политике Османской империи, ее целях.

Вместе с тем, по мнению исследователя, П. Дорошенко не смог добиться поддержки его политики населением: «побратимство Дорошенко с бусурманами отвращало от него народные сердца», хотя наряду с этим были люди, готовые подчиниться султану «ради

¹ Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография 1663–1685 гг. // Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Кн. VI. СПб., 1905. С. 96–97.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 150–152.

⁴ Там же. С. 155–156.

сохранения самобытности Украины»⁵. Все эти высказывания, несмотря на некоторые оговорки, как представляется, говорят о положительной оценке Костомаровым османской политики Дорошенко.

Характер повествования стал меняться с разбором сообщений источников о походе османов на Речь Посполитую в 1672 г. в ответ на просьбы П. Дорошенко.

Уже в самом начале повествования исследователь отметил, что пришельцы стали «насиловать женщин, забирать детей и возбудили всеобщий ропот против Дорошенко»⁶. Характеристики османской политики в Восточной Европе нет и в этой части повествования.

Далее, хотя и кратко, упоминалось о демонстративном осквернении христианских святынь в Каменце Подольском, о наборе молодежи в янычары. Непонятно, как в этих условиях могла сохраняться «самобытность» украинцев. Н. И. Костомаров не дает ответа на этот вопрос.

При оценке Бучачского мира 1672 г. отмечено, что Польша «принуждена была отказаться легально от власти над правобережную Малороссию»⁷. Это был очевидный успех Дорошенко в осуществлении его планов. В дальнейшем, однако, в повествовании говорится, что народ «роптал на своего гетмана за подданство Турции», слышали из Подолии, перешедшей под власть османов, «ужасающие вести» о гонениях на христианских жителей⁸. Далее приводятся данные о переходе на Левобережье жителей Уманского полка, которые «не хотели подчиниться Дорошенку и турецкой власти»⁹. Описывая в дальнейшем переход весной 1674 г. правобережных полков под русскую власть, Костомаров не предложил никакого развернутого объяснения этим событиям. Он склонен был все связывать с тем, что «редкий, однако, в душе мирился с подданством бусурманскому властителю»¹⁰, — все сводилось, таким образом, к воздействию религиозного фактора. Позиция исследователя по отношению к Дорошенко и его политике была в целом в этой части нейтральной.

Иная тональность присуща рассказу о последовавшем походе османов на Украину в 1674 г. Здесь мы читаем о массовом уходе

⁵ Там же. С. 175.

⁶ Там же. С. 217–218.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ Там же. С. 231.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ Там же. С. 242.

населения за Днепр, чему сильно препятствовал Дорошенко, отдавая жителей разных поселений в неволю татарам. О происшедшем исследователь писал как о «кровавой эпохе народного бедствия, когда сами туземные власти отдавали в бусурманскую неволю малороссиян сотнями и тысячами»¹¹.

Вывод Н. И. Костомарова серьезно отошел от его первых положительных суждений. «Положение Дорошенко стало теперь поистине трагическим. Приход на помощь к нему турок и татар не только не поддержал его дела, но окончательно подорвал». Даже его опора, наемное войско, «серденята» стали оставлять гетмана¹². Позиция Костомарова является достаточно ясной, но читателю остается непонятным, почему за положительным началом последовал такой финал, почему еще раньше правобережные полки оставили Дорошенко. Автор на протяжении текста говорит о воздействии на население только одного фактора — религиозного. Нет никакой характеристики Османской империи как партнера Дорошенко.

В картине, обрисованной Н. И. Костомаровым, оставалось много неясного, возникали вопросы, на которые его изложение не давало ответа. Вместе с тем достаточно очевидно, что изучение источников привело его в итоге к отрицательной оценке османской политики Дорошенко.

Интересно рассмотреть, как характеризовалась и оценивалась ситуация, связанная с включением правобережной Украины в состав Османской империи, в создававшихся позднее украинских исторических синтезах.

Характерно в этом плане описание событий в краткой «Истории Украинского народа» М. С. Грушевского. Текст занимает в издании несколько страниц, но на них помещен без каких-либо отсылок целый ряд утверждений, неизвестных ни Н. И. Костомарову, ни другим исследователям.

Естественно, что М. С. Грушевский говорит о планах Дорошенко «воссоздания единой независимой Украины».

Для этого он заключил в 1669 г. соглашение, признав себя вассалом султана, получив «обещание, что турецкое правительство приложит старания к освобождению Украины в ее этнографических

¹¹ Там же. С. 259.

¹² Там же. С. 258–259.

границах»¹³. О каких-либо планах и целях османской политики в этой связи ничего не говорится.

Если по поводу соответствующего текста османско-украинского договора Н. И. Костомаров осторожно писал: «Трудно решить теперь, в какой степени подлинно это дошедшее до нас условие и имело ли силу в свое время»¹⁴, то М. С. Грушевский таких сомнений не испытывал. Его представления о соотношении сил сторон находят выражение в словах, что Дорошенко «стал принуждать турецкое правительство к походу на Польшу». В происшедшем затем никаких отрицательных сторон М. С. Грушевский не видел, отметив, что по заключенному договору «Украину в давних границах признавали за Дорошенком»¹⁵.

Далее говорилось, что этот шаг привел к важным переменам. Правительство России и созданный по этому вопросу земский собор «решил принять Дорошенка и исполнить его требования относительно украинской автономии». Осуществлению этих планов П. Дорошенко помешали возобновление польско-турецкой войны и интриги левобережного гетмана И. Самойловича, которые привели к войне между правобережным гетманством и Россией¹⁶. Эти утверждения вызывают крайнее удивление, так как к этому времени было опубликовано исследование В. О. Эйнгорна¹⁷, в котором было показано, что предложения Дорошенко русская сторона не приняла и никакого земского собора в той связи не собиралось. В связи с начавшейся войной, когда «почти все население правобережной Украины перешло к И. Самойловичу», он упоминает «нерасположение населения к союзу с Крымом и татарами»¹⁸ (не с Османской империей. — *Б. Ф.*), никак не объясняя читателю, чем такое «нерасположение» было вызвано. Дорошенко потерпел поражение, потому что «турки не являлись» к нему на помощь.

В этом небольшом тексте, написанном с удивительной для исследователя такого ранга небрежностью, как представляется, с большой

¹³ *Грушевский М. С.* История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. I. СПб., 1914. С. 264.

¹⁴ *Костомаров Н. И.* Руина. С. 152.

¹⁵ *Грушевский М. С.* История украинского народа. С. 264.

¹⁶ Там же. С. 265.

¹⁷ *Эйнгори В. О.* Дипломатические сношения московского правительства с Правобережной Малороссией в 1673 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, май. С. 118–151.

¹⁸ *Грушевский М. С.* История украинского народа. С. 265.

силой проявилось стремление освободить репутацию Дорошенко и его проосманскую политику от тех отрицательных оценок, которые давал Н. И. Костомаров.

Новая важная позиция при обсуждении планов Петра Дорошенко и его политики принадлежит Д. И. Дорошенко, автору специальной биографии гетмана¹⁹. Главные выводы из проделанной работы исследователь изложил в своем «Очерке истории Украины», изданном в Варшаве в 1932–1933 гг. В заключение раздела, посвященного деятельности гетмана, автор приводит общее мнение украинских историков, что «турецкая протекция была для Дорошенко лишь способом завоевать государственную самостоятельность Украины»²⁰. С таким заключением можно согласиться. Вопрос о том, правильный ли путь выбрал Дорошенко для достижения этой цели и к каким результатам он привел.

Автор начинает интересующую нас тему с утверждения, что так как Россия и Речь Посполитая «не могут согласиться с самостоятельным существованием Украины, он (Дорошенко. — Б. Ф.) начал теперь думать о достижении своей цели при помощи Турции»²¹. Цель Дорошенко установлена правильно, но мог ли выбранный путь привести к этой цели? В своем труде Д. И. Дорошенко подробно излагает условия перехода под османский протекторат, которые казацкие послы осенью 1668 г. отвезли в Константинополь. Однако читателю ничего не говорится о том, какова была судьба этих условий. Сообщая в дальнейшем о переходе Правобережного гетманства под османский протекторат, автор создает у него впечатление, что казацкие условия султан принял²². Между тем весьма сомнительно, чтобы султан одобрил условие, что он не может смещать константинопольского патриарха, выбранного церковным собором. Далее сам автор справедливо пишет, что османы «не очень торопились принимать Дорошенко под свою протекцию»²³. Это делает тем более неправдоподобным предположение, что османская сторона приняла казацкие условия.

¹⁹ *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.

²⁰ *Дорошенко Д. І.* Нарис історії України. Львів, 1991. С. 321.

²¹ Там же. С. 310.

²² Там же. С. 313–314.

²³ Там же. С. 314.

Положение изменилось с походом османов на Польшу в 1672 г. В своем кратком изложении событий²⁴ автор совсем не упоминает приведенные Н. И. Костомаровым данные о насилиях татар и османов над населением Правобережья. Далее отмечается, что по Бучачскому договору казацкая Украина «становилась независимым государством под протекторатом султана»²⁵. Как согласовать между собой два противоположных определения, автор не объясняет и не говорит ни слова о политике османов в Подолии. Д. И. Дорошенко отмечает, что Петр Дорошенко не был доволен итогами войны, но связывает это только с тем, что западное Подолье и часть Галичины не были ему переданы и вошли прямо в состав Османской империи. В дальнейшем П. Дорошенко «как чайка от птенцов» старался отвести от Украины «грозу» нового прихода османов и татар²⁶. Почему этот приход так воспринимался, автор не объясняет.

В 1674 г., когда имел место поход русско-украинской армии на Правобережье, казаки «оказывали упорное сопротивление, но не могли сдержать превосходящих сил врага», и гетманом был избран И. Самойлович. Последовал новый поход османов, и на население Правобережья обрушились татарские и османские войска. «Несчастный край был залит кровью». Почему так произошло, автор читателю не объясняет. Дальше оказывается, что «край лежал наполовину в руинах», а население бежало за Днепр.

В этой части повествования оценки Д. И. Дорошенко во многом повторяют оценки Н. И. Костомарова. Помощь османов и татар «не принесла Дорошенко пользы». Он стал объектом ненависти, «как виновник этого бедствия». Наконец, говорится о его решении порвать «с турецко-татарскими союзниками». Читатель ждет заключительной общей оценки результатов проосманской политики правобережного гетмана и объяснения того, почему она привела к таким последствиям, наконец, характеристики политического партнера Дорошенко. Ничего этого в тексте нет. Напротив, после рассказа о том, как «Правобережная Украина превращалась в пустыню, засеянную человеческими костями», автор в заключении раздела пишет с удовлетворением, что теперь деятельность гетмана

²⁴ Там же. С. 315–316.

²⁵ Там же. С. 316.

²⁶ «Як чайка від дітей». — Там же. С. 319.

«снискала себе благосклонную оценку и среди наших историков, и в обществе»²⁷.

В конце рассказа о событиях второй половины XVII в. говорится о людях, которые положительной оценки, по мнению автора, не заслуживают, «народ не проявил политической зрелости... чтобы понять борьбу своих собственных, дальновидных вождей и поддержать их, жертвуя во имя будущего идеала своими сиюминутными выгодами»²⁸. Таких оценок у Н. И. Костомарова и даже у М. С. Грушевского не было.

Очевидно стремление автора приложить все старания для позитивной оценки проосманской политики Дорошенко, что привело к появлению в его тексте целого ряда недомолвок и противоречий. В советской и постсоветской русской литературе положительной оценки союза Дорошенко с османами не содержится, хотя исследователи принимают во внимание целый ряд обстоятельств, побуждавших гетмана искать такого союза.

Иная картина обрисовывается в современной украинской литературе. Привлекают внимание оценки, содержащиеся в такой программной работе, написанной ведущими украинскими историками, как «Украинская национальная революция XVII в.». В этой работе произошла своеобразная реставрация взглядов Д. И. Дорошенко в более радикальном варианте. Излагая условия, предложенные П. Дорошенко султану, авторы (В. А. Смолий и В. С. Степанков) затем уверенно сообщают читателю, что османский протекторат установился, «конечно, на основе удовлетворения турецким правительством основных положений предложенного проекта». Никакими данными это утверждение не подтверждается, и такой вывод не решались сделать ни Н. И. Костомаров, ни Д. И. Дорошенко. Шаг этот оценивается как вынужденный шаг патриотической элиты, желавшей объединить украинские земли и защитить их от нападений русских, польских, татарских войск²⁹. Далее отмечается, что внешняя политика Дорошенко «отвечала национальным интересам Украины и носила прогрессивный характер»³⁰. Никакой характеристики Османской импе-

²⁷ Там же. С. 321.

²⁸ Там же. С. 325.

²⁹ *Смолий В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999. С. 304.

³⁰ Там же. С. 309.

рии как партнера Дорошенко, ее планов и целей нет и в этом тексте. В отличие от Д. Дорошенко, авторы приводят данные о насилиях татар над украинским населением, о сопротивлении тысяч «селян и мещан» происходившему наступлению³¹. Почему немалая часть населения так себя вела, остается для читателя неясным, тем более что, по словам авторов, османы «вели себя достаточно сдержанно, не совершали массовых грабежей и убийств».

Говоря о заключении Бучачского договора, авторы вслед за Д. И. Дорошенко отмечают, что включение Подолии в состав Османской империи было ударом по политическим планам Дорошенко. Но в ином отношении авторы пошли дальше своего предшественника, утверждая, что по Бучачскому договору Речь Посполитая «признала независимость “Украинской державы” (это название было впервые употреблено в официальном правовом международном акте)»³². Как «незалежность» украинской державы сочеталась с османской «протекцией» над ней, и эти авторы читателю не объясняют. Как и Д. И. Дорошенко, они ничего не говорят об османской политике на украинских землях после заключения Бучачского договора.

О последующем развитии событий авторы говорят, с одной стороны, вслед за Д. И. Дорошенко, об огромной армии России и Левобережья, которой жители Правобережья не могли сопротивляться: «Пали Черкассы, Канев и Корсунь». Но, с другой стороны, говорится о том, что правобережные полки подчинились царю, надеясь на «защиту со стороны России» от османов³³. Остается читателю неясным, зачем жителям Правобережья потребовалась защита от османов, если те только что сделали Правобережное гетманство «незалежным» государством.

Последовавший затем поход османов, предпринятый в 1674 г. по настоятельным просьбам Петра Дорошенко, сопровождавшийся страшным опустошением Правобережья и массовым бегством населения за Днепр, в «Украинской национальной революции» описан ярко и убедительно³⁴. Вместе с тем читатель не получает ответа на вопрос, почему сначала жители пограничных местечек, а затем Ладыжина и Умани упорно сопротивлялись османам, даже не рассчитывая на русскую помощь.

³¹ Там же. С. 317, 319.

³² Там же. С. 319.

³³ Там же. С. 324.

³⁴ Там же. С. 324–326.

Справедливо отмечено, что «предотвратить разорение края П. Дорошенко не мог; султан не считался с его ходатайствами»³⁵. Несмотря на все это, в работе высоко оценивается его «борьба за осуществление идеала независимой Украины». В определенный степени авторы следуют за Д. И. Дорошенко, видя одну из важных причин неудачи П. Дорошенко в «крупномасштабной люмпенизации общества, анархо-охлократических движениях социальных низов общества»³⁶.

Сделанный краткий обзор работ об отношениях правобережно-го гетманства и Османской империи в конце 60-х — начале 70-х гг. XVII в. показывает необходимость предпринять определенную реконструкцию этих отношений по свидетельствам источников, чтобы попытаться дать ответ на многие возникшие вопросы, которого до сих пор нет, что позволило бы получить достаточно развернутую и обоснованную оценку произошедшего.

Разнообразные данные о том, как произошло установление османского протектората над Правобережным гетманством, собрал и подверг анализу украинский исследователь Н. Крикун в исследовании «Корсунская казацкая рада 1669 года»³⁷. В ходе переговоров были составлены и направлены в Стамбул условия, предусматривавшие самую широкую автономию гетманства под властью султана. Однако так и не обнаружены свидетельства одобрения и подтверждения этих условий султаном. Вместе с тем есть указания о возникших в ходе переговоров спорных вопросах. Османская сторона, по-видимому, добивалась решения о размещении в ряде городов на территории гетманства османских гарнизонов, чего казацкие условия не предусматривали³⁸. Это предложение, очевидно, было снято, но его появление показывает, что в Стамбуле обдумывали, как связать гетманство со своей державой.

Собранные Н. Крикуном свидетельства позволяют утверждать, что на раде в Корсуне в марте 1669 г. было принято решение о подчинении верховной власти султана и что послы султана обещали

³⁵ Там же. С. 326.

³⁶ Там же. С. 329.

³⁷ Крикун М. Корсунська казацка рада 1669 року // Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття: Статті і матеріали. Київ, 2006. С. 249–282.

³⁸ Там же. С. 254–256.

жителям гетманства его защиту³⁹. Документы, однако, не дают ответа на вопрос, на каких условиях произошло установление османского протектората. В этой связи заслуживал внимания целый ряд свидетельств о том, что Дорошенко доказывал участникам рады, что казацкое войско при этом не переходит в «подданство» султану⁴⁰. Наиболее известным из них является сообщение «Летописи Самовидца», что Дорошенко «подишовши казаков яко простых людей», что он якобы заключил с султаном только союз, а тем временем послал в Стамбул «санджаки» — знаки власти, «о чем чернь не знала»⁴¹.

Такая версия, как представляется, могла получить распространение лишь в условиях, когда османы не вмешивались во внутренние дела гетманства и не пытались собирать дань, как это происходило в соседних Молдавии и Валахии. Весьма возможно, что на этом этапе отношений обязательства гетманства ограничивались несением военной службы.

Как представляется, такие льготные условия зависимости были связаны с тем, что в 1669–1671 гг. власти Османской империи, которые вели тяжелую войну с Венецией из-за Крита, не могли в полной мере обеспечить защиту своим новым подданным. Правда, султан оказал давление на крымских татар, способствовав разрыву опасного для Дорошенко союза между Крымом и Запорожьем⁴², и на помощь Дорошенко была послана Белгородская орда⁴³. Однако Дорошенко и его сторонники искали в Стамбуле защиту прежде всего от польской власти. В этом отношении, однако, в течение 1669–1671 гг. дело ограничивалось с османской стороны требованиями не нападать на землю, находившуюся под властью султана⁴⁴. В условиях, когда главное обещание османской стороны не выполнялось, вряд ли власти в Стамбуле могли обращаться к Дорошенко с какими-либо требованиями.

³⁹ Там же. С. 265–266.

⁴⁰ Там же. С. 268–269.

⁴¹ Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 107.

⁴² См. свидетельство «Летописи Самовидца», что по приказу султана выступавшие против Дорошенко татары «отступили от Дорошенка и поишли в Крым» (Літопис Самовидця. С. 108).

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków, 2000. S. 280, 300–301.

Положение, как известно, изменилось после похода османов в 1672 г. на Польско-Литовское государство, его поражения и заключения мира, продиктованного победителем.

Ряд свидетельств (разного рода сведения, поступавшие в Левобережное гетманство и в Москву от лазутчиков, выходцев и торговцев) говорят о заметном изменении после этого османской политики на землях Юго-Восточной Европы, оказавшихся в зоне османского влияния.

Вопросу этому не уделялось серьезного внимания при рассмотрении темы отношений Правобережного гетманства и Османской империи. Между тем отмеченные выше свидетельства не только дают такого рода важные данные, но и позволяют судить о том, какие факты привлекали внимание населения и как они понимались.

Ряд сообщений говорят о том, что большой интерес вызвала судьба такого объединения кочевников, как обитавшая в районе Днестра Белгородская орда. Между ним и Османской империей после событий 1672 г. вспыхнул конфликт, связанный со стремлением османских властей превратить во многом формальный вассалитет Орды в реальный. Белгородские татары убили приехавших к ним сборщиков дани, так как «преж с них поборов никаких не имали»⁴⁵. Расправа с непокорными оказалась жестокой. Белгородских татар, «пограбя, юрты все их выжгли и погнали их всех и с малыми детми в Крым» и татары «велми плачют от турские налоги и грабежу»⁴⁶. Можно отметить целый ряд сообщений об этом⁴⁷.

Неудивительно, что событие вызвало к себе такой интерес. Если султан так жестоко расправился с мусульманами, то чего могли бы ожидать непокорные христианские подданные. Привлекало внимание, что расправа не ограничивалась казнями, а сопровождалась изгнанием непокорных с их земли. В одном из сообщений говорится, что там, где ранее жили белгородские татары, султан велел «арапом селитца»⁴⁸.

В дальнейшем выяснилось, что к таким действиям Османская империя прибегает и без конфликта. В начале февраля 1673 г. стало

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Д. 105. Л. 458 об.

⁴⁶ Там же. Л. 318 об.

⁴⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (АЮЗР). Т. XI. СПб., 1879. № 54. Стб. 150, 153.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 326 об.

известно, что и другое объединение кочевников — Ногайская орда — было отправлено «в Крым на житье»⁴⁹.

В рассказах о Корсунской раде неоднократно указывалось, что султану казаки будут служить как «Волохи и Мутьяне» — жители Молдавии и Валахии⁵⁰. В этой связи распространился слух, что султан молдаванам «меж Днестром и Бугом указал селиться а на их место придут турки»⁵¹. Так обрисовывалось отношение османской власти к различным подчиненным ей этническим общностям.

Такой слух тем более должен был привлечь внимание, так как земли между Днестром и Бугом образовывали южную часть Правобережного гетманства.

Дело, однако, не ограничивалось одними слухами. Стало известно о поселениях османов в разных центрах Правобережья по приказу султана. Так, оказалось, что из Кальника «всех высылают в старое место, а в Кальнике жить турком»⁵². В конце февраля 1673 г. узнали, что в таком центре, как Тарговица, обнаружили, что здесь «мечет их бусурманских каменные столпы стоят», то султан приказал «турских людей в город пустить и им подать, а жителей вывезть»⁵³. Оба города не были рядовыми поселениями, но центрами правобережных полков. Все это происходило в условиях, когда новые подданные не проявляли никакого неподчинения османской власти. Возникает, конечно, вопрос, как такие факты можно привести в соответствие с утверждениями, что Османская империя приняла казацкие условия протектората и что по Бучачскому договору была признана «незалежность» Украинского государства.

Особенно значительные перемены планировались на территории Подолии, оказавшейся по мирному договору под прямой властью османов. В феврале 1673 г. стало известно, что османы намерены устроить «уезд» к центру своей власти — Каменцу, куда должны войти Бар, Межибож, Гусятин, Винница, «и в Могилев присылали, которого казаки не поступаютца»⁵⁴. Могилев днестровский был тоже центром правобережного полка.

⁴⁹ Там же. Л. 401 об.

⁵⁰ Крикун М. Корсунська казацка рада 1669 року. С. 254, 274.

⁵¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 32 об.

⁵² Там же. Кн. 17. Л. 261 об.

⁵³ АЮЗР. Т. XI. №55. Стб. 181.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 461 об.

В марте уже появилось сообщение, что «из Межибожа и из Могилева жителей выселяют в иные города, а в тех городех жити турком»⁵⁵. Эти сообщения следует сопоставить со свидетельством французского дипломата Ф. де Ла Круа, находившегося в то время в Стамбуле, о планах османских властей убрать из Подолии ее население и поселить на его месте татар⁵⁶.

Какое впечатление производили все эти известия на казацкую элиту Правобережного гетманства, позволяют судить известные слова каневского полковника Якова Лизогуба в разговоре с гонцом переяславского полковника: «...приходят, де, на их сторону лихие времена, разволокут их турецкие люди»⁵⁷.

В отличие от Я. Лизогуба, рассказ авторов «Украинской национальной революции» выдержан в другой тональности. Здесь отмечается лишь «разочарование» Дорошенко и казаков действиями османских властей. Одновременно предпринята попытка приписать эти действия инициативе Халил-паши, бейлербея Каменца⁵⁸. Однако донесения иностранных резидентов в Стамбуле ясно показывают, что соответствующие решения исходили от центрального османского правительства. При этом молчанием обойден очень важный аспект ситуации, сложившейся после 1672 г. в отношениях между Османской империей и гетманством.

После победы османов в войне наметился пересмотр условий протектората не только с Белгородской ордой, но и с Правобережным гетманством. Сообщения об этом пришли в начале 1673 г. из Запорожья⁵⁹. Как там стало известно, вопрос о пересмотре отношений был поднят на встрече султана с Дорошенко в Яссах, когда султан возвращался из похода на Речь Посполитую. Важных требований было выдвинуто два. Во-первых, речь шла о том, чтобы Правобережное гетманство выплачивало империи дань, как Молдавия и Валахия. Смысл этого требования раскрывается при обращении к работам

⁵⁵ Там же. Д. 17. Л. 284.

⁵⁶ *De La Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie.* Paris, 1689. P. 48.

⁵⁷ АЮЗР. Т. XI. № 55. Стб. 158. Это свидетельство привел уже Н. И. Костомаров (Собрание соч. Т. VI. С. 232).

⁵⁸ *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція. С. 320.

⁵⁹ АЮЗР. Т. XI. № 42. Стб. 112–113; РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 416–417, 420 об. — 421.

по истории Молдавии. В них показано, что во второй половине XVII в. бóльшая часть налогов с крестьянского хозяйства поступала в османскую казну, землевладельцы утратили свои податные привилегии и началось их разорение⁶⁰. Такие порядки османы, по-видимому, хотели установить и на Правобережной Украине.

Второе требование носило иной характер. Речь шла о разрушении на территории гетманства всех крепостей кроме Чигирина, так как султан берет на себя его защиту. Одновременно речь шла о передаче в османскую казну всего оружия жителей гетманства. После этого, очевидно, османская власть получила бы полную свободу действий по отношению к безоружным казакам. Как сообщал австрийский резидент из Стамбула, здесь было принято решение разрушить все крепости в Подолии кроме немногих, где размещены османские гарнизоны⁶¹.

Такие порядки османы рассчитывали установить и на Правобережье. От требования о разрушении крепостей П. Дорошенко смог на время уклониться, утверждая, что разрушить крепости невозможно в условиях идущей войны, но после заключения мира он обязался его исполнить. С требованием дани он так поступить не мог и вынужден был пойти навстречу османам. В уже упоминавшемся разговоре с гонцом Я. Лизогуб отметил, «что придется терпеть от турецких людей налога в городах жилецким людям»⁶².

На это накладывались личные впечатления казаков от их контактов с османами во время похода 1672 г. Хорошо известен и неоднократно цитировался отзыв того же Лизогуба, что казаков «турские люди называли и ныне называют свиньями»⁶³. Но бранными словами дело не ограничилось. Говорили, что многие казаки вернулись из похода «переранены и от турков и татар переграблены»⁶⁴. Сохранился и рассказ, записанный в Малороссийском приказе, что каневский полковник, посетив везира, увидел на кольях у его шатра головы казаков своего полка, которых он посылал за кормом! Османские солдаты

⁶⁰ *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 190, 193, 194, 215, 234–236.

⁶¹ *Woliński J.* Wojna polsko-turecka w świetle relacji rezydentów austriackich w Turcji // *Studia I materiały do historii wojskowości.* T. VII. Cz. 2. S. 330, 333.

⁶² АЮЗР. Т. XI. № 55. Стб. 179.

⁶³ Там же. Стб. 168.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 17. Л. 94 об.

их убивали и приносили к везиру их головы, чтобы получить вознаграждение за якобы убитых ими поляков⁶⁵.

Наконец, привлекали внимание людей известия о положении населения Подолии под властью османов. Сохранился целый ряд рассказов о публичных поруганиях христианских образов и христианских погребений⁶⁶. Некоторые из отзывов принадлежали прямым свидетелям происходившего. Так, казак Дементий Андреев, побывавший под Каменцом с войском Дорошенко, сообщал, что здесь «кресты и образы порубили и в огне сожгли», гробы христиан «метали за город»⁶⁷. В этом городе и в других местах «жилецким людям нужды чинят великие»⁶⁸. Их облагают высокими налогами, спасаясь от которых люди бегут «в польские городы»⁶⁹. Весной 1673 г. был предпринят набор молодежи в янычары — «молодых ребят 800 человек»⁷⁰.

Неудивительно, что в этих условиях стали приходить известия о недовольстве населения политикой Дорошенко. Уже упоминавшийся Дементий Андреев в декабре 1672 г. сообщал, что казаки «Дорошенка не любят и мало его слушают, что им от него учинилось великое разорение и убытки»⁷¹.

К февралю 1673 г. относится сообщение, что люди на Правобережье только видят «немилосердие от бусурманов и от своих войск кровавую нужду»⁷².

Приводившиеся выше высказывания Я. Лизогуба показывают, что обеспокоена была серьезно происходившим и правобережная старшина. Несомненно, положение дел не удовлетворяло и гетмана Дорошенко⁷³.

Однако на раде, собравшейся в Чигирине перед Рождеством, как говорил переяславскому гонцу Я. Лизогуб, «полковники и вся старшина приговорили от турского салтана не отставать и его

⁶⁵ Там же. Д. 105. Л. 224 об. — 225.

⁶⁶ АЮЗР. Т. XI. № 31. Стб. 74; № 33. Стб. 82; № 41. Стб. 111.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 226.

⁶⁸ АЮЗР. Т. XI. № 55. Стб. 169.

⁶⁹ Там же. № 532. Стб. 148; № 55. Стб. 169.

⁷⁰ АЮЗР. Т. XI. № 71. Стб. 242.

⁷¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 105. Л. 231.

⁷² Там же. Л. 325.

⁷³ Как сообщал Я. Лизогуб, «Дорошенко, де, конечно, от того скучает, что поддался турскому салтану да не ведает, что чинить» (АЮЗР. Т. XI. № 55. Стб. 164).

не гневить»⁷⁴. Но, как откровенно говорил Я. Лизогуб, такая позиция была связана с опасениями конфликта с османами, чья сила и могущество так ярко проявились в событиях 1672 г.: «...если, де, в нынешнее время от турецкого салтана им отстать, а помочи ни от кого не будет, и он, пришед, и до остатку всех разорит»⁷⁵.

Рассмотренные свидетельства дают возможность сделать достаточно однозначный вывод, от которого уклоняются украинские исследователи, в том числе и авторы «Украинской революции», справедливо обращавшие внимание на расхождение османской политики с планами П. Дорошенко.

Между тем в действиях и требованиях османов не было ничего необычного. Именно такую политику османы проводили на подчиненных их власти землях, включая соседние с Правобережным гетманством Молдавию и Валахию.

Исследователи справедливо отмечают, что верхушка Правобережного гетманства, желая получить защиту от польской власти, стала искать поддержки и покровительства Османской империи. Поступая так, они не имели правильного представления о политике возможного покровителя и не смогли предвидеть последствия собственных действий, оказавшиеся для них малоприятной неожиданностью.

Возникла и опасная перспектива оказаться у османов в условиях худших, чем под польской властью, вплоть до утраты собственной родины, как некоторые другие общности на юге Восточной Европы.

Как показывают высказывания Я. Лизогуба, такая опасность воспринималась как вполне реальная. Как известно, в этих условиях П. Дорошенко последовательно держал ориентацию на подчинение султану, о чем говорят многочисленные свидетельства разных источников. Но не все разделяли такую позицию.

Закономерно должен был подняться вопрос о поисках выхода из создавшейся ситуации. Выбор был невелик. Возвращения под польскую власть, что означало бы для него социальную деградацию, казачество не хотело. Автономия, достаточно широкая, которой пользовалось левобережное гетманство по «Глуховским статьям» 1669 г. в составе Русского государства, была для казачества предпочтительней, чем то, что хотела предложить османская власть.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Стб. 166.

Я. Лизогуб принадлежал к числу тех старшин, которые искали выход на этом направлении. Но при этом выдвигались определенные условия. Я. Лизогуб настойчиво предлагал «многих ратных людей на ту сторону Днепра в скорых временах прислати, докаместь турецкие войска не наступят», «без наступления от царского величества многих войск от Дорошенка отлучитца ему никоторыми мерами невозможно»⁷⁶.

Такое условие русская сторона могла исполнить лишь зимой 1674 г., направив на Правобережье армию из войск Белгородского разряда во главе с Г. Г. Ромодановским и левобережных полков во главе с гетманом И. Самойловичем.

Как было выше показано, при характеристике военной кампании и Д. Дорошенко, и авторы «Национальной революции» делают ударение на большом численном превосходстве армии Г. Г. Ромодановского — И. Самойловича, что делало безнадежным военный отпор, несмотря на упорное сопротивление жителей Правобережья.

Уже обращение к чисто военной стороне дела вызывает сомнения в справедливости таких оценок. С самого начала армия не достигала тех размеров — 60–70 тыс. чел., которые ей приписывают⁷⁷. К этому следует добавить, что военные силы того времени не были регулярной армией, при несении службы ратные люди могли сталкиваться с различными трудностями, и тогда они ее покидали. Так же обстояло дело и с выступившей на Правобережье армией. В этом плане можно отметить сообщение посланца гетмана Ш. Быховца уже в конце февраля, что из-за тяжелых условий службы, отсутствия запасов «боярин и гетман остаются в малолюдстве, потому что беспрестанно ратные люди и казаки бегут»⁷⁸. Весной положение не улучшилось. 1 мая новый гонец гетмана Б. Войтехов сообщал, что из армии Г. Г. Ромодановского «все розбежались по домом, а при боярине ныне только одне стрельцы»⁷⁹. О таком положении дел, конечно, были осведомлены и правобережные полковники, и это позволяло затягивать военные

⁷⁶ Там же. Стб. 165, 167, 170.

⁷⁷ По данным документов Разрядного приказа, в армии Г. Г. Ромодановского при выступлении в поход насчитывалось 19 тыс. чел. (см.: *Великанов В. В.* «Заднепровский поход 182 г.» войск князя Г. Г. Ромодановского и Переяславская рада 1674 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2021. № 4 (86). С. 67).

⁷⁸ АЮЗР. Т. XI. № 113. Стб. 375.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 27. Л. 398.

действия. Полковники, однако, к такому образу действий не прибегали. И действовали они явно не под давлением большой военной силы.

Тезис об упорном, хотя и безуспешном отпоре всего населения Правобережья русско-украинской армии противоречит уже описанию событий военной кампании, которое дал в «Руине» Н. И. Костомаров, и опубликованным им источникам, а также ряду свидетельств, которые ему остались неизвестными.

Действительно, начало кампании было отмечено серьезными военными действиями при осаде Черкас, когда артиллерия несколько дней обстреливала город, прежде чем Черкасский полк подчинился власти царя⁸⁰.

Однако дело было не только в действии артиллерии. В перехваченном письме от 8 февраля П. Дорошенко писал Я. Лизогубу, что враги подчинили Черкассы «толко чрез прелесные листы и наговоры обманные»⁸¹. Таким образом, оказывали воздействие не только огонь артиллерии, но и предложения русской стороны. Когда армия затем подошла к другому крупному центру — Каневу, резиденции Я. Лизогуба, местный полковник и находившиеся здесь отряды из других частей гетманства, как отметил уже Н. И. Костомаров, подчинились, не вступая в бой⁸².

После того, как армия после сдачи Канева отошла к Переяславу, сюда прибыли во главе с Онофрием Носовым «многие знатные казаки» «из Бугуславля и из Медвины и из Синицы и из Белгородки» — городов на территории Корсунского полка, на север и запад от Корсуни, и принесли присягу царю⁸³. Этот шаг был предпринят, когда в Корсуни собрались главные военные силы Правобережного гетманства — 7 казачьих полков во главе с братьями Петра Дорошенко Григорием и Андреем⁸⁴. Как сообщал Г. Г. Ромодановский царю, эти казаки призывали к походу на Корсунь, обещая, что «тех городов все жители станут... великому государю служить и над Корсунью промысл чинить»⁸⁵.

⁸⁰ Об осаде Черкас см.: Там же. Д. 24. Л. 529 — 529 об.

⁸¹ Там же. Л. 631.

⁸² О капитуляции Канева см. грамоту И. Самойловича и «распрос» его посланцев. АЮЗР. Т. XI. № 112–113; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Т. VI. С. 242.

⁸³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 24. Л. 660.

⁸⁴ Там же. Л. 690 — 690 об.

⁸⁵ Там же. Л. 684 — 684 об.

В итоге в конце февраля к Корсуни было направлено войско во главе с генеральным есаулом Ив. Лысенко⁸⁶. Важно отметить, что в состав этой армии вошли недавно присягнувшие царю казаки Каневского полка⁸⁷. Как отметил уже Н. И. Костомаров⁸⁸, после выступления войска в поход на территории Корсунского полка принесли присягу Стеблов и Каменный Брод, а также имела место присяга представителей Белоцерковского полка⁸⁹.

Петр Дорошенко и его братья не хотели допустить такого развития событий. Они рассылали по Правобережью послания, уверяя население в скором приходе значительной татарской помощи. Так, в конце февраля Дорошенко сообщал в Паволочь, что к ним «сам хан с емиром салтанским со всеми силами крымскими идет»⁹⁰. Других аргументов не было. Однако, судя по поведению населения, эти обращения на него не действовали. Показателен в этом плане эпизод, отмеченный уже Н. И. Костомаровым, о судьбе отряда татар, который пришел из Крыма на помощь к другому брату гетмана Григорию. Когда в районе Лисянки произошло столкновение Г. Дорошенко и татар с частью армии И. Лысенко, то, по признанию мурзы, попавшего в плен командира отряда, «лысенские жители учили их, имая, вязать, а иных бить»⁹¹.

Этот эпизод был одним из боевых столкновений между правобережной армией, стоявшей в Корсуни, и войском И. Лысенко, стоявшим в Богуславе. Столкновения эти, однако, так и не переросли в сражение.

Финал событий был описан уже Н. И. Костомаровым в «Руине». В самом начале марта сторонники Дорошенко (его братья, тесть и Гамалея) бежали из города, а находившиеся в нем полки принесли присягу царю⁹². Уже 15 марта в Переяславе, как известно, собрались старшина и казаки почти всех Правобережных полков, и на этой раде И. Самойлович был избран гетманом Правобережья и были составлены «статьи», определявшие условия существования Правобережного гетманства в составе Русского государства.

⁸⁶ Там же. Л. 660 об. С ним было 4 тыс. казаков (Великанов В. В. «Заднепровский поход 182 г.» войск князя Г. Г. Ромодановского и Переяславская рада 1674 г. С. 69).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 24. Л. 654.

⁸⁸ Костомаров Н. И. Руина. С. 243.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 24. Л. 692 — 692 об.

⁹⁰ Там же. Л. 747 об.

⁹¹ Там же. Д. 27. Л. 454.

⁹² Костомаров Н. И. Руина. С. 244.

Важное место в них заняло обязательство царя в случае нападения султана «боронити» Правобережную Украину «своими государскими войсками»⁹³. И все это были не только слова. 1 мая посланец гетмана Б. Войтехов сообщал в Малороссийском приказе, что татары стоят «на белгородских и теганских полях над Днепром», а брацлавский полковник П. Лисица «над теми татарами чинит безпрестанно промысл»⁹⁴.

Все сказанное позволяет сделать вполне определенный, однозначный вывод. События зимы — начала весны 1674 г. означали коллективный разрыв подавляющего большинства населения Правобережной Украины с проосманской ориентацией. И главную роль при этом, судя по всему, сыграло не столько воздействие якобы огромной русской военной силы, а очевидно знакомство представителей разных кругов украинского общества с османской политикой и османскими порядками после событий 1672 г.

Можно отметить при этом еще одно важное обстоятельство. В «универсалах», которые П. Д. Дорошенко еще осенью 1673 г. рассылал по стране, он призывал людей не верить «прелестным листам» из-за Днепра, не обольщаться даже если «будут и свои вольности заднепровские обещати»⁹⁵. Очевидно, он опасался, что жителей могут привлечь порядки, установленные в Левобережном гетманстве после принятия в 1669 г. «Глуховских статей». Такое устройство было для населения Правобережья гораздо более приемлемым, чем порядки в Османской империи или в Польско-Литовском государстве. Общеизвестно, что на раде в Переяславе по «Переяславским статьям» население Правобережья (прежде всего старшина и казачество) получили те же права, которыми обладало население Левобережья. Важно, что сохранившиеся свидетельства о работе рады и ее решениях ничего не говорят о попытках участников рады на Правобережье выхлопотать для себя какие-то особые, дополнительные права. Не обсуждалась эта тема и во время посольства представителей правобережной старшины в Москву после рады. Очевидно, тот объем автономии, которым обладало в Русском государстве население Левобережья, население Правобережья в целом устраивал. Послы с Правобережья

⁹³ АЮЗР. Т. XI. № 118. Стб. 392.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 27. Л. 397 об.

⁹⁵ Там же. Л. 394.

добивались прежде всего, чтобы царь помог удалить «ляхов» из Белой Церкви — опорного пункта польской власти на Правобережье.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. К концу весны 1674 г., после долгой службы разъезд по домам принял широкие размеры, и у Г. Г. Ромодановского, и И. Самойловича не оказалось в распоряжении крупных военных сил. Выше уже цитировались высказывания гетманского посланца от 1 мая, что из армии Г. Г. Ромодановского «все разбежались по домом, а при боярине ныне толко одни стрельцы»⁹⁶. В своей грамоте Ив. Самойлович также писал, что «ныне войска мало, чють не сами оставаемяся» и скоро провести мобилизацию казаков он не может: «...и высылать их ныне, покамест не опочинут и паки не приберутся во всякие воинские запасы, трудно»⁹⁷. Если бы решения рады были приняты под воздействием чужой военной силы, то к концу весны была налицо благоприятная ситуация, чтобы избавиться от навязанных обязательств, но ничего подобного не произошло.

Разумеется, у Дорошенко оставались на Правобережье сторонники, его поддерживало наемное — «средняцкое» войско, но подавляющая часть населения Правобережья определенно порвала с проосманской ориентацией.

В отличие от них П. Дорошенко приложил, как известно, большие усилия, чтобы состоялся новый поход османских войск на Правобережье.

Колебания в позициях и полковников, и отдельных групп населения наметились в конце лета 1674 г. (так, например, на сторону Дорошенко и султана перешел упоминавшийся выше брацлавский полковник П. Лисица), но связано это было с тем, что русские власти не направили на Правобережье крупных военных сил, чтобы дать отпор наступлению османов.

В оценке действий этих военачальников как жестокой карательной экспедиции, наказывавшей нарушивших присягу «неверных» подданных, между исследователями нет разногласий. Эту оценку подкрепил своим внимательным анализом источников о походе османов украинский исследователь Н. Крикун⁹⁸.

⁹⁶ Там же. Л. 398.

⁹⁷ Там же. Л. 400 об. — 401.

⁹⁸ Крикун М. Турецький похід на Правобережну Україну 1674 року // Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. С. 351–392.

Важно попытаться рассмотреть, каково было при этом поведение разных кругов общества Правобережной Украины — старшины, казацкого войска, городского и сельского населения.

На юге Правобережной Украины находилось, как известно, войско из полков с Правобережья и Левобережья во главе с переяславским полковником Дм. Райчей, успешно отражавшее нападения татарских войск. С приходом османской армии положение изменилось. Как писал 6 августа Дм. Райча Ю. П. Трубецкому в Киев, «не пропустили до Днестра меня и с войсками»⁹⁹. Армия отступала на север — сначала к Корсуни, затем — к Каневу¹⁰⁰.

Как сообщали в Москве гонцы гетмана, вместе с Райчей у Канева стояли полки корсунский, кальницкий, уманский и брацлавский¹⁰¹. Таким образом, значительная часть казацкого войска ушла на север, не желая подчиняться османам.

Население в южной части Правобережья оказалось в тяжелом положении, не было собственных полков и не было русской помощи. Сидевшие в городах полковники просили помощи.

Три полковника с южной границы, обращаясь к И. Самойловичу, писали, что «если бы впредь хоть мало те посланки от вас свой поход опоздали, учинили бы здешним людям последнюю пагубу»¹⁰². Сохранилось также письмо П. Лисицы Д. Райче от 29 июля, в котором он пишет, что к его резиденции — Тульчину пришел «вынужденный неприятель», а он не может дать ему отпора, не имея русской помощи¹⁰³.

Все эти материалы достаточно ярко характеризуют настроения полковников. В тяжелой ситуации они настойчиво добивались помощи, явно не желая подчиняться власти османов.

Не получавшие помощи под угрозой османского войска города были вынуждены снова подчиниться власти Дорошенко. Так поступили Кальник, Немиров, Брацлав¹⁰⁴. Не все, однако, готовы были примириться с создавшимся положением. Так, известно, что атаман и войт такого поселения, как Лысянка, просили у гетмана помощи,

⁹⁹ АЮЗР. Т. XI. № 175. Стб. 593.

¹⁰⁰ Об отходе к Корсуни см.: Там же. № 179. Стб. 600; о ее пребывании у Канева — Там же. № 197. Стб. 656.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. № 173. Стб. 586.

¹⁰³ Там же. № 167. Стб. 547–548.

¹⁰⁴ *Крикун М.* Турецкий похід на Правобережну Україну 1674 року. С. 366.

«с кем им против салтана и турков стоять»¹⁰⁵. Не получив помощи, «Лисянка уся уступила за Днепр»¹⁰⁶.

Важно отметить, что даже в такой безнадежной ситуации целый ряд поселений все же решил сопротивляться османам. При начале османского похода, как сообщал его участник русский пленник П. Татаринов, казаки — жители целого ряда поселений у границы «билися ис тех городков, не щадя голов своих» и отказывались сдаться. В итоге турки «те городки приступом взяли и жителей всех с женами и детьми высекли»¹⁰⁷.

С серьезным сопротивлением османская армия столкнулась у г. Ладыжина на Южном Буге. В городе находились отряды казаков с Левобережья во главе с полковником А. Мурашко. По свидетельству П. Татаринова, А. Мурашко хотел уйти из города, но мешчане «его удержали и говорили ему, что они учнут с ним битца заодно». Осада продолжалась несколько дней, и город сдался, когда «от турков учали быть приступы жестокие и пороху у них не стало»¹⁰⁸.

Важным событием стала осада Умани в конце августа 1674 г. Свидетельства разных источников¹⁰⁹ говорят о том, что командующий османской армией вызвал на переговоры представителей казацкой верхушки во главе с полковником и их арестовал. Несмотря на это, жители решили сопротивляться. Осада продолжалась 10 дней, и, по свидетельству разных источников, османская армия понесла при этом серьезные потери. В «Летописи Самовидца», написанной современником событий и жителем Правобережья, подчеркивалось, что и после того, как османы овладели городскими укреплениями, уманцы «по улицам з дворов билися... аж усе полегли»¹¹⁰. Героический отпор жителей противопоставлялся жестокости завоевателей, поголовно истребивших население города. Такая характеристика события обнаруживается и в более поздних памятниках украинского

¹⁰⁵ АЮЗР. Т. XI. № 195. Стб. 649.

¹⁰⁶ Літопис Самовидця. С. 120.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Д. 166. Л. 528–529; Літопис Самовидця. С. 118; Крикун М. Турецкий похід на Правобережну Україну 1674 року. С. 366.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 79. Д. 166. Л. 507 — 527 об. Анализ источников об осаде Ладыжина см.: Крикун М. Турецкий похід на Правобережну Україну 1674 року. С. 367–376.

¹⁰⁹ Их анализ см.: Крикун М. Турецкий похід на Правобережну Україну 1674 року. С. 381–384.

¹¹⁰ Літопис Самовидця. С. 119.

летописания — «Летописи Величко» и «Летописи Грабянки». Так возникало сознание острого, непримиримого антагонизма между османами и населением Правобережья.

Характерно место Дорошенко в повествовании Самовидца о походе османов. В тексте читается, что «тое, що турки не добрали, где що в схованнях было, то тое от него послание отбирали»¹¹¹. Дорошенко как бы завершал разорение страны, начатое османами.

Не все жители Правобережья решались вести борьбу в такой безнадёжной ситуации. Многие городки на территории гетманства подчинились без войны гетману Дорошенко и его патронам. Сохранился ряд свидетельств, которые позволяют судить о том, как воспринимало их население происходящее, какую видело перспективу, какой искало выход из сложившегося положения. Свидетельства эти содержатся в грамотах, посылавшихся из ряда городков Киевской земли, подчинившихся Петру Дорошенко, киевскому полковнику и киевскому воеводе Ю. П. Трубецкому. Уже сами такие поступки представителей власти на местах — сотников, определенно говорят об отношении населения, от имени которого сотники выступали, к новой власти. Когда в начале октября П. Дорошенко с войском «став подо Ржищевом», попытался подготовить переправу через Днепр, о таких планах трепольский сотник Иван Кохановский поспешил сообщить киевскому воеводе¹¹².

О порядках, установившихся на этих территориях, позволяет судить письмо от 10 октября, отправленное сотником из Ржищева каневскому полковнику Ивану Гурскому. Он сообщал, что Дорошенко и татары ушли, но до этого «стацею бесчисленную взяли», «что хотели, то брали, также и в сундуках ничего не оставили». «Серденята» — войско П. Дорошенко «пооткапывали» спрятанные жителями запасы¹¹³. И здесь войско Дорошенко выступает как сила, завершающая разорение страны. Положение в других местах было еще хуже. Сотник другого городка — Мотовиловки сообщал, что 9 октября в Фастов, который подчинился Дорошенко в начале сентября¹¹⁴, «татаровя пришли и людей в неволю поимали»¹¹⁵.

¹¹¹ Там же. С. 120.

¹¹² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 30. Л. 37.

¹¹³ Там же. Л. 63 — 63 об.

¹¹⁴ В это время сотник из Фастова поехал «на поклон» в Паволочь к брату гетмана — Андрею (Там же. Л. 6).

¹¹⁵ Там же. Л. 19.

Сделанные в Киеве в это время записи «выходцев» показывают, что этим действия татар не ограничивались. Так, сохранилось сообщение, что хан, уходя в Крым, «с собою взял для веры со всякого казачьего полку самых лутчих людей казаков по три человека»¹¹⁶. Это сообщение отражало представление, что установление новой власти означало далеко заходящее подчинение власти татар, что гарантировало взятие заложников из числа «самых лутчих людей». Сохранилось и свидетельство, показывающее, как объяснялись такие действия хана и что они говорили населению о характере отношений властей гетманства и их патронов. Хан, согласно этому сообщению, увел с собой «полковников и сотников и атаманов и всю казацкую старшину... сковав в кандалы». Далее этот поступок объяснялся тем, что хан, если ему не хватит «полона», заберет и этих старшин, и «для того хан Дорошенка и полковников из обозу своего никуда не пускает»¹¹⁷. В этом рассказе отразилось представление о полной зависимости Дорошенка и его старшины от татар, которые с ними совершенно не считаются и обращаются с ними и с населением как хотят.

Грамоты содержат свидетельства, какой выход видели простые люди Правобережья из сложившейся ситуации. В письме от 6 октября трепольский сотник Иван Кохановский писал киевскому полковнику Конст. Солонине, что он и жители города «нехотя здались» османам, но они «не изменники», «кланяемся, а просим: изволь нас ты по твоему мудрому совету держать и попечение иметь»¹¹⁸. Позднее сотники и городской атаман из Треполя приехали в Киев просить, чтобы царь «велел им быть под своею... державною рукою по прежнему»¹¹⁹. И это было не единственное свидетельство такого рода. 13 октября в Киев к воеводе обратился «Андрей Левицкий сотник мотовиловский со всем посольством». В письме говорилось, что сотник просил находившийся в городе русский гарнизон — «не выдавайте нас поганским рукам», но «оставили нас». В письме жители обещали, что будут посылать «вести» о положении на Правобережье и «ни в чем не будем противны его царскому величеству»¹²⁰. Здесь до нас доносится голос простых людей Правобережья, которые, по оценке

¹¹⁶ Там же. Л. 70 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 48.

¹¹⁸ Там же. Л. 41—41 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 65 об.

¹²⁰ Там же. Л. 66—66 об.

Д. И. Дорошенко, не могли воспринять высокой государственной идеи своего гетмана. Они, однако, сталкивались с ощутимыми последствиями попыток ее осуществления и искали поддержки и помощи в России.

Еще Н. И. Костомаров в «Руине» привел свидетельства о начавшейся массовой эмиграции населения за Днепр, чему силой пытался безуспешно препятствовать Дорошенко¹²¹. Это, пожалуй, была наиболее очевидная реакция населения Правобережья на османскую альтернативу, вызванная опытом соприкосновения с политикой османов и устанавливаемым ими порядками. Вслед за Н. И. Костомаровым об этой массовой миграции говорит и «Украинская национальная революция»¹²². Спасаясь от османов, население переселялось на восток, за Днепр, но не на запад, на земли Речи Посполитой. При этом не делается очевидный вывод, что лишь на землях под властью Русского государства люди с Правобережья рассчитывали найти приемлемые условия для своего существования.

Трагизм ситуации состоял, конечно, в том, что русское правительство не смогло дать отпор походу османов на Правобережье. Изучение источников о действиях русского правительства и военачальников может дать ответ на вопрос, какие ошибки в оценке международной ситуации и при мобилизации военных сил способствовали такому печальному итогу, но для оценки османской альтернативы тот или иной ответ на этот вопрос значения не имеет. После достаточно короткого контакта с османами и их политикой население Правобережья решительно отвергло эту альтернативу и связанную с ней политику Дорошенко, ощутив на себе ее последствия.

Уже сама попытка подчинить украинские земли такому «прогрессивному» государству, как Османская империя, с характерным для нее отношением к автономии входящих в нее народов, заставляет сомневаться в «прогрессивности» политики Дорошенко и ее соответствии интересам украинского народа. В самом лучшем случае приходится констатировать, что Дорошенко и его сторонники не имели представления, с партнером какого рода они вступили в соглашение. Однако если целый ряд его сторонников, осознав ложность выбора, пытались найти выход из ситуации, сложившейся с походом османов

¹²¹ Костомаров Н. И. Руина. С. 256–257.

¹²² Смолій В. А., Степанков В. С. Українська національна революція. С. 326.

на земли Восточной Европы, то гетман Дорошенко затратил большие усилия к тому, чтобы побудить османов и татар к новым походам на Правобережье. Разумеется, он не хотел разорения страны, но оно стало закономерным результатом его усилий.

Источники

De La Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689. 197 p.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863–1892. Т. 11: 1672–1674; Прибавления 1657 / ред. Н. И. Костомаров, Г. Ф. Карпов. СПб.: Тип. Эттингера, 1879. 456 с.

Літопис Самовидця. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Ф. 79 (Сношения России с Польшей).

Литература

Великанов В. В. «Заднепровский поход 182 г.» войск князя Г. Г. Ромодановского и Переяславская рада 1674 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 63–74.

Грушевский М. С. История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем: в 2 томах / под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского и др. Т. I. СПб.: М. А. Славинский, 1914. С. 37–360.

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк: Издательство УВАН в США, 1985. 704 с.

Дорошенко Д. І. Нарис історії України. Львів: Світ, 1991. 572 с.

Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография 1663–1685 гг. // Костомаров Н. И. Собрание сочинений: кн. I–VIII. Кн. VI. СПб.: О-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Лит. Фонд»), 1905. 815 с.

Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття: Статті і матеріали. Київ: Критика, 2006. 473 с.

Смолій В. А., Степанков В. С. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 pp.). Київ: Альтернативи, 1999. 352 с.

Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII в. Кишинев: Штиинца, 1980. 288 с.

Эйнгорн В. О. Дипломатические сношения московского правительства с Правобережной Малороссией в 1673 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, май. С. 118–151.

Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2000. 500 s.

Woliński J. Wojna polsko-turecka w świetle relacji rezydentów austriackich w Turcji // *Studia I materiały do historii wojskowości*. T. VII, cz. 2. Warszawa: Min. Obrony Narodowej, 1961. S. 322–393.

References

Doroshenko D. *Het'man Petro Doroshenko: Ohliad ŭoho zhyttia i politychnoi diial'nosti*. New York, Yzdatel'stvo UVAN v SShA, 1985, 704 p.

Doroshenko D. I. *Narys istorii Ukraïny*. L'viv, Svyt, 1991, 572 p.

Eingorn V. O. Diplomaticheskije snosheniia moskovskogo pravitel'stva s Pravoberezhnoi Malorossiji v 1673 g. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia*, 1898, May, pp. 118–151.

Grushevskii M. S. Istoriia ukrainskogo naroda. *Ukrainskii narod v jeho proshlom i nastoiashchem*: vol. 1–2, eds. F. K. Volkov, M. S. Grushevskii. Vol. I. Saint Petersburg, M. A. Slavinskii, 1914, pp. 37–360.

Kostomarov N. I. Ruina. Istoricheskaia monografiia 1663–1685 gg. Kostomarov N. I. *Sobranije sochinenii*, books I–VIII. Book VI. Saint Petersburg, O-vo dlia posobiiia nuzhdaiushchimsia literatoram i uchenym ("Lit. Fond"), 1905, 815 p.

Krykun M. *Mizh viinoiu y radoiu. Kozatstvo Pravoberezhnoi Ukraïny v druhii polovyni XVII – na pochatku XVIII stolittia: Statti i materiialy*. Kyiv, Krytyka, 2006, 473 p.

Perdenia J. Hetman Piótr Doroszenko a Polska. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2000, 500 p.

Smoliŭ V. A., Stepankov V. S. *Ukraïns'ka natsional'na revoliutsiia XVII st. (1648–1676 rr.)*. Kyiv, Al'ternatyvy, 1999, 352 p.

Sovetov P. V. *Razvitije feodalizma i krest'iane Moldavii. Ocherki istorii renty v XVI – nachale XVIII v.* Kishinev, Shtiintsa, 1980, 288 p.

Velikanov V. V. «Zadneprovskii pokhod 182 g.» voisk kniazia G. G. Romodanovskogo i Pereiaslavskaia rada 1674 g. *Drevniaia Rus'. Voprosy medijevistiki*, 2021, no. 4 (86), pp. 63–74.

Woliński J. Wojna polsko-turecka w świetle relacji rezydentów austriackich w Turcji. *Studia I materiały do historii wojskowości*, vol. VII, part 2. Warszawa, Min. Obrony narodowej, 1961, pp. 322–393.

Boris N. Florya

Dr. Sci. (History)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Head of the Medieval History Department

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

About the Ottoman “Alternative” in the History of Ukraine in the Second Half of the Seventeenth Century

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.01

Abstract: The author demonstrates the Ukrainian historians' points of view on the character of relations between the Ukrainian Hetmanate and the Osman Empire. These views are compared with the evidence in sources about the Ottoman politics toward the Ukrainian lands and the attitude of the Ukrainian population to the Osmans.

Keywords: Cossacks, Ukrainian Hetmanate, Osman Empire, Hetman Doroshenko, N. I. Kostomarov, M. S. Grushevskiy

Лариса Леонидовна Щавинская

кандидат филологических наук, доцент
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
E-mail: slaviabel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9385-3509

Сенатор Д. П. Трощинский — «благодетель Малороссии»

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.02

Аннотация: Д. П. Трощинский, уроженец глубинных украинских земель, потомок древнего казачьего рода, со временем ставший влиятельнейшим человеком в империи, доверенным лицом императрицы Екатерины II и императора Павла I, никогда не забывал о своей малой родине. «Благодетель Малороссии», так говорил о нем молодой Н. В. Гоголь. Во время Отечественной войны 1812 г. Трощинский создает местное казачье малороссийское народное ополчение и в полных горячего патриотизма письмах и воззваниях к М. И. Кутузову ободряет его на борьбу с врагом, зная, что мы победим, ибо «сила народа нашего велика». Полтавское имение Трощинского в селе Кибицы было значительным культурным центром Полтавщины, именовавшимся «малороссийскими Афинами». Сенатор постоянно поддерживал многих культурных деятелей своих земляков, в том числе Н. В. Гоголя, В. В. Капниста, В. Л. Боровиковского и других. Свидетельством его огромной славы на родине может служить пример, когда один из героев прозы Т. Г. Шевченко стремится поехать на Полтавщину, чтобы «поклониться праху славного козака-вельможи Трощинского».

Ключевые слова: Трощинский Д. П., Малороссия, Гоголь Н. В., Кутузов М. И., книжная культура, украинско-русские и русско-украинские культурные связи

«**Б**лагодетель Малороссии»¹ — эти слова молодого Н. В. Гоголя — одна из точных характеристик выдающегося государственного деятеля Российской империи конца XVIII — начала XIX в. сенатора Дмитрия Прокофьевича Трощинского (1749/1754–1829), дальнего

¹ См.: *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 33.

свойственника Гоголя по материнской линии², сыгравшего значимую роль в жизни великого писателя. Трощинский принимал необычайно важное участие в судьбе как самого Гоголя, так и всей его семьи.

Архивные материалы о Д. П. Трощинском, будущем сенаторе и министре, в основном не публиковались. Сохранилось несколько его живописных портретов, но о нем самом очень мало написано. Почти невероятно, но этот посланец глубинных украинских земель стал со временем одним из самых влиятельных лиц в Российской империи, ближайшим доверенным лицом императрицы Екатерины II и императора Александра I. Трощинский принадлежал к числу «особенно даровитых русских служилых людей, подвизавшихся на гражданском поприще и дошедших до высших государственных должностей прямым путем добросовестного и энергического труда... Без связей, без громкого имени, он сумел поставить себя в близкие отношения к престолу, удержать за собою это положение в продолжение трех царствований, и главное — сохранил при этом славу человека вполне честного, прямодушного и бескорыстного»³.

Д. П. Трощинский родился в 1754 г.⁴ (по иным сведениям, в 1749 г.⁵) в г. Глухове Черниговской губернии (по другим данным, «в с. Ярьески, ныне Шишацкого р-ну Полтав[ской] обл.»⁶) в семье войскового писаря из обедневшего казацкого рода. Не существует единого мнения и о месте его рождения и обстоятельствах получения образования⁷. «Дмитрий Прокофьевич Трощинский, судя по дан-

² Брат Д. П. Трощинского был женат на родной тетке матери Н. В. Гоголя М. И. Гоголь-Яновской, в доме которой она воспитывалась.

³ *Ореус И. И.* Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829) // Русская старина. 1882. № 6. С. 641.

⁴ Трощинский Дмитрий Прокофьевич // Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 758.

⁵ *Миронова І. С.* Дмитро Прокопович Трощинський (1749–1829) — державний діяч Російської імперії, меценат української культури // Історичний архів. Наукові студії: Зб. наук. пр. Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2015. Вип. 15. С. 94.

⁶ *Дзюба О.* Трощинський Дмитро Прокопович // Шевченківська енциклопедія. У 6 т. Т. 6: Т–Я. Київ, 2015. С. 318.

⁷ «Самого низкого происхождения... не зная ни одного иностранного языка, учившись и русской грамоте, как он нисколько того не скрывал, только у приходского дьячка, Трощинский начал службу с нижних чинов, в бывшей Малороссийской коллегии; но хорошою головою, прилежанием, и самообразованием посредством чтения всего, что только в то время можно было читать по-русски, вскоре проложил себе путь

ным формулярного списка, умел лишь читать и писать по-русски. По некоторым источникам, он учился в Киевской академии, хотя это вызывает большие сомнения. Правда, уже будучи в отставке, зимой 1800–1801 гг., он слушал лекции в Московском университете (в возрасте 50 лет)⁸. Будущий сенатор и министр, Трощинский начал свою службу в 1766 г. в Малороссийской коллегии рядовым канцеляристом. «Патент на первый чин (полкового писаря) дан был ему из Малороссийской коллегии 21-го июня 1773 года; но служебную деятельность свою он, вероятно, начал несколько ранее, поступив для занятия письменными делами в штаб корпуса, занимавшего Молдавию»⁹. Коллегия располагалась в родном его городе Глухове, бывшем резиденцией украинских гетманов. В 1773 г. он уже секретарь в штабе генерал-аншефа князя Н. В. Репнина, с которым ему предстоит участвовать в военной кампании против турок, побывать в Молдавии и Константинополе, а затем служить в Смоленске, Орле, Умани, Пскове и в других местах.

В 1783 г. Трощинский в чине надворного советника переходит на гражданскую службу и в 1784 г. назначается правителем канцелярии будущего государственного канцлера Российской империи князя А. А. Безбородко, своего земляка из Глухова, также выходца из казацкой среды. Трощинский и Безбородко были сверстниками, хорошо знали друг друга еще со времени службы в Малороссийской коллегии под управлением ее президента графа П. А. Румянцева-Задунайского, который постоянно способствовал карьерному продвижению последнего. В 1775 г. Безбородко становится секретарем Екатерины II, и вся его дальнейшая жизнь оказывается связанной с Петербургом. Туда же десятилетие спустя прибывает и Трощинский, содействие служебному росту которого Безбородко оказывал вплоть до своей кончины, последовавшей весной 1799 г. Трощинский уже через несколько лет после своего появления в Петербурге замещает Безбородко в качестве секретаря императрицы, а позднее

к возвышению. Приобретя покровительство Репнина, а потом Безбородки, он, в 1793-м году, уже был секретарем при императрице Екатерине» (*Корф М. А.* Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского // *Русская старина.* 1903. № 2. С. 212).

⁸ *Феофанов А. М.* Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – первой половины XIX в. // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2012. Вып. 1 (44). С. 25.

⁹ *Ореус И. И.* Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829). С. 643.

способствует исполнению заветной воли Безбородко по организации Гимназии высших наук в Нежине, куда затем помогает устроить на учебу юного Николая Гоголя.

В царствование Павла I Трощинский состоял в должности президента Главного почтового правления, однако конец правления Павла I был не самым благоприятным периодом в жизни Трощинского. Но с восшествием на престол Александра I в 1801 г. он стал одним из «ближайших к нему в начале его царствования»¹⁰, доверие к которому со стороны императора было безграничным. «Не многим из государственных людей времен Екатерины II довелось продолжать — более, менее — свою опытную деятельность в царствовании Александра I». Одним из подготовленных ею и при ней же достигших «некоторой известности и почета... был и Дмитрий Прокофьевич Трощинский»¹¹. И уже в марте 1801 г. в состав учреждаемого «Совета для рассматривания важных государственных дел» среди «лиц, доверенностью Нашею и общею почтенных», император назначает и «тайного советника Трощинского»¹². Этому Совету, учрежденному «по инициативе Д. П. Трощинского» как постоянно действующему при императоре совещательному учреждению, «предстояло решить многие задачи в области законодательства... разработать коренные законы государственного управления»¹³. С сентября 1802 г. Трощинский назначается на должность министра Департамента уделов, на которой он состоит вплоть до июня 1806 г.¹⁴

Со временем, когда возраст и болезни постепенно дают о себе знать, Дмитрий Прокофьевич, по словам его племянника А. А. Тро-

¹⁰ Корф М. А. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского // Русская старина. 1903. № 1. С. 7. «Манифест о восшествии на престол» Александра I был подписан Трощинским (Там же. С. 20).

¹¹ Сушков Н. Из записок о времени Александра I // Вестник Европы. Т. II. Июнь. 1867. С. 175.

¹² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVI. 1800–1801 гг. СПб., 1830. С. 598.

¹³ Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: Замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 38.

¹⁴ Приходько М. А. Павловские министры в правление императора Александра I (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 75–78 [Электронный журнал]. URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/121> (дата обращения: 18.01.2023).

щинского, все чаще начинает «вспоминать о намерении своем оставить службу, его изнуряющую, и о своей отчизне, то есть любезной нашей Малороссии, с великою похвалою, относящеюся до выгод жизни, добронравия и простосердечия наших обитателей; и там, по его намерению, желает он проводить остаток дней своих»¹⁵. В 1806 г. Трощинский уходит в отставку, поселяется в своем имении Кибинцы, в свое время пожалованном ему Екатериной II: «...в селе Кибинцах, поселился известный Дмитрий Прокофьевич Трощинский, гений своего рода, который из бедного козачьего мальчика умел своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиции»¹⁶. Здесь он построил себе обширный усадебный ансамбль с деревянным дворцом, а напротив церковь¹⁷ — место будущего своего погребения. «Устав на долгом пути государственной службы, почтенный старец отдыхал в сельском уединении посреди близких своих домашних и земляков». Среди его земляков было и семейство его свойственников Гоголей. Отец Н. В. Гоголя, Василий Афанасьевич, состоял с Трощинским в самых приятельских отношениях. «Оригинальный ум и редкий дар слова, какими обладал сосед, были оценены вполне воспитанником высшего столичного круга. С своей стороны, Василий Афанасьевич Гоголь не мог найти ни лучшего собеседника, как бывший министр, ни обширнейшего и более избранного круга слушателей, как тот, который собирался в доме государственного человека, отдохавшего на родине после долгих трудов. Тот и другой открыли в себе взаимно много родственного, много общего, много одинаково интересующего»¹⁸.

После своего ухода в отставку Трощинский счастливо проживает в своем имении восемь лет, он избирается предводителем полтавского дворянства. В Кибинцах у него был организован домашний театр,

¹⁵ *Ореус И. И.* Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829). С. 649.

¹⁶ *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. С. 11.

¹⁷ Ряд икон для этого храма, среди которых икона св. Димитрия Мироточивого, небесного патрона Трощинского, по воспоминаниям были написаны известным художником, уроженцем Миргорода В. Л. Боровиковским. «Многие иконостасы в Малороссии писаны были им». Но уже в конце XIX в. большинство «его сельских иконостасов той эпохи погибло вследствие перестройки и подновления церкви» (*Горленко В. П.* Владимир Лукич Боровиковский // Русский архив. 1891. № 6. С. 259).

¹⁸ *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. С. 11.

на сцене которого в том числе выступали отец и мать Н. В. Гоголя¹⁹. По словам близко знавших его людей, Трощинский очень любил малороссийские пьесы, которые «сочинял и устраивал обыкновенно родственник племянника его, Гоголь, отец известного Николая Васильевича Гоголя»²⁰.

В героическом 1812 г. Трощинский показал себя не только как горячий патриот, но и как деятельный организатор народного ополчения, активно участвуя в создании местного казачьего отряда для борьбы с Наполеоном²¹. Лично знавший М. И. Кутузова, он все время морально поддерживает его и зовет на дальнейшую борьбу с агрессором. В своем письме к Кутузову, написанном в Полтаве 26 сентября 1812 г., Трощинский пишет: «Боже мой! До какого по несчастью дожили мы времени! Кровь на сердце запекается, когда помыслию, что ни мужественное многочисленное воинство, ни вождь, состарившийся на бранях и многократно победою увенчанный, не могли заградить ворот Москвы кровожадному врагу, неслыханно счастливыми случайностями водимому и убеждающему даже и самых недоверчивых людей в том, что несбыточному верить должно... Но зачем предаваться унынию?.. Вы еще живы, дух российский еще жив и в сердцах соотечественников наших воспламенится несчастьем, как бурею искра в погасающем пожаре. Сия надежда утешает меня и ободряет совещать[ся] с вами о спасении престола и Отечества. С доверенностью предложу вам мои мысли: главнейшая есть та, что сила народа нашего велика»²².

Прекрасно понимая, что одержать победу в борьбе со столь грозным противником, как Наполеон, возможно лишь в единении всех слоев населения Российской империи, когда, по словам С. С. Уварова,

¹⁹ *Мани Ю. В.* Украинские Афины // Педагогика искусства. Электронный научный журнал учреждения Российской академии образования «Институт художественного образования». 2009. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/ukrainskie-afiny> (дата обращения: 18.01.2023).

²⁰ Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. XLIV. С. 363.

²¹ «Главным инициатором и руководителем этого дела был, в качестве миргородского и губернского маршала, Дмитрий Прокофиевич Трощинский, бывший впоследствии министром юстиции» (Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская старина. 1886. № 12. С. 709).

²² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 271–272.

«всякий русский крестьянин сделался героем» и «все восстали по одному мановению»²³, Трощинский был особенно возмущен нерадивостью государственных чиновников различного ранга, вплоть до самых высших, которые «как благородные люди могут равнодушны быть в деле толико важном, каково есть защита отечества»²⁴. В кратчайшие сроки ему удалось сформировать свое многотысячное ополчение и рапортовать М. И. Кутузову: «Благоволите распоряжать[ся] оным, и если сего мало, то именем предводимого мною дворянства уверяю, что к защите престола и Отечества готовы все жертвовать и имением и жизнью»²⁵.

Активный участник важнейших событий в истории Российской империи конца XVIII — начала XIX в., Трощинский принадлежал к тому поколению образованных россиян, которое считало едва ли не главными из них наполеоновские войны и потому, с возможной тщательностью, и до 1812 г. и после, собирало все написанное в России и за рубежом о том героическом времени²⁶.

Летом 1814 г. Трощинский в качестве почетного делегата от Полтавщины едет в Петербург для торжественной встречи Александра I, возвращавшегося из заграничного похода. В том же 1814 г. он вступил в должность министра юстиции. По словам современников, он был «бичом справедливых» и «покровителем бедных»²⁷, известный «правотою души своей»²⁸. «Трощинский, уроженец Малороссии, и вдали от родины сохранил независимость стойкого малороссийского характера и малороссийский юмор — тонкую, но не обидную

²³ Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 29.

²⁴ Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская старина. 1886. № 12. С. 710.

²⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... С. 272.

²⁶ Лыбичев Ю. А., Щавинская Л. Л. Библиотека сенатора Д. П. Трощинского: литература об Отечественной войне 1812 г. // Чертковские чтения. Материалы второй научной конференции 26–27 сент. 2012 г. М., 2013. С. 77–83; Лыбичев Ю. А. Русская литература о наполеоновских войнах в библиотеке сенатора Д. П. Трощинского // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 124–133; Щавинская Л. Л. Западноевропейская литература о наполеоновских войнах в библиотеке сенатора Д. П. Трощинского // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 118–124.

²⁷ Ореус И. И. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829). С. 653.

²⁸ Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. XLIV. С. 358.

насмешливость». В его «полумароссийском, полупатриархальном» петербургском доме «постоянно встречались большие и малые того времени литераторы с большими и малыми представителями всех слоев петербургского общества»²⁹.

Дмитрий Прокофьевич пробыл на посту министра юстиции три года, «с 30 августа 1814 до 25 августа 1817 годов»³⁰. В бытность свою на этой должности современники характеризовали его как министра «отличной твердостию и редким в делах государственных искусством» одаренного³¹. На этом посту он всегда высказывал свое мнение «как по долгу звания... так и по самой любви к отечеству»³². Так, при обсуждении проекта Гражданского уложения Трощинский с гордостью сообщает, «что я Россиянин... сравнивая себя с подданными других держав, чувствую себя пред прочими свое преимущество, ибо каждый Россиянин уверен совершенно, что... жизнь его всегда охранена законом, благодетельствующем равно для всех, без различия рода и пола»³³.

В августе 1817 г. Трощинский подал в отставку. Однако он в силу сложившихся обстоятельств окончательно вернется из Петербурга в Кибицы лишь в 1822 г. Он возвратится в родные места, чтобы проводить время в своих имениях, больше всего в Кибицах, где приложил еще немало сил для превращения собственной резиденции в один из самых значительных культурных центров в украинской провинции. Трощинский всегда «заботился о благоденствии Малороссии. Эта любовь его к родине известна была не только дворянству, но и всему народонаселению»³⁴. Сделавшись вельможей, он стал полезным слугой отечества, особенно же «благодетелем своей родины»³⁵.

²⁹ Сушков Н. В. Из записок о времени императора Александра I // Вестник Европы. 1867. № 6. С. 175–176.

³⁰ Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802–1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 30.

³¹ Ореус И. И. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829). С. 656.

³² Мнение министра Трощинского о проекте уложения // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1859. Июль–Сентябрь. Кн. 3. V. Смесь. С. 1.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Скалон С. В. (Капнист-Скалон С. В.) Воспоминания / коммент. Г. Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 309.

³⁵ Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. XLIV. С. 358.

Полтавское имение Трощинского в селе Кибинцы, ставшее значительным культурным центром Полтавщины, именовалось даже «малороссийскими Афинами», или, как писал Кулиш, «Афины времен Гоголева отца»³⁶. Особую роль Трощинский сыграл в судьбе Н. В. Гоголя. В его кибинском имении даже был выделен отдельный флигель, в котором часто пребывало семейство Гоголей-Яновских. Исполняя заветную волю Безбородко по организации Гимназии высших наук в Нежине, он затем помогает устроить туда юного Николая Гоголя, выплачивая за его обучение «в год по 1200 рублей»³⁷, сумму неподъемную для небогатого семейства Гоголей. Огромная кибинская библиотека с детских лет открывала перед будущим великим писателем необъятные горизонты мировой культуры. Так, в гимназические годы Гоголь составляет «Подручную энциклопедию»³⁸ всевозможных выписок, часть которых была почерпнута, скорее всего, из материалов кибинской библиотеки. Выписки эти в значительном числе непосредственно касались украинской истории и культуры — тем, которые прямо или опосредованно стали основными для Гоголя — начинающего писателя.

Трощинский постоянно поддерживал многих культурных деятелей, в том числе В. В. Капниста, В. Л. Боровиковского и многих других. Как впоследствии вспоминала мать Гоголя, Капнисты «подходили к Трощинскому с приличными приветствиями в стихах; иногда экспромтом сочиняли комедии и играли в Кибинцах в театре Трощинского... Мы с мужем моим, которого Д. П. очень любил, жили безвыездно у него»³⁹. Свою книгу «Опыт собрания старинных малороссийских песен»⁴⁰, зная его любовь к Малороссии, посвятил Трощинскому Н. А. Цетлерев⁴¹. Этнограф

³⁶ Кулиш П. А. Несколько предварительных слов // Основа. 1862. № 2. Отд. 6. С. 20.

³⁷ Ореус И. И. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829). С. 657.

³⁸ Гоголь Н. В. Записная книга «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия». [1826–1832]. Автограф, рисунки, чертежи // ОР РГБ. Ф. 74. Карт. 5. Ед. хр. 1.

³⁹ Из воспоминаний матери Гоголя (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову) // Современник. 1913. № 4. С. 250.

⁴⁰ «Димитрию Прокофиевичу Трощинскому с глубочайшим почтением посвящает князь Цетрелев» // Опыт собрания старинных малороссийских песен. СПб., 1819. С. [3].

⁴¹ Князь Николай Андреевич Цетрелев (1790–1869), литератор, фольклорист, общественный деятель, исследователь русской и украинской народной поэзии. За свои этнографические труды в 1820 г. награжден серебряной медалью Академии наук.

Я. М. Маркович⁴², которому покровительствовал в Петербурге Трощинский, «с охотою помогавший землякам, приезжавшим в Петербург искать счастья»⁴³, свою книгу «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях»⁴⁴ предваряет посвящением Трощинскому: «Его превосходительству Господину тайному советнику находящемуся при Его Императорском Величестве, Главного почтового правления первому члену и Ордену Святыя Анны первой степени и Святаго Владимира второй степени, кавалеру Дмитрию Прокопиевичу Трощинскому Милостивому Государю»⁴⁵. Один из героев прозы Т. Г. Шевченко стремится поехать на Полтавщину, чтобы «поклониться праху славного козака-вельможи Трощинского»⁴⁶. С. В. Капнист⁴⁷ посвятил Д. П. Трощинскому свою оду «Благодетелю»⁴⁸.

В Кибицы из Петербурга Трощинский перевез свою огромную библиотеку⁴⁹, для заведования которой даже был особый библиотекарь. Интерес к книгам был у Трощинского всегда, но наиболее активно он стал их собирать, находясь в Петербурге. Именно там его библиотека в основном и сформировалась. Основной корпус книжного собрания составляли издания XVIII — первой половины XIX в. Кроме того, поражало огромное количество изданий по словесности, как отечественной, так и иностранной. Ну и, конечно же, были в ней

⁴² Маркович Яков Михайлович (1776–1804), историк, этнограф и фольклорист, уроженец Полтавщины.

⁴³ Лазаревский А. Прежние изыскатели малорусской старины // Киевская старина. 1894. № 12. С. 357.

⁴⁴ Маркович Я. Записки о Малороссии: ее жителях и произведениях. СПб.: При Губернском правлении, 1798.

⁴⁵ Там же. С. [3].

⁴⁶ Шевченко Т. Г. Близнецы // Шевченко Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. Т. 4: Повісті. С. 40.

⁴⁷ Капнист Семен Васильевич (1791–1843), сын русского поэта и драматурга Капниста Василия Васильевича, сотрудник «Журнала древней и новой словесности», с 1820 г. действительный член по части словесности Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

⁴⁸ Институт русской литературы РАН (ИРЛИ РАН). Рукописный отдел. Ф. 538 «Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829), государственный деятель». URL: <https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=BA3F7BAC-F3D2-3951-2B01-BB68E410953B&ida=26> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴⁹ Во время своего обучения в Нежинском лицее библиотекой Трощинского активно пользовался молодой Н. В. Гоголь, выписывая книги и журналы в Нежин, аккуратно потом их возвращая.

все немногочисленные тогда издания, относящиеся к «малороссийской словесности», включая и первоиздание знаменитой «Енеиды» И. П. Котляревского, опубликованное в 1798 г. в столице Российской империи, а также рукописные произведения отца Н. В. Гоголя Василия Афанасьевича. Несомненно, весьма интересовала Трощинского и собственно украинская история, и потому им собирались не только печатные издания, тому посвященные, но и местные рукописи, в том числе казацкие летописи.

Сбергалось в этой библиотеке и довольно значительное число печатных книг и рукописей местного происхождения, которые не только приобретались Д. П. Трощинским, но и щедро дарились ему. В 1820-е гг. библиотека эта насчитывала около десяти тысяч наименований книг, среди которых было немало иностранных, прежде всего французских. Состав ее был универсален. В ней находились книги практически по всем отраслям знаний. Огромный раздел его библиотеки — религиозная книжность. Здесь были печатные издания и рукописи на нескольких языках, представлявшие христианское учение во всей полноте его конфессиональных составляющих, а также буддизм, магометанство и даже язычество. Имелись в библиотеке явно интересовавшие Трощинского сочинения Г. С. Сковороды, в том числе собственноручные рукописные.

В библиотеке Трощинского находились тогда, пожалуй, все важнейшие на тот момент книги по истории и географии Российской империи, российскому и иностранному законодательству, без знания которых совершенно невозможно представить столь успешную деятельность его как одного из высших царских сановников, руководителей самого обширного в мире государства. Богатейшая библиотека Трощинского, несколько расширенная затем его наследниками, после его кончины перевозится из Кибищ в имение Кагарлык и после разорения в начале 1860-х гг. Д. А. Трощинского выставляется на торги⁵⁰. Сейчас книги из нее находятся в собраниях Украины и России, преимущественно в Киеве и Москве⁵¹.

⁵⁰ Каталог Антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874.

⁵¹ См., например: *Фоменко И. Ю.* Конволют из библиотеки Д. П. Трощинского в собрании ГПИБ // Чертковские чтения. Сборник материалов Третьей международной научной конференции. М.: ГПИБ, 2015. С. 151–159.

Будучи верным гражданином Российской империи и добросовестно служа ей на всех должностях и постах, Д. П. Трощинский нежно любил свою Малороссию и много для нее сделал. Без его многолетнего постоянного участия совсем иными могли бы быть важнейшие события в истории Европы и Российской империи, в том числе судьба гениального Н. В. Гоголя.

Источники

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным: Ч. 1–10. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897–1912.

Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. XLIV. С. 338–367.

Гоголь Н. В. Записная книга «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия». [1826–1832]. Автограф, рисунки, чертежи // Отдел рукописей РГБ. Ф. 74. Карт. 5. Ед. хр. 1.

Из воспоминаний матери Гоголя (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову) // Современник. 1913. № 4. С. 247–253.

Институт русской литературы РАН (ИРЛИ РАН). Рукописный отдел. Ф. 538 «Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829), государственный деятель».

Каталог Антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев: В тип. Е. Я. Федорова, 1874. 343 с.

Корф М. А. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского // Русская старина. 1903. № 1. С. 5–36; № 2. С. 211–234.

Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. С.-Петербург: в типографии Александра Якобсона, 1856. Т. 1. 349 с.

Кулиш П. А. Несколько предварительных слов // Основа. 1862. № 2. Отд. 6. С. 19–23.

Лазаревский А. Прежние изыскатели малорусской старины // Киевская старина. 1894. № 12. С. 349–387.

Маркович Я. Записки о Малороссии: ее жителей и произведениях. СПб.: При Губернском правлении, 1798. 98 с.

Мнение министра Трощинского о проекте уложения // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1859. Июль–Сентябрь. Кн. 3. V. Смесь. С. 1–24.

Опыт собрания старинных малороссийских песен. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1819. 76 с.

Ореус И. И. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829) // Русская старина. 1882. № 6. С. 641–682.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVI. 1800–1801 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.

Горленко В. П. Владимир Лукич Боровиковский // Русский архив. 1891. № 6. С. 257–291.

Скалон С. В. (Капнист-Скалон С. В.) Воспоминания / коммент. Г. Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М.: Современник, 1990. С. 281–388.

Сушков Н. Из записок о времени Александра I // Вестник Европы. Т. II. Июнь. 1867. С. 175–200.

Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарте. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1814. 51 с.

Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская старина. 1886. № 12. С. 709–716.

Шевченко Т. Г. Близнецы // Шевченко Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4: Повісті. С. 11–119.

Литература

Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802–1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 30–34.

Дзюба О. Трощинський Дмитро Прокопович // Шевченківська енциклопедія. У 6 т. Т. 6: Т–Я. Київ: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 2015. С. 318.

Лабытцев Ю. А. Русская литература о наполеоновских войнах в библиотеке сенатора Д. П. Трощинского // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 124–133.

Лабытцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Библиотека сенатора Д. П. Трощинского: литература об Отечественной войне 1812 г. // Чертковские чтения. Материалы второй научной конференции 26–27 сент. 2012 г. М.: ГПИБ, 2013. С. 77–83.

Мани Ю. В. Украинские Афины // Педагогика искусства. Электронный научный журнал учреждения Российской академии образования «Институт художественного образования». 2009. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/ukrainskie-afiny> (дата обращения: 18.01.2023).

Миронова І. С. Дмитро Прокопович Трощинський (1749–1829) – державний діяч Російської імперії, меценат української культури // Історичний

архів. Наукові студії: Зб. наук. пр. Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2015. Вип. 15. С. 94–101.

Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: Замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 35–51.

Приходько М. А. Павловские министры в правление императора Александра I (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 75–78 [Электронный журнал]. URL: <https://ipr.kursksu.ru/magazine/archive/number/121> (дата обращения: 18.01.2023).

Трощинский Дмитрий Прокофьевич // Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 758.

Феофанов А. М. Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 17–27.

Фоменко И. Ю. Конволют из библиотеки Д. П. Трощинского в собрании ГПИБ // Чертковские чтения. Сборник материалов Третьей международной научной конференции. М.: ГПИБ, 2015. С. 151–159.

Шавинская Л. Л. Западноевропейская литература о наполеоновских войнах в библиотеке сенатора Д. П. Трощинского // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 118–124.

References

Dziuba O. Troshchyns'kyi Dmytro Prokopovych. *Shevchenkivs'ka entsyklopediia*. Vols. 1–3. Vol. 6: Т–Іа. Kyiv, Institut literaturi im. T. G. Shevchenka NAN Ukrainy, 2015, p. 318 (In Ukr.)

Foefanov A. M. Uroven' obrazovannosti vysshei rossiiskoi biurokratii vtoroi poloviny XVIII — pervoi poloviny XIX. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2012, issue 1 (44), pp. 17–27. (In Russ.)

Fomenko I. Iu. Konvoliut iz biblioteki D. P. Troshchinskogo v sobranii GPIB. *Chertkovskije chteniia. Sbornik materialov Tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, GPIB, 2015, pp. 151–159. (In Russ.)

Gutman M. Iu., Nikulin A. G., Sal'nikov V. P. K 220-letiiu Ministerstva iustitsii Rossiiskoi federatsii. Ministry iustitsii, general-prokurory doreformennoi Ros-sii (1802–1861 gg.). *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*, 2021, no. 6, pp. 30–34. (In Russ.)

Labyntsev Ju. A. Russkaia literatura o napoleonovskikh voynakh v biblioteke senatora D. P. Troshchinskogo. *Zdabytki. Dakumental'nyia pommiki na Belarusi*. Minsk, Natsiianal'naia bibliiateka Belarusi, 2013, issue 15, pp. 124–133. (In Russ.)

Labyntsev Ju. A., Shchavinskaja L. L. Biblioteka senatora D. P. Troshchinskogo: literatura ob Otechestvennoi voine 1812 g. *Chertkovskije chteniia. Materialy vtoroi nauchnoi konferentsii 26–27 sent. 2012 g.* Moscow, GPIB, 2013, pp. 77–83. (In Russ.)

Mann Iu. V. Ukrainskije Afiny. *Pedagogika iskusstva. Elektronnyi nauchnyi zhurnal uchrezhdeniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia «Institut khudozhestvennogo obrazovaniia»*, 2009, no. 4. [online] URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/ukrainskie-afiny> (accessed: 18.01.2023) (In Russ.)

Mironova I. S. Dmytro Prokopovych Troshchyns'kyi (1749–1829) — derzhavnyi diiach Rosiis'koï imperii, metsenat ukraïns'koï kul'tury. *Istorychnyi arkhiv. Naukovi studii. Zb. nauk. pr. Mykolaïv: ChDU im. Petra Mohyly*, 2015, issue 15, pp. 94–101. (In Ukr.)

Pisar'kova L. F. Reformy gosudarstvennogo upravleniia 1801–1802 gg.: Zamysly i voploshchenije. *Vestnik RUDN. Serii: Istorii Rossii*, 2009, no. 4, pp. 35–51. (In Russ.)

Prikhod'ko M. A. Pavlovskije ministry v pravlenije imperatora Aleksandra I (istoriko-pravovoi aspekt). *Istoriko-pravovyye problemy: Novyi rakurs*, 2015, no. 11, pp. 75–78. [Elektronnyj zhurnal]. URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/121> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.)

Shchavinskaja L. L. Zapadnojevropskaia literatura o napoleonovskikh voinakh v biblioteke senatora D. P. Troshchinskogo. *Zdabytki. Dakumental'nyia pomniki na Belarusi*. Minsk, Natsiional'naia bibliiateka Belarusi, 2013, issue 15, pp. 118–124. (In Russ.)

Troshchinskii Dmitrii Prokof'jevich. Shilov D. N. *Gosudarstvennyje deiateli Rossiiskoi imperii 1802–1917. Biobibliograficheskii spravochnik*. Saint Petersburg, Jevropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2002, p. 758. (In Russ.)

Larisa L. Shchavinskaja

PhD (Philology)
Associate Professor, Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: slaviabel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9385-3509

**Senator D. P. Troshchinsky —
“The Benefactor of Little Russia”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.02

Abstract: D. P. Troshchinsky, a native of the heartland of Ukraine, a descendant of an ancient Cossack family, who became one of the most influential people in the empire, a confidant of Empress Catherine II and Emperor Paul I, never forgot about his native land. The young N. V. Gogol used to call him “the benefactor of Little Russia”. During the Patriotic War of 1812, Troshchinsky founded a local Cossack people’s militia of Little Russia and, in letters full of fervent patriotism and appeals to M. I. Kutuzov, encouraged him to fight the enemy, knowing that Russia had to win because “the strength of our people is great”. Troshchinsky’s Poltava estate in the village of Kibintsy was a significant cultural center of the region, called “Little-Russian Athens”. The senator constantly supported many writers and artists from his country, including N. V. Gogol, V. V. Kapnist, V. L. Borovikovskiy and others. The scene from the prose of T. G. Shevchenko in which one of the heroes seeks to go to the Poltava region to “bow to the ashes of the glorious Cossack-nobleman Troshchinsky” can serve as an example of his great fame in his homeland.

Keywords: D. P. Troshchinsky, Malorussia, N. V. Gogol, M. I. Kutuzov, book culture, Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian cultural relations

Мария Войттовна Лескинен

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507X

«Пан Халявский» Г. Ф. Квитки-Основьяненко как автобиографический роман (вос)питания

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.03

Не имеет ли... воздух Малороссии... свойства,
помогающего пищеварению?

Н. В. Гоголь. «Старосветские помещики»

Что такое воспитанье?
В самом слове — указанье,
Что вся сущность воспитанья
Заключается в питанье.

А. Н. Островский. «Иван-Царевич»

Аннотация: В статье проанализирована роль кода еды в русскоязычном романе «Пан Халявский» (1839–1840) украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко. Написанный в жанре воспоминаний малороссийского мелкопоместного шляхтича, в критике и в литературоведении этот роман традиционно рассматривался как сатира на грубые нравы отсталых и невежественных провинциалов. Одним из аргументов становится мотив обжорства и пищевого изобилия в «мемуарах» Халявского как примета «приземленности» и узости интересов персонажей. Описание же праздничных широв, повседневных трапез, возлияний и пр. сопоставляется с раблезинскими мотивами, в них видится сходство с гастрономическим дискурсом и приемами их воплощения в ранних гоголевских повестях и в романе «Мертвые души». Предпринятый в статье анализ мотива еды, связанного с телесным кодом, однако, показывает, что он важен прежде всего для создания идеализированной картины прошлого, притом не только малороссийского. Идиллическое «доброе прошлое» является социальной патриархальной утопией, ему противостоит новое общество, просвещенный характер которого лишает человека традиций, духовной чистоты и гармонии.

Ключевые слова: Г. Ф. Квитка-Основьяненко, Н. В. Гоголь, «Пан Халявский», роман воспитания, гастрономические мотивы, семиотика еды, утопия

Григорий Федорович Квитка (1778–1843), писавший под разными псевдонимами, наиболее известный из которых — Грицько Основьяненко, — украинский писатель, драматург и журналист, современник Пушкина и Гоголя. Его семья, биография и литературная деятельность были связаны со Слободской Украиной, с Харьковом, где он служил (с 1817 по 1829 г. харьковским уездным предводителем дворянства по выборам, с 1832 по 1840 г. — харьковским совестным судьей, с 1840 г. — председателем Харьковской палаты уголовного суда) и внес неоценимый вклад в культурную и общественную жизнь города¹. Печататься начал в качестве фельетониста в харьковских журналах сразу после Отечественной войны 1812 г. Популярность у российской публики Квитка обрел благодаря своим комедийным пьесам и рассказам из малороссийской жизни, написанным в 1820–1830-е гг. на русском и малороссийском («Малороссийские повести, рассказанные Грицьком-Основьяненко», «Шельменко-денщик», «Солдатский портрет», «Волостной писарь», «Маруся», «Конотопская ведьма», «Ганнуся и малороссийская быль» и др.)².

Российская критика XIX в. относила его произведения к любимой русскоязычной читательской аудиторией литературе «на малороссийскую тему». Как и других малороссийских прозаиков первой трети столетия — таких как Е. П. Гребенка, В. Т. Нарезный, О. М. Сомов и др., в 1830–1840-е гг. его принято было сравнивать с Н. В. Гоголем. При этом вопросы взаимного влияния и вероятных заимствований Квитки и Гоголя находились в центре внимания как современников, так и позднейших исследователей творчества Основьяненко в связи со сходством сюжета, персонажей и ряда деталей пьесы «Приезжий из столицы или суматоха в уездном городе» (написана в 1827 г., напечатана в 1840-м, в столице ходила в рукописи) и гоголевского «Ревизора» (1836)³. Необходимость упоминания об этом вызвана тем,

¹ Петров Н. И. Квитка-Основьяненко // Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы. Киев, 1884. С. 87–92.

² Новейшие биографии Г. Ф. Квитки: Ушкалов Н. Григорій Квітка-Оснoв'яненко. Харків, 2012; Фризман Л. Г. Остроумный Основьяненко. Харків, 2017.

³ Волков Н. В. К истории русской комедии: зависимость «Ревизора» Гоголя от комедии Квитки «Приезжий из столицы». СПб., 1899; Айзеншток И. Я. К вопросу о литературных влияниях (Г. Ф. Квитка и Н. В. Гоголь) // Известия отделения русского языка и словесности Рос. АН. Петроград, 1923. Т. XXIV. Кн. 1–2. С. 23–42; Мацягура В. И. «Ревизор» Н. В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г. Ф. Квитки-Основьяненко: типологический аспект // Художній світ Гоголя. Полтава, 2008. С. 11–19.

что в произведениях Гоголя и Основьяненко встречаются и другие — внесюжетные — переклички.

Творческая биография Квитки довольно хорошо изучена, на протяжении почти двух веков она неоднократно становилась предметом исследований литературоведов; можно констатировать всплеск интереса к его личности и произведениям в конце 1920-х гг. (в связи с 140-летним юбилеем писателя)⁴ и в первом десятилетии XXI в.⁵ Несмотря на немалое число монографий и диссертаций в России и Украине советского и постсоветского времени, остаются неизученными некоторые вопросы — в частности, связанные с рецепцией произведений Квитки-Основьяненко русской читательской аудиторией. Остановимся на анализе одного из лейтмотивов, который может помочь выявить особенности произведения Квитки «Пан Халявский» как романа воспитания и как утопического романа.

В начале 1840-х гг. Квитка написал две книги на русском языке: «Жизнь и похождения Петра Степановича Столбикова» (1839, опубликована в 1841 г.) и «Пан Халявский», который был издан в двух частях в «Отечественных записках» (1839–1840). По словам автора, «Пан Халявский» был создан по совету В. А. Жуковского, который предложил успешному харьковскому писателю изобразить «старинный быт малороссиян, род жизни, воспитание, занятия и все до последнего...»⁶. Квитка в своей переписке, упоминая о романе, неоднократно подчеркивал историко-этнографический характер изображенных в нем «обыкновений» малороссийской провинциальной жизни. Особенно часто — в связи с попыткой объяснить с критиками, ведь несмотря на то, что А. А. Краевский, редактор журнала «Отечественные записки», оценил сочинение высоко, рецензии на роман в столичной периодике были крайне неодобрительными. Поначалу — сразу после выхода в свет первой части — его почти разгромил В. Г. Белинский. В письме к Краевскому от 19 августа 1839 г. он писал: «...для первого чтения

⁴ Подр. библиографию см.: *Тарнавський В. Г.* Література про Г. Ф. Квітку // *Тарнавський В. Г.* Квітка-Основ'яненко. Бібліографічна розвідка. 1788–1928. Київ, 1929. С. 175–205.

⁵ *Вербицька Є. Г.* Г. Ф. Квітка-Основ'яненко (Життя і творчість). Харків: Вид-во Харк. ун-ту, 1968; *Вильна О. В.* Ідейно-естетичний феномен творчості Г. Квітки-Основ'яненка: герменевтичний аспект: дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2006. 414 с. Новейшая библиография в: *Фризман Л. Г.* Остроумный Основьяненко.

⁶ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори у восьми томах. Київ, 1968–1970. Т. 8. Київ, 1970. С. 147.

потешен и забавен, но при втором чтении с него немного тошнит. Это не творчество, а штучная работа, сбор анекдотов, возведение малороссийской жизни до идеала»⁷. В январском номере «Библиотеки для чтения» за 1841 г. вышла анонимная рецензия, в которой говорилось, что автор «должно быть ужасный провинциал, выживший из юмора и шуток, за недостатком слушателей ищущий их посредством печати»; «пошлости» которого «наводят скуку и уныние»⁸; рецензия была написана О. И. Сенковским⁹. Недовольство критика вызвала грубость изображаемых нравов, которые носят не общеевропейский, а узкорегionalный, притом даже не великорусский характер и потому являются «частным случаем», набором местных анекдотов: «...это провинциальное остроумие. Эти подмеченные между маслобойнею и скотным двором; эти взгляды на “жизнь”, обнимающие на земном шаре великое пространство, пять верст в радиусе; этот “свет”, составленный из моды с дегтем и салом; эти насмешки над новым и новейшим, которых даже не видно оттуда, где позволяют себе подшучивать над ними — весь этот дрянной, выдыхлый губернский яд, которого не боятся даже мухи, и эти смелые удары, с треском падающие вместо общества в лужу грязи, которая от них только распыскивается на читателей...»¹⁰ Уже после смерти автора, в рецензии 1856 г. на только что вышедшую книгу Данилевского об Основьяненко¹¹ набором неудачных острот представлял «Пана Халявского» Н. Г. Чернышевский¹².

Однако после публикации второй части романа Белинский высказался гораздо более позитивно: «Остроумному Основьяненку пришла в голову счастливая мысль — сравнить прошедшее время

⁷ Цит. по: Марков Н. Квитка-Основьяненко. Историко-литературный очерк // Киевская старина. 1883. С. 194–211. С. 208.

⁸ Б. а. Пан Холявский // Библиотека для чтения. 1841. Т. 44 (Январь). Кн. 1. Отд. 6. С. 7–12; подр. об этом: Витряк И. Русскоязычная проза Г. Квитки-Основьяненко на страницах журнала «Отечественные записки». История публикации, проблемы рецепции // Філологічні науки. Збірник наукових праць. 2011. № 1 (7). С. 16–18.

⁹ Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев, 1979. С. 122.

¹⁰ Б. а. Пан Холявский. С. 8.

¹¹ Данилевский Г. Основьяненко. СПб., 1856.

¹² Чернышевский Н. Г. Основьяненко Григория Данилевского. С портретом Квитки, снимком его почерка и домиком Основы. СПб., 1856 // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. сочинений. В 15 т. М., 1939–1953. Т. 3. М., 1947. С. 433–434. Подр.: Айзеиток І. Вступна стаття // Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори. В 3 т. [Б. м.]: Держ. вид-во України, 1928–1929. Т. 3: Пан Халявский. [Б. м.]: Держ. вид-во України, 1928. С. V–XLIII.

с настоящим, заставив человека прошлого века рассказывать про жизнь своих “дражайших родителей”, свое воспитание и про всю свою жизнь. Этот человек — род малороссийского Митрофанушки, и он выполнил задачу автора как нельзя лучше: словно на ладони видите вы почтенную старину, преисполненную невежества, лени, обжорства и предрассудков» (1841)¹³. Позже он отметил его как «замечательное» произведение, содержащее сатирическую картину старинных нравов Малороссии (1844)¹⁴. Иначе говоря, Белинский без колебаний отнес этот роман к сатирическим нравоописательным произведениям, и именно это изменило его оценку. Такая трактовка романа, когда удачей виделся жанр и обличительный пафос¹⁵, оказалась господствующей на протяжении полутора столетий; в нем видели пародию на малороссийское прошлое, но роман так и не получил признания ни у критиков, ни у читателей: место «главного» малороссийского рассказчика прочно и окончательно занял Н. В. Гоголь.

Полтора десятилетия спустя творчество Квитки-Основьяненко, его вклад в развитие жанров украинской литературы, и в том числе значение романа «Пан Халявский» были пересмотрены¹⁶ — но и тогда лишь с позиции развития сатирического жанра, в контексте формирования «натуральной школы» в русской литературе¹⁷. Его анализировали прежде всего как нравоучительный роман, связанный с «действительной жизнью»¹⁸. Однако ни тогда, ни по сей день не рассматривалась избранная автором жанровая форма романа, а многоплановость уровней повествования, природа юмористического и речевая стратегия персонажа не были замечены¹⁹. В нем продолжали видеть сатирический роман из малороссийской жизни.

¹³ *Белинский В. Г.* Сочинения Основьяненко. «Пан Халявский» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953–1959. Т. IV. М., 1954. С. 74.

¹⁴ *Белинский В. Г.* Русская литература в 1843 году // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953–1959. Т. VIII. М., 1959. С. 59.

¹⁵ *Петров Н. И.* Квитка-Основьяненко // Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы. Киев, 1884. С. 91–92.

¹⁶ *Данилевский Г.* Основьяненко.

¹⁷ *Багалей Д. И.* Исторические повести и статьи Гр. Фед. Квитки // Киевская старина. Т. 8. Киев, 1893. С. 215–284; *Науменко В.* Григорий Федорович Квитка как малорусский писатель перед лицом критики // Киевская старина. Т. 8. Киев, 1893. С. 245–268.

¹⁸ *Петров Н. И.* Квитка-Основьяненко. С. 87–108.

¹⁹ Одним из исключений можно считать статью: *Кривин Ф.* Автор и его герой // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. М., 1978. С. 3–19.

Лишь в последние десятилетия стали появляться исследования русскоязычного произведения Квитки-Основьяненко, которые позволяют утверждать, что объяснение восприятия романа столичными критиками, как и холодности к нему читателей (особенно заметной на фоне популярности других произведений писателя), следует искать в области понимания жанра и специфики произведения, а также в сфере ожиданий²⁰. Таким образом, ответ на вопрос о рецепции романа кроется в отношениях между авторской концепцией и ее интерпретацией аудиторией.

Проблема этнографизма

Необходимо отметить, что упомянутая «малороссийская тема» в литературе первой трети XIX в.²¹, с которой всегда соотносили творчество писателя, была тесно связана с важным для романтизма этнографическим направлением²² (иногда именуемым «художественным этнографизмом»). Изображение быта и нравов различных народов, своеобразия этнических или региональных групп, интерес

²⁰ *Бабич Н. Д.* Средства воплощения авторского замысла в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» // Вопросы русской литературы. 1989. Вып. 2. С. 88–96; *Вильна О. В.* Идейно-эстетичний феномен творчості Г. Квітки-Основ'яненка: герменевтичний аспект: дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2006; *Маслій І. А.* Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2012. Вип. 1 (1). С. 116–123; *Маслій І. А.* Мастерство изображения повседневной жизни провинциального дворянства в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 108–112; *Лескинен М. В.* Проблема адекватности читательского восприятия. Из истории критики и рецепции романа Григория Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур. М., 2013. С. 102–127; *Фризман Л. Г.* Остроумный Основьяненко. Гл. 3.

²¹ *Александровский И. С.* Украинский вопрос на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–171.

²² *Соколова В. Ф.* Глава III. Тенденции украинского фольклоризма в русской литературе первой трети XIX в. // Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века. М., 2009. С. 61–86; *Фокеев А. Л.* Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (Истоки, тип творчества, история развития): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. Гл. 1; *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства. Образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. С. 87–104.

к фольклору и т. п. стали важной особенностью произведений этого времени. Реалии малороссийской традиционной жизни, обычаи, обряды, верования и мифологические представления стали известны русскоязычным читателям первой трети XIX в. во многом благодаря комедийным пьесам Г. Ф. Квитки и ранним повестям Н. В. Гоголя. Формируется устойчивое убеждение именно в «этнографичности» (этнокультурной аутентичности) таких произведений, которые зачастую соотносили с народоведческими описаниями, выполненными в художественной форме. Гораздо чаще их расценивали именно как непосредственное отражение действительности в части быта и нравов Малороссии. Поэтому не вызывает удивления, что Квитка, желая дать отпор критикам романа, подчеркивал в письмах Плетневу в 1840 г., что все в «Пане Халявском» «чистая правда», что в нем нет выдумки, а основан он на «источниках» и рассказах «чудаков»²³: «Надгробная речь ходит по рукам как подлинное сочинение одного здесь известного протопопа. Насильное взятие в службу паньчей и уход их оттуда хотя бы и без чина — это все здешние события, еще вспоминаемые стариками. Поездка в Петербург, угощение — и именно в Туле, пребывание в столице, понятие о городе, театре и все проделки, там сделанные, — все это с жаром рассказывает здешний чудак как все с ним случившееся. Раздел с братьями так бывает обыкновенно, я сам разбирал библиотеку, где всё третьи и шестые томы были, и владелец их как непререкаемый факт представлял мне, что иначе нельзя было получить: я-де был третий брат. Разломание лестниц случилось точно — и все было...»²⁴

Однако, на наш взгляд, Квитка, несмотря на оправдательное стремление объяснить (в частности, в письмах П. А. Плетневу) свое последнее произведение как этнографически точное описание старинных малороссийских обычаев и нравов, в действительности создал роман, включенный в иную литературную традицию — и поэтому не был адекватно воспринят публикой.

Роман «Пан Халявский» имитирует жанр автобиографических мемуаров-записок малороссийского дворянина-помещика Трофима Мироновича Халявского, из рода казацкой старшины, предки которого получили дворянский титул, фамилию и герб от одного из польских

²³ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори у восьми томах. Т. 8. С. 173.

²⁴ Там же. С. 173–174.

королей — за оказанную ему услугу по избавлению от мыши. Воспоминания он начинает писать в 70-летнем возрасте со вполне традиционными намерениями — сопоставить две эпохи: «...предавшись воспоминаниям и сравнивая прошедшее с давпрошедшим (так в тексте. — М.Л.), а настоящее со всем вообще прошедшим, увидел большую разницу. Удивление мое подстрекнуло меня изложить все на бумаге, то есть описать главнейшие периоды жизни моей и любопытнейшие эпохи или случаи, со мной встречавшиеся»²⁵. Роман состоит из двух частей, в первой рассказчик вспоминает свое детство и юность до смерти родителей; вторая посвящена повествованию о длительной тяжбе за наследство, главному впечатлению всей жизни — поездке в Петербург, по возвращении из которой он женится и получает законную часть родительского имущества. Таким образом, кульминацией и событийным окончанием записок становится женитьба, что соответствует традиционным представлениям о главных этапах жизненного цикла человека.

Код еды в романе

Обратимся к бесспорно ключевой теме романа — гастрономической. Пища и процесс ее поглощения оказывается лейтмотивом произведения. Упоминания о еде, описания застолий, перечни повседневных, праздничных и ритуальных блюд фигурируют в автобиографии Халявского на всех этапах жизни. (И. А. Маслий подсчитала, что в романе слово «еда» упоминается 14 раз, «ужин» — 15, «кушать» — 17, «завтрак» — 19, а «обед» — 101 раз²⁶). Однако центральное место, на наш взгляд, занимает *мотив приема пищи*. Важно подчеркнуть, что это не просто пища как таковая, но именно ее прием — актуализирована семантика «поедания», «поглощения», «насыщения» и даже «пожирания», явно избыточного, но при этом вполне обыденного, а не только ритуального или праздничного: «Ах как я ел! вкусно, жирно, изобильно, живописно и, вдобавок, полновластно, небоязанный спешить из опасения, чтобы товарищ не захватил лучших кусочков...»²⁷ — мечтательно вспоминает Халявский. Для членов его

²⁵ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. Киев, 1977. С. 8.

²⁶ Маслий И. А. Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский». С. 120.

²⁷ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. С. 63.

семьи и для него самого день без обильного сытного обеда, притом с традиционными — жирными, сладкими, простыми блюдами (как и замена их другими) — нарушение естественного существования, самих основ жизни.

Повествователь подробно описывает и бурсацкие обеды, и столичные ужины в ресторанах, и повседневные семейные трапезы, и праздничные пиры. Прием пищи предстает основой бытия и метафорой живой жизни. Халявский прямо указывает в своем предисловии: «...я пишу о том веке, когда люди “жили”, то есть одна забота, одно попечение, одна мысль, одни рассказы и суждения были все о еде: когда есть, что есть, как есть, сколько есть. И все есть, есть и есть. И жили для того, чтобы есть»²⁸. Жизнь отождествляется с питанием. Описание мира вне родного гнезда сопровождается сетованиями о плохой или скудной пище, об отсутствии хлебосольтва, о несоблюдении старых традиций в способах угощения и даже о требовании оплаты за него.

Особенно яркие картины яств и трапез содержатся в первой части, описывающей детство и юность в отчем доме, в большой многодетной семье подпирпорного казачьего полка. Вот «меню» в детстве Трифона: «Борщ с кормленой птицею, чудеснейший, салом свиным заправленный и сметаной забеленный — прелесть! Таких борщей я уже не нахожу нигде. <...> К борщу подавали нам по большому куску пшенной каши, облитой коровьим маслом. Потом мясо из борща разрежет тебе нянька кусочками на деревянной тарелке и сверху еще присолит крупную, невымытую солью — тогда еще была натура: так и уписывай. Потом дадут ногу большого жирнейшего гуся или индюка: грызи зубами, обгрызай кость до последнего, а жир — верите ли? — так и течет по рукам; когда не успеешь обсосать тут же рук, то и на платье потечет»²⁹.

Самым известным, часто цитируемым и специально изучаемым исследователями³⁰ фрагментом романа является рассказ о пире — праздничном банкете, регулярно (четырежды в году) устраивавшемся

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ *Вербицька Е. Г.* Г. Ф. Квитка-Основ'яненко (Життя і творчість). Харків, 1968. 155 с.; *Зубков С. Д.* Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев, 1979. 272 с.; *Маслий И. А.* Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основ'яненко «Пан Халявский».

отцом героя-рассказчика для пана полковника его полка и огромного количества гостей в строгом соответствии с социальной иерархией и обычаями. Следует отметить, что эти застолья никак не были связаны с какими-либо ритуальными или памятными датами — они представлены как обыденное времяпрепровождение гостеприимных и праздных помещиков. По характеру, правилам и даже по «меню» это застолье сходно с описаниями польских сарматских пиров (*biesiady*) XVI–XVII вв., сохранившимися в записках иностранцев о Речи Посполитой³¹. Интересно, что и состав меню, и отличия «перемен», упоминаемые Квиткой, также во многом совпадают с деталями этих шляхетских застолий. Царившие на них обжорство и чрезмерные возлияния носили не обрядовый характер, а интерпретируемые некоторыми исследователями как фантастические объемы поглощенной гостями пищи (расцениваемые как раблезинские³² или трактуемые в качестве приема гиперболизации), в действительности находят подтверждение в польских источниках XVI–XVII вв.³³

Вот сокращенный фрагмент из описания «банкета» (пира) Халявских: «По окончании одного борща подавали другого сорта. И скольких сортов бывали борщи — так на удивление! Борщ с говядиной, или, по-тогдашнему, с яловичиной; борщ с гусем, прежирно выкормленным; борщ со свиной; борщ Собиеского (бывшего в Польше королем); борщ Скоропадского (гетмана малороссийского). <...> Рыбный борщ печерский, бикус, борщ с кормленой уткой... да уже и не вспомню всех названий борщей, какие бывало подают!..

...Вторую перемену составляли супы, также разных сортов и вкусов: суп с лапшой, суп с рыжем и родзынками (сарачинское пшено и изюм) и многие другие, в числе коих был и суп исторический, подобно борщу, носивший название “Леопольдов суп”; изобретение какого-то маркграфа Римской империи... При первой и второй переменных пили пиво, мед, по произволению каждого.

...За третьею переменою поставлялися блюда с кушаньями “сладкими”. То были: утка с родзынками и черносливом на красном соусе, ножки говяжьи с таким же соусом и с прибавкою “миндалю”, мозги,

³¹ Например, в «Описании Украины» Ги де Боплана — подр. об этом см.: Лескинен М. В. Изобилие и обжорство в национальной культуре.

³² Например: Маслий И. А. Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский».

³³ Лескинен М. В. Изобилие и обжорство в национальной культуре.

разные сладкие коренья, репа, морковь и проч. и проч., все преискусно приготовленное. <...> Четвертая перемена, состоящая из жареных разных птиц, поросят, зайцев и т. п., соленые огурцы, огурчики, уксусом прилитые, также с чесноком, вишни, груши, яблоки, сливы ополшнянские и других родов горами навалены были на блюда и поставлены на стол»³⁴.

Конечно, всякий, кто знаком с творчеством Гоголя, увидит в этих фрагментах и даже в самих приемах изображения еды (например, перечисление, «списки» и характеристики блюд и др.) очевидное сходство со многими гоголевскими произведениями. Можно вспомнить Пацюка из «Ночи перед Рождеством» («Вечера на хуторе близ Диканьки», (1831)), который «...жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру»³⁵.

В «Старосветских помещиках» (1834) хозяйка предлагает гостю большой набор кушаний: «Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами! <...> Вот это грибки с смородиным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз отваривала в уксусе; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. <...> А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с *урдюю*! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневою кашею»³⁶.

В романе «Мертвые души» (вышел после «Пана Халявского», в 1840 г.) Коробочка угощала Чичикова так: «...на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было!»³⁷ Чичиков в доме Петуха слышит, как тот за стеной говорит: «Да кулебяку сделай на четыре угла... В один угол положи ты мне щеки осетра да визиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого, какого-нибудь

³⁴ *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Пан Халявский. С. 23–25.

³⁵ *Гоголь Н. В.* Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 222.

³⁶ *Гоголь Н. В.* Старосветские помещики // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 2. М.; Л., 1937. С. 27.

³⁷ *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Т. 1 // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 56–57.

там того. Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусть ее полегче. Да исподку-то, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак растого — не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту как снег какой, так чтобы и не услышал»; «...Но и сквозь одеяло было слышно: “А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сняточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакое, знаешь, того растого, чтобы гарниру, гарниру всякого побольше”»³⁸.

Неслучайно Андрей Белый именовал «Мертвые души» «Жратвиадой» («герой жанра — брюхо!»)³⁹. Многие исследователи анализировали гоголевский код еды⁴⁰. Нет сомнений, что плодотворной является задача соотношения его с «образами еды» в народной смеховой культуре, основываясь на работах Бахтина⁴¹. Важен и сам прием перечисления, списков кушаний для создания образа обильной еды, довольства, утопического изобилия. И. А. Маслий согласна с Мацапурой⁴² в том, что такое сходство приема у Гоголя и Квитки восходит к творчеству И. П. Котляревского. Однако, на наш взгляд, не совсем точно рассматривать подобное сближение в контексте исключительно украинской литературной традиции. Такой реестр блюд, их «каталогизация» без подробных и развернутых характеристик, например, вкуса или способа приготовления (хотя он иногда включается в диалоги персонажей), списки съеденного и выпитого, продуктовых

³⁸ Гоголь Н. В. Мертвые души. Т. 2 // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 56.

³⁹ Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 156.

⁴⁰ LeBlanc R. D. Dinner with Chichikov: The Fictional Meal as Narrative Device in Gogol's «Dead Souls» // Modern Language Studies. 1988. Vol. 18. № 4 (Autumn). P. 66–80; Анненкова Е. И. Телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н. В. Гоголя. Семантика и функции еды. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1465/> (дата обращения: 23.02.2022); Софронова Л. А. «Всеобщий процесс житейского насыщения» в ранних повестях Гоголя // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011. С. 314–324; Ранчин А. М. Что едят помещики в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Там же. С. 335–346.

⁴¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Собр. соч. В 7 т. М., 2010. Т. 4 (2). С. 7–516; Бахтин М. М. Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура // Там же. Т. 4 (2). С. 517–522.

⁴² Маслий И. А. Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский». С. 118–119.

запасов и пр., был характерен и для русской литературы до и после Гоголя и Квитки.

Вот несколько примеров.

В стихотворении Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) описан домашний обед в поместье:

«Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый...»⁴³

Известный современникам Г. Ф. Квитки поэт В. С. Филимонов за два года до публикации «Пана Халяевского» издал поэму «Обед» (1837), в которой подробно изобразил разные виды трапез: холостяцкую пирушку, чинное семейное застолье и московский праздничный «русский» пир в честь победы над Наполеоном. Последний особенно напоминает описание «банкета» в доме Халяевских. Вот фрагмент из многостраничного перечня перемен, блюд и сопровождавших их напитков:

«Вот, с кулебякою родной,
Кругом подернута янтарной,
Душисто-жирной пеленой,
Уха стерляжья на шампанском.
За ней ботвинья с астраханским,
Свежепросольным осетром,
И с свежей невской лососиной;
Вот с салом борщ, калья с вином

С желтками красной суп с дичиной,
Морковной, раковой, грибной,

⁴³ Державин Г. Р. Евгению. Жизнь Званская // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 328.

Рубцы с капустою цветной;
 Вот суп французский, лучший в мире,
 A la Tortue, à Loïsele,
 Вот Printanier с гренками в сыре;
 Вот пирожки au Naturel;
 И вот пирог с грибами русской,
 Пирог с угрем, пирог с капустой;
 Вот щи ленивые в горшке,
 И расстегаи на лотке...»⁴⁴

Очевидно также не раз отмечаемое исследователями сходство халевских воспоминаний о еде с описаниями жизни в Обломовке в романе И. А. Гончарова «Обломов» (1859): «Об обеде совещались всем домом... Всякий предлагал свое блюдо: кто суп с потрохами, кто лапшу или желудок, кто рубцы, кто красную, кто белую подливку к соусу... Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами, гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтобы они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, мочений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!»⁴⁵

Можно вспомнить и многочисленные и многостраничные описания кушаний и блюд в книге И. С. Шмелева «Лето Господне», в которой гастрономический код также играет важную роль в создании образа безмятежного детства как утраченного рая. В главе о Великом посте писатель вспоминал: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, “кресты” на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые

⁴⁴ Филимонов В. Большой обед или пир // Филимонов В. Обед. Поэма. СПб., 1837. С. 112–113.

⁴⁵ Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1952–1955. Т. 4. М., 1953. С. 115.

блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо”! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой!»⁴⁶ Число примеров можно множить.

Таким образом, важна не определенная литературная традиция (и именно малороссийская), а функция данного приема. Квитка вводил раблезианские перечни блюд вполне осознанно: он писал Плетневу 19 ноября 1839 г. о том, что «повторение кушаний в Халявском может быть необходимо... это — желание описать прежний быт, а форма, чтобы избежать сухости. Все проведение времени было в еде, в коей истончались до разнообразия. Время для горячих, молочных, холодных мяс — на все было свое время. Мне казалось необходимым выразить в подробностях, что ели, когда и как...»⁴⁷.

Можно предположить, что подробные перечни съеденного и выпитого, а также детали приготовления и непременно упоминание об их избыточности в текстах Гоголя и Квитки вписаны в важную для обоих авторов конструкцию Малороссии как утопического локуса, земли всегда изобильной и урожайной — этого главного стереотипа Украины в малороссийском дискурсе русской культуры второй трети XIX в.⁴⁸

Однако для Халявского обилие еды и ее поглощение соотносены с иным: с «добрыми традициями», а еда служит критерием оценки людей, маркирует отношения героев. Состав блюд, их количество и вкус, а также все, что связано с застольным этикетом, являются ключевым критерием в определении *своих* и *чужих*. Важно подчеркнуть, что преимущественное значение здесь имеют не оппозиции *человек / не-человек* или *малоросс / другой*, а *противопоставление прошлого и настоящего*: доброго старого «правильного», «простого» времени — времени новому, испорченному, чуждому и неискреннему.

⁴⁶ Шмелев И. Лето Господне // Шмелев И. Солнце мертвых. Лето Господне. Богомолье. М., 2007. С. 184.

⁴⁷ Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Твори у восьми томах. Т. 8. С. 195.

⁴⁸ Левкиевская Е. Е. Стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. СПб., 2008. С. 154–176; Лескинен М. В. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. С. 67–94; Васильева Т. А. У истоков украинофильства. Образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. С. 128–196.

Изобилие и обжорство, ассоциируемые с помещичьим бытом и этосом поведения зажиточных слоев в неопределенном прошлом, не маркированы, однако, как примета конкретной этнонациональной (малороссийской) культуры. Через «питательный» дискурс выражен конфликт между «идиллией» прошлого и «неправильными» нравами настоящего в целом. Таким образом, несмотря на внешнее сходство, функции гастрономического дискурса у Гоголя и Квитки различны. Еда, питание в «Пане Халявском» играет иную роль: оно напрямую отождествляется с *воспитанием*.

Воспитание как вскармливание

Герой-рассказчик использует ряд привычных слов, которым дает свои, оригинальные (в сущности, каламбурные) толкования — это создает комический эффект, но имеет и прямое отношение к содержанию произведения. Квитка придумывает «халявские» семантические новации, прибегая к образцам «наивной лингвистики», народной этимологии. Основными являются ключевые понятия эпохи Просвещения: «образованность», «просвещение», «вкус», «политика», «обхождение», «комплексия», «знание языков», «воспитание» и др.

Например, рассуждая о просвещении, Халявский рассказывает, что необходимо экономить свечи, поскольку соотносит просвещение с лексемой «свет». Сокрушается о современном образовании, сравнивая прежние и нынешние «образы» — так он понимает внешний облик учащихся прошлого и настоящего: «тот ли образ и подобие у них, какой был у нас, отцов их? Где — косы, где — плетешки, где выстриженный и взъерошенный вержет? Изменилось, изменилось образование!»⁴⁹ В буквальном смысле понимается и слово «вкус»: «Вкус также потерян. Где прежние водки — красная мастихинная, кардамонная с золотом, инбирная коричневая, зеленая?»⁵⁰ «Политика» в языке Халявского соотносится с «политесом» — этикетом и коммуникативным поведением, и она, по его словам, «приняла совсем другое направление — если говорить штатским языком, а просто — переменилась вовсе»⁵¹. Под «обхождением» герой

⁴⁹ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. С. 6.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

понимает обязательный для застолий ритуал «обхода» хозяином гостей с уговорами не обижать его — есть и пить как можно больше. Наконец, ключевым понятием оказывается «воспитание», которое многократно и по разным поводам трактуется как физическое *вскармливание*: «теперь под словом “воспитание” разумеется другое, совсем противное»⁵²: «Посмотрите на теперешнее юношество — так ли оно воспитано? Кожа да кости!»⁵³; «Мы были воспитаны прекрасно: были такие брюханчики, пузанчики, что любо-весело на нас глядеть: настоящие бочоночки!»⁵⁴; «Наше воспитание было всем видимо; (он) своими же детьми не мог похвалиться: сухие и тощие, точно щепки»⁵⁵.

Делая отступление, нельзя не упомянуть в связи с таким пониманием «воспитания» заметки о «старинных нравах» и помещичьем провинциальном образовании своих дедов (то есть относящиеся к 70-м гг. XVIII в. — временам детства и юности Халаявского) из мемуаров М. А. Дмитриева (1796–1866): «...учились читать и писать; в ученье ограничивались этим. <...> Бедные дворяне ничему не учились; привыкали только к хозяйству. Барыни и девицы были почти все безграмотные... Собственно о воспитании едва ли было какое понятие, потому что и слово это принимали в другом смысле. Одна из этих барынь говаривала: “Могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: одного меду невпроед было!”, т. е. сколько ни ешь, всего не съешь»⁵⁶. Замечу, что автор вовсе не иронизирует по этому поводу.

Даже получение знаний, образование описывается в романе через глагол «поглощение» («проглотить всю халдейскую премудрость, а египетскую закуси»). Образы еды доминируют в различных рассуждениях персонажей. Так, один из экзаменаторов, пытаясь оценить знания братьев после бursы, говорит так: «...а я сих панычей уподоблю птицам. Примером сказать: возьмите гусака, индика и селезня. Их три, и панычей, стало быть, три. За сим: птицы выкормлены, панычи

⁵² Там же. С. 64.

⁵³ Там же. С. 27.

⁵⁴ Там же. С. 32.

⁵⁵ Там же. С. 183.

⁵⁶ *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступительная статья и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 426.

воспитаны; птицы зажарены, паньчи выучены; вот и выходит, что все суть едино. Теперь поставьте перед меня всех их зажаренных... <...> ...Я допускаю, всех их съем, но не беруся решить, которая птица вкуснее которой. Разные вкусы, разные прелести. Так и с паньчами. Разные умы, разные знания, а все порознь хорошо, как смачность в гусаке, индике и селезне»⁵⁷.

Критерием выбора хорошей невесты для семьи и самого Халявского служит «воспитанность» девушки. В отличие «от нынешних времен», поясняет он, «мы понимали дела в настоящем смысле и вещи называли как должно; воспитана — означало у нас: вскормлена, вспоена, не жалея кошту, и оттого девка полная, крупная, ядреная, кровь как не брызнет из щек; образована — объясняло, что она имела во что нарядиться и дать себе образ или вид замечательный»⁵⁸. Или: «Я хотел, чтобы моя жена... имела бы вкус во всем, как в вареньи, так и в солении, и знала бы тонкость в обращении с кормленной птицею; была бы тщательно воспитана, и потому была бы величественна как в объеме, так и в округлостях корпорации... Что худо, то и нехорошо»⁵⁹. Заметим, что слово «худо» здесь понимается не как «плохо», а как «недостаточно телесно».

Говорящее имя главного героя также связано с едой. Трофим по-гречески — «кормилец» или «воспитанник». Он из знатного рода: «...предок мой, при каком-то польском короле бывши истопником, мышь, беспокоившую наияснейшего пана круля, ударил халявою, т. е. голенищем, и убил ее до смерти, за что тут же пожалован шляхетством, наименован вас-паном Халявским, и в гербовник внесен его герб, представляющий разбитую мышь и сверх нее халяву — голенище — орудие, погубившее ее по неустрашимости моего предка. Итак, прямая, чистая, благородная кровь обращалась в жилах моих»⁶⁰. Что касается фамилии, то она восходит к слову «холява», «халява» — в словаре В. И. Даля, как и в объяснении самого героя-рассказчика, «холявой» называется голенище сапога⁶¹: считалось, что польские солдаты, в том числе служившие или воевавшие в России, заклады-

⁵⁷ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. С. 98.

⁵⁸ Там же. С. 135.

⁵⁹ Там же. С. 170.

⁶⁰ Там же. С. 171.

⁶¹ Халява // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., СПб., 1880–1882. Т. 4. М., СПб., 1882. С. 541–542.

вали в сапоги мелкие подарки и даже еду — «брали на голенища»⁶². Таким образом, сочетание «Трофим Халявский» можно интерпретировать как «дармовая еда», «бесплатная кормежка».

Во многих отношениях роман «Пан Халявский» и в особенности образы его персонажей соответствовали эстетике романтического этнографизма, сформировавшего в русской культуре устойчивую традицию комического изображения малоруса / украинца⁶³, которое легло в основу этнического стереотипа в русской культуре XIX в.⁶⁴ Украинiec представлял воплощением идеала «человека естественного» («дитя природы»), нетронутого цивилизацией в смысле как позитивном (просвещенность, образованность, утонченность, творчество), так и негативном (порочность, алчность, эгоизм, стяжательство и т.п.). В русской романтической литературе он наделялся чертами наивности и простоты, непосредственности, природного гедонизма, поэтического восприятия жизни. Он радушен, гостеприимен и щедр, притом выступает поборником старинных традиций. Он очень консервативен; для него главное — ничего не менять в своем образе жизни, которая «извне» расценивается как торжество лени, косности и отсталости и в основе которой лежит природное изобилие, сытость. Малороссия (Украина) выступала воплощением довольства и благоденствия как приближенная к идиллической жизни «золотого века».

Этот образ, как показала Е. Е. Левкиевская, противопоставлялся характеристикам «своего» — «цивилизованного» и «культурного» великоруса, «старшего брата». Следствием этого стало то, что в более широком контексте малорусский этнографический «тип» в оппозиции свой / чужой⁶⁵ использовался как материал для назидательно-сатирического пафоса: типический малорус / украинец был призван

⁶² Халява // Етимологічний словник української мови. У 7 т. Київ, 1982–2012. Т. 6. У–Я. Київ, 2012. С. 152.

⁶³ *Сумцов Н. Ф.* Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глухцах. Харьков, 1898. С. 6–18; *Софронова Л. А.* Старинный украинский театр. М., 1996. С. 75–81; *Левкиевская Е. Е.* Стереотип украинца в русском сознании. С. 158–160; *Александровский И. С., Лескинен М. В.* Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. С. 172–243.

⁶⁴ *Лескинен М. В.* Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа. С. 67–94.

⁶⁵ Там же.

обозначить приметы невежества, косности, лени и т. п. — то есть всех тех черт традиционализма, отсталости и «грубости», с которыми начиная с эпохи Просвещения так жестко боролись «передовые» деятели культуры во Франции, Польше, России и других европейских странах. Все эти черты в полной мере нашли отражение в произведениях малороссийской прозы на страницах русских периодических изданий⁶⁶. Не всегда, правда, совпадали оценки авторов и критиков, но набор ожиданий был общим. Изображение наивного отсталого провинциала (казака, крестьянина, дворянина-помещика) из Малороссии использовалось как антиобразец, как своеобразное зеркало для исправления общественных нравов соотечественников в целом и великорусской провинциальной помещичьей среды в частности.

Однако концепция питания / воспитания в романе Квитки отнюдь не сводится к комическому эффекту. Главной целью автора является не критика нравов и сатирическое изображение провинциальной темноты и невежества — как казалось Белинскому. Образ главного героя здесь выстроен по литературному канону Простеца, восходящему к Средневековью и развитому в эпоху барокко⁶⁷. Он играл важную роль в украинской картине мира, причем не только в барочной⁶⁸. Симплициссимус — идеальный объект для воспитания, но он воспринимает окружающий мир и высокие смыслы, не отрицая значимости материального и эмоционального его постижения, то есть телесно, через «простые» житейские радости и удовольствия. Предназначение такого героя — целостное ощущение бытия. При этом он вовсе не всегда невинная душа — скорее душа, верящая в свою невинность. Типичный для просветителей конфликт между новым (новомодным) стилем «просвещенной жизни» и «темной», отсталой провинциальностью Квитка переформулировал в ракурсе двойного сатирического отражения: ведущая точка зрения принадлежит не просвещенному рассказчику, а косному представителю «прежних» ценностей. Вследствие этого «традиционный» конфликт предстает как мнимый, поскольку выясняется, что за новыми

⁶⁶ Александровский И. С. Украинский вопрос на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах. С. 122–171.

⁶⁷ Библер В. С. Образ Простеца и идея личности в культуре средних веков (Заметки на полях книги А. Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры») // Человек и культура: индивидуальность в истории. М., 1990. С. 81–125.

⁶⁸ Софронова Л. А. Старинный украинский театр. С. 72–84.

формами, вроде бы призванными воплотить просветительские идеалы образованности, толерантности и утонченности, скрываются «новые» пороки — более глубокие, чем лень и обжорство, характерные для патриархального уклада. Глуповатый, незлобивый и чистосердечный Простец открывает истинную природу якобы просвещенного и образованного общества, критикуя его «внешние» проявления. Соответственно, пафос Халявского заключается в том, что в мире нет ничего нового, изменчивы лишь «формы» — идеалы, моды, манеры. И морализатором в такой коммуникативной ситуации (в отсутствии авторского слова) оказывается сам читатель, а не нарратор или рассказчик — так как он не рассуждает об этом напрямую, а лишь «фиксирует» изменения.

Однако читателю для распознавания сложной системы зеркального отражения нравов нужно хорошо ориентироваться в просветительской литературе и в специфике нравоучительных романов в жанре «записок».

Игра с читателем: псевдороман воспитания и/или утопический роман

По типу нарратора-героя, сюжетной линии, композиции и хронологу повествования «Пан Халявский», казалось бы, соответствует канону «романа воспитания»⁶⁹. В нем, в соответствии с классификацией М. М. Бахтина, главным является процесс становления героя, его поэтапное взросление, изменение его характера и личности, в особенности под влиянием саморефлексии и нравственных исканий. Важной чертой романа воспитания является также активная позиция главного героя, его деятельность и реакция на меняющиеся обстоятельства и вызовы жизни, в том числе и социализация в широком смысле, поиск своего места в мире. Главные, узловые события частной жизни — такие как завершение образования, карьера, женитьба и пр. — выступают ключевыми этапами опыта, меняющими человека⁷⁰. То есть роман воспитания призван показать процесс формирования человека и индивидуальности.

⁶⁹ *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Собр. соч. В 7 т. М., 1997–2012. Т. 3. М., 2012. С. 180–216.

⁷⁰ Там же. С. 195–196, 204–207.

В «Пане Халявском» декларации рассказчика (Халявского), и набор описываемых обстоятельств, и типичные жизненные этапы соответствуют такой линии. Однако это лишь внешняя, обманчивая форма. Суть игры автора (Квитки) с читателем и квинтэссенция смехового, комического эффекта как раз состоит в том, что читатель должен разоблачить героя, внимательное прочтение повествования которого выявляет полное несоответствие саморепрезентации и автопортрета героя его действительному характеру, образу жизни и его «невинным» или глупым оценкам происходящего. Халявский живописует свое образование и взросление по образцу романа воспитания, а в действительности он не совершенствуется и не меняется; полностью отсутствует моральное становление. Герой не только не рефлексирует, он даже не взрослеет, оставаясь в состоянии детского восприятия жизни, ее радости и ценностей, он весь в прошлом вплоть до момента написания воспоминаний, то есть до 70-летнего возраста. Он не может ни приспособиться, ни привыкнуть к социальной среде, не может решить ни один из вопросов. При этом Халявский тоскует о былом, которое соотносит с ранними годами в родительском доме, в семье, представляющейся ему образцовой. Оставаясь ребенком, он пассивен и с ранних лет действует не самостоятельно, оказываясь в различных (притом во всех описанных) жизненных ситуациях, и вовсе не экстремальных, а обыденных (учеба, солдатская служба, поездка в столицу, женитьба, рождение детей), всегда и исключительно под влиянием и в результате манипуляций других людей.

Одновременно в произведении Квитки наличествуют признаки утопического романа. Так, в «Пане Халявском» отсутствуют пространственно-временные координаты — лишь несколько деталей (причем незнакомых «массовому» российскому читателю) позволяют определить место и время происходящих событий. Утопия «золотого века», описываемая Халявским и так им воспринимаемая, — это сытость, изобилие, радость жизни. При этом не только пища и ее поглощение, но и все ритуалы, связанные с угощением, пирами, сопровождающими их подарками, поведением и ролями, предписываемыми традицией хозяевам и гостям разного статуса, создают образ социальной гармонии. Пир в доме Мирона Халявского, отца рассказчика, это больше, чем повествование об обеде длиной в день, это картина социальных связей, форм коммуникаций, гендерной, семейной и сословной специфики — поэма о домострое.

В романе нет никаких временных указаний или намеков, позволяющих «узнать» или «угадать» время той иделизированной «старини», о котором вспоминает повествователь: нет дат, упоминаний войн, политических событий, имен государей. Кроме одной даты, которая также не обозначена, но легко идентифицируется. Речь идет о Манифесте о вольности дворянства, позволившем 19-летнему Халявскому оставить солдатскую службу. Таким образом определяется год его рождения — 1743. А поскольку сказано, что Халявский начинает вести записи в 70-летнем возрасте, выходит, что мемуары начаты в 1813 г. Женится Трофим в возрасте около 30 — то есть в 1770-е гг. При этом сцены и довольно многочисленные детали петербургской жизни и даже моды не дают никаких подсказок читателю: они могут относиться как к 1780-м гг., так и к началу XIX в.

Аналогичная ситуация и с локусом, в котором проходит детство и последующая жизнь Халявского. В первой части нет никаких примет, позволяющих определить точное место действия. В романе минимум топонимов. Понятно, что речь идет о Малороссии, но точно сориентироваться помогает единственная подсказка, которая, однако, вряд ли могла быть опознана русским (особенно столичным) читателем. Это упоминание звания отца рассказчика («Лубенского казачьего полку подпрапорный Мирон Осипович Халявский»). Именно это обстоятельство позволяет установить, что детство и юность Трофима приходится на период Гетманщины, переставшей существовать в 1781 г. Это историческое наименование части казацких земель, на которые в разные исторические периоды распространялась власть гетмана Войска Запорожского (с 1648 г., после 1654 г. она переходит под протекторат России, упразднена в 1764 г.). Однако в качестве наименования области Гетманщина сохраняется вплоть до екатерининской губернской реформы. Привилегированной социальной группой Гетманщины и была казацкая старшина. Казачьими полками в ней назывались не только воинские, но и административно-территориальные единицы вплоть до конца XVIII в. Лубенский полк был одной из 10 таких единиц. Эта область находится к востоку от Переславля и к западу от Миргорода. Лишь во второй части появляются слова «у нас в Хороле», что под Лубной, где якобы и проживает Халявский.

Эти пространственные приметы очень важны для автора, так как Слободская Украина с Харьковом, патриотом и историком которого был Квитка (сочинивший, к слову, вымышленную генеалогию своего

рода, возведя ее к запорожским казакам), — это иной регион, с другой политической и этнической историей и социальным составом. Хотя в обоих главную роль играло казачество. Описание патриархально-казачьего быта и нравов в романе — это зарисовки, которые лишь неискушенному читателю напоминали гоголевские «этнографические» картины Малороссии. Эти особенности важны для понимания отличий персонажей «Пана Халявского» от других героев произведений Квитки и Гоголя: в романе действуют представители не крестьянства, а казачества, притом зажиточного — привилегированной казачьей старшины из бывшей Гетманщины, а сам род Халявских — шляхетский, хотя очевиден намек на то, что, как и многие роды из мелкой шляхты (польской и малороссийской), в действительности шляхетства они не имели. Это также было типично: многие представители этой группы в Российской империи второй половины XVIII в. энергично подделывали документы для подтверждения дворянского происхождения предков еще в Речи Посполитой. Рассказ о дворянстве Халявского, конечно, из этого же ряда.

Сам Квитка в этнографическом очерке «Украинцы» уверенно писал, что именно жители бывшей Гетманщины являются настоящими малоруссами и их следует отличать от жителей Слободской Украины, которых правильно именовать истинными украинцами⁷¹. Эти социально-культурные нюансы, понятные землякам и современникам Квитки, оставались, вероятно, «непрочитанными» или неважными для большей части русскоязычной аудитории.

Важно подчеркнуть, что при этом мы не найдем в романе следов самоидентификации персонажей; рассказчика этот вопрос не интересует. Всего несколько раз используются понятия «Малороссия» (четырежды) и «Россия». Интересным исключением является «патриотический» фрагмент о медах: «Нет, никто мне не говори, где именно Россия! Спорю и утверждаю, что она у нас, в Малороссии. Доказательство: когда россияне еще были славянами (это я, не помню, где-то читал), то имели отличные меды и только их и пили. Когда какому народу хотелось попить меду, то они ехали к славянам. В Великой России таких медов, как у нас, в Малороссии, варить не умеют: следовательно, мы — настоящие славяне, переименованные потом в россиян...»⁷² В романе нет упоминаний об этническом

⁷¹ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинцы // Современник. 1841. Т. 21. С. 75–76.

⁷² Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. С. 21.

наименовании той общности, к которой относит себя повествователь, хотя он признает свою принадлежность к Малороссии и принимает в отношении себя определение «хохол». Отсутствуют детали, которые позволяли бы установить особенности религиозной жизни, веры или фиксировали конфессиональные особенности среды, хотя Халявский подробно описывает свою учебу в бурсе. Язык, на котором говорят и пишут грамотные люди (получившие хоть какое-нибудь образование), он именуется «российским», определений «украинский» и «малороссийский» нет.

Для реконструирования гастрономического кода в романе приметы, позволяющие обнаружить социальную и региональную специфику, значимы: еда в гоголевских произведениях — крестьянская; блюда, перечисляемые в ней в качестве основных и воспринимаемые как традиционные для Малороссии, в описаниях Халявского упоминаются, но не составляют основы рациона. Сравнение блюд в романе с этнографическими описаниями «простонародной» кухни Малороссии (например, Маркевича⁷³) убедительно показывает сословные различия персонажей Гоголя и Квитки. Перечень блюд и характер их подачи ближе именно к сарматским шляхетским традициям Речи Посполитой⁷⁴.

Таким образом, намеренно избегая конкретных координат времени и пространства, не стремясь к этнической идентификации персонажей, Г. Ф. Квитка в качестве примет исторического дает определения, касающиеся лишь абстрактного прошлого и настоящего. В сущности, время романа делится на два отрезка: идиллического минувшего и внеисторического настоящего. Такая «внеисторичность» тоже работает на создание утопии с образом «золотого века» — социально гармоничного, изобильного, лишённого противоречий и при этом связанного не с национальными традициями конкретной этнокультурной группы, а с «общечеловеческим» идеализированным прошлым.

Вернемся к вопросу о причинах того, что читательская аудитория — как тогдашняя, так и современная, как русская, так и украинская — недооценила роман, не увидев в нем пародии на роман воспитания, не заметив точных характеристик типичного представителя традиционного общества, не принимающего нового века и просветительских

⁷³ Маркевич Н. А. Простонародная кухня, десерт и напитки // Маркевич Н. А. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта. Киев, 1860. С. 150–171.

⁷⁴ Лескинен М. В. Изобилие и обжорство в национальной культуре.

ценностей. Пан Халявский, которому Квитка явно симпатизирует, для публики — лишь глуповатый чудак, постаревший Митрофанушка. Герои романа воспринимались в одном ряду с комедийными персонажами малороссийской литературы и нравоучительной драматургии — в том числе и авторства самого Квитки, то есть буквально, прямолинейно. Игра автора с жанровыми романскими канонами также не была оценена по достоинству. Ожидаемое перевесило. Сатирическое начало оказалось более понятным и привлекательным, а просветительские утопии в середине XIX в. уже не были актуальными.

Источники

Б. а. Пан Холявский // Библиотека для чтения. 1841. Т. 44 (Январь). Кн. 1. Отд. 6. С. 7–12.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М.: Правда, 1952–1955. Т. 4. М.: Правда, 1953.

Державин Г. Р. Евгению. Жизнь Званская // Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 326–333.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступительная статья и прим. И. И. Подольской. М.: Издательство «Правда», 1988. С. 420–456.

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Твори у восьми томах. Київ: Дніпро, 1968–1970. Т. 8. Київ, 1970.

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. Киев: Дніпро, 1977.

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинцы // Современник. 1841. Т. 21. С. 75–76.

Филимонов В. Большой обед или пир // Филимонов В. Обед. Поэма. СПб., 1837. С. 105–145.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. сочинений. В 15 т. М.: Мысль, 1939–1953. Т. 3. М.: Мысль, 1947. С. 432–436.

Шмелев И. Лето Господне // Шмелев И. Солнце мертвых. Лето Господне. Богомолье. М.: Эллис Лак, 2007. С. 181–556.

Литература

Александровский И. С. Украинский вопрос на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетейя, 2012. С. 122–171.

Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской

литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетейя, 2012. С. 172–243.

Анненкова Е.И. Телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н.В. Гоголя. Семантика и функции еды. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1465/> (дата обращения: 23.02.2022).

Бабиц Н.Д. Средства воплощения авторского замысла в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» // Вопросы русской литературы. 1989. Вып. 2. С. 88–96.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Языки славянской культуры, 1997–2012. Т. 4 (2). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 7–516.

Бахтин М.М. Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Языки славянской культуры, 1997–2012. Т. 4 (2). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 517–522.

Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Языки славянской культуры, 1997–2012. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 180–216.

Библер В.С. Образ Простеца и идея личности в культуре средних веков (Заметки на полях книги А.Я. Гуревича «Проблемы средневековой народной культуры») // Человек и культура: Индивидуальность в истории / ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. С. 81–125.

Васильева Т.А. У истоков украинофильства. Образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. 232 с.

Вербицька Є.Г. Г. Ф. Квітка-Основ'яненко (Життя і творчість). Харків: Вид-во Харк. ун-ту, 1968. 155 с.

Вильна О.В. Идейно-эстетичний феномен творчості Г. Квітки-Основ'яненка: герменевтичний аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2006. 414 с.

Витряк И. Русскоязычная проза Г. Квитки-Основьяненко на страницах журнала «Отечественные записки». История публикации, проблемы рецепции // Філологічні науки. Збірник наукових праць. 2011. № 1 (7). С. 15–21.

Зубков С.Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев: Наукова Думка, 1979. 272 с.

Кривин Ф. Автор и его герой // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. М.: Худож. лит., 1978. С. 3–19.

Левкиевская Е.Е. Стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетейя, 2008. С. 154–176.

Лескинен М. В. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетей, 2008. С. 67–94.

Лескинен М. В. Изобилие и обжорство в национальной культуре. Об интерпретации сарматских пиров // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетей, 2011. С. 180–189.

Лескинен М. В. Проблема адекватности читательского восприятия. Из истории критики и рецепции романа Григория Квитки-Основьяненко «Пан Халявський» // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур / отв. редакторы Н. М. Куренная, М. В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 102–127.

Маслий И. А. Мастерство изображения повседневной жизни провинциального дворянства в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 108–112.

Маслий И. А. Образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявський» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2012. Вип. 1 (4). С. 116–123.

Мацатура В. И. «Ревизор» Н. В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г. Ф. Квитки-Основьяненко: типологический аспект // Художній світ Гоголя: зб. наук.-метод. матеріалів / упоряд. В. В. Чирка. Полтава: ПОІППО, 2008. С. 11–19.

Ранчин А. М. Что едят помещики в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетей, 2011. С. 335–346.

Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века. М.: С. Либроком, 2009. 336 с.

Софронова Л. А. Старинный украинский театр. М.: Росспэн, 1996. 327 с.

Софронова Л. А. «Всеобщий процесс житейского насыщения» в ранних повестях Гоголя // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетей, 2011. С. 314–324.

Ушкалов Н. Григорій Квітка-Основ'яненко. Харків: ФОЛІО, 2012. 48 с.

Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (Истоки, тип творчества, история развития): дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2004. 516 с.

Фризман Л. Г. Остроумный Основьяненко. Харків: ОМКО, 2017. 192 с.

Халява // Етимологічний словник української мови / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. У 7 т. Київ, Наукова Думка, 1982–2012. Т. 6. У–Я. Київ: Наукова Думка, 2012. С. 152.

LeBlanc R.D. Dinner with Chichikov: The Fictional Meal as Narrative Device in Gogol's «Dead Souls» // *Modern Language Studies*. 1988. Vol. 18. № 4 (Autumn). P. 66–80.

References

Aleksandrovskij I. S. Ukrainskij vopros na stranicah periodicheskikh izdanij vtoroj chetverti XIX v. *Russkie ob Ukraine i ukraincah*, ed. E. Yu. Borisenok. Saint Petersburg, Aleteja, 2012, pp. 122–171. (In Russ.)

Aleksandrovskij I. S., Leskinen M. V. Nekotorye voprosy etnograficheskogo izucheniya i polemiki o statuse malorossijskogo yazyka v Rossijskoj literaturnoj i nauchnoj publicistike XIX v. *Russkie ob Ukraine i ukraincah*, ed. E. Yu. Borisenok. Saint Petersburg, Aleteja, 2012, pp. 172–243. (In Russ.)

Annenkova E. I. *Telesnoe i duhovnoe v tradiconnoj narodnoj kul'ture i v proze N. V. Gogolya. Semantika i funkcii* edy. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1465/> (accessed: 23.02.2022). (In Russ.)

Babich N. D. Sredstva voploshcheniya avtorskogo zamysla v romane G. F. Kvitki-Osnov'yanenko «Pan Halyavskij». *Voprosy russkoj literatury*, 1989, issue 2, pp. 88–96. (In Russ.)

Bahtin M. M. *Rable i Gogol'. Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura*. Bahtin M. M. *Sobr. soch.* Vol. 1–7. Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 1997–2012. Vol. 4 (2). Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 2010, pp. 517–522. (In Russ.)

Bahtin M. M. Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma. *Bahtin M. M. Sobr. soch.* Vol. 1–7. Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 1997–2012. Vol. 3. Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 2012, pp. 180–216. (In Russ.)

Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. Bahtin M. M. *Sobr. soch.* Vol. 1–7. Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 1997–2012. Vol. 4 (2). Moscow, Jazyki slavianskoj kultury, 2010, pp. 7–516. (In Russ.)

Bibler V. S. Obraz Prosteca i ideya lichnosti v kul'ture srednih vekov (Zametki na polyah knigi A. Ya. Gurevicha «Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury»). *Chelovek i kul'tura. Individual'nost' v istorii*. Moscow, Nauka, 1990, pp. 81–125. (In Russ.)

Fokeev A. L. *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom procese XIX veka (Istoki, tip tvorчества, istoriya razvitiya)*. Dr. Hab. Diss. Moscow, Moscow State Regional University, 2004, 516 p. (In Russ.)

Frizman L. G. *Ostroumnyj Osnov'yanenko*. Kharkiv, OMIKO, 2017, 192 p. (In Russ.)

Halyava. *Etimologichnij slovník ukrains'koj movi*, AN URSR, In-t mozoznavstva im. O. O. Potebni; eds. O. S. Mel' nichuk et al. Vol. 1–7. Kyiv, Naukova Dumka, 1982–2012. Vol. 6. U–Ya. Kyiv, Naukova Dumka, 2012, 152 p. (In Ukr.)

Krivos F. Avtor i ego geroj. Kvitka-Osnov'yanenko G. F. *Pan Halyavskij*. Moscow, Hudozh. lit., 1978, pp. 3–19. (In Russ.)

LeBlanc R. D. Dinner with Chichikov: The Fictional Meal as Narrative Device in Gogol's «Dead Souls». *Modern Language Studies*, 1988, vol. 18, no. 4 (Autumn), pp. 66–80.

Leskinen M. V. Izobilie i obzhorstvo v nacional'noj kul'ture. Ob interpretacii sarmatskih pirov. *Kody povsednevnosti v slavyanskoj kul'ture: eda i odezhda*, ed. N. V. Zlydneva. Saint Petersburg, Aletejya, 2011, pp. 180–189. (In Russ.)

Leskinen M. V. Ponyatie «nрав народа» v rossijskoj etnografii vtoroj poloviny XIX v. Opisanie malorossa v nauchno-populyarnoj literature i problema stereotipa. *Ukraina i ukraincy: obrazy, predstavleniya, stereotipy. Russkie i ukraincy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii*, ed. E. Yu. Borisenok. Saint Petersburg, Aletejya, 2008, pp. 67–94. (In Russ.)

Leskinen M. V. Problema adekvatnosti chitatel'skogo vospriyatija. Iz istorii kritiki i recepcii romana Grigoriya Kvitki-Osnov'yanenko «Pan Halyavskij». *Che-lovek-tvorec v hudozhestvennom prostranstve slavyanskih kul'tur*, eds. N. M. Kurennaia, M. V. Leskinen. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriia, 2013, pp. 102–127. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Stereotip ukrainca v russkom soznanii. *Ukraina i ukraincy: obrazy, predstavleniya, stereotipy. Russkie i ukraincy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii*, ed. E. Yu. Borisenok. Saint Petersburg, Aletejya, 2008, pp. 154–176. (In Russ.)

Macapura V. I. «Revizor» N. V. Gogolya i «Priezzhij iz stolicy» G. F. Kvitki-Osnov'yanenko: tipologicheskij aspect. *Hudozhnij svit Gogolya: zb. nauk.-metod. materialiv*. Poltava, 2008, pp. 11–19. (In Russ.)

Maslij I. A. Masterstvo izobrazheniya povsednevnoj zhizni provincial'nogo dvoryanstva v tvorcestve G. F. Kvitki-Osnov'yanenko i N. V. Gogolya. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 1 (12), pp. 108–112. (In Russ.)

Maslij I. A. Obrazy edy v romane G. F. Kvitki-Osnov'yanenko «Pan Halyavskij». *Naukovi zapiski Har'kivs'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi*. Ser.: Literaturoznavstvo, 2012, issue 1 (1), pp. 116–123. (In Russ.)

Ranchin A. M. Chto edyat pomeshchiki v «Mertvyh dushah» N. V. Gogolya. *Kody povsednevnosti v slavyanskoj kul'ture: eda i odezhda*, ed. N. V. Zlydneva. Saint Petersburg, Aletejya, 2011, pp. 335–346. (In Russ.)

Sofronova L. A. «Vseobshchij process zhitejskogo nasyshcheniya» v rannih povestyah Gogolya. *Kody povsednevnosti v slavyanskoj kul'ture: eda i odezhda*, ed. N. V. Zlydneva. Saint Petersburg, Aletejya, 2011, pp. 314–324. (In Russ.)

Sofronova L. A. *Starinnij ukrainskij teatr*. Moscow, Rosspen, 1996, 327 p. (In Russ.)

Sokolova V. F. *Narodoznanie i russkaya literatura XIX veka*. Moscow, S. Librokom, 2009, 336 p. (In Russ.)

Ushkalov N. *Grigorij Kvitka-Osnov'yanenko*. Kharkiv, FOLIO, 2012, 48 p. (In Ukr.)

Vasil'eva T. A. *U istokov ukrainofil'stva. Obraz Ukrainy v rossijskoj slovesnosti konca XVIII — pervoj chetverti XIX v.* Ph. D. dissertation. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2014, 232 p. (In Russ.)

Verbic'ka Є. G. *G. F. Kvitka-Osnov'yanenko (Zhittya i tvorcht')*. Kharkiv, Vid-vo Hark. un-tu, 1968, 155 p. (In Ukr.)

Vil'na O. V. *Idejno-estetichnij fenomen tvorchosti G. Kvitki-Osnov'yanenka: germenevtichnij aspekt.* Ph. D. dissertation. Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 2006, 414 p. (In Ukr.)

Vitryak I. Russkoyazychnaya proza G. Kvitki-Osnov'yanenko na stranicah zhurnala «Otechestvennye zapiski». *Istoriya publikacii, problemy recepcii. Filologicheskie nauki. Zbirnik naukovyh prac*, 2011, no. 1 (7), pp. 15–21. (In Russ.)

Zubkov S. D. *Russkaya proza G. F. Kvitki i E. P. Grebenki v kontekste russko-ukrainskih literaturnyh svyazej.* Kyiv, Naukova Dumka, 1979, 272 p. (In Russ.)

Maria V. Leskinen

Dr. Sci. (History)
Lead Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507X

“Pan Khalyavsky” of Grigory Kvitka-Osnovianenko As the Authobiographical “Educational Novel”

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.03

Abstract: The article analyses the role of the food code in the Russian-language novel “Pan Khalyavsky” (1839–1840), written by the Ukrainian writer Grigory Kvitka-Osnovianenko. This novel was written as a memoir of the Little-Russian gentry. It has traditionally been regarded as a satire on the rude mores of backward and ignorant provincials — both in the assessments of nineteenth-century critics and in the history of the literature of the Russian Empire. One of the arguments for such a classification was based on the motives of gluttony and food abundance in Khalyavsky’s “memoirs” as an indication of the “earthiness” and narrowness of the characters’ interests. The description of festive feasts, everyday meals, libations, etc., is compared to Rabelaisian subjects: they are considered to resemble the culinary discourse and the methods of its embodiment in Gogol’s early works and in the novel “Dead Souls”. The analysis of the food motif associated with the body code in the article, however, shows that it is important for creating an idealised picture of the past, and not only the history of Little Russia. The idyllic “good past” constitutes a social patriarchal utopia, which is opposed by a new society, the enlightened nature of which deprives a person of traditions, spiritual purity and moral harmony.

Keywords: Grigory Kvitka-Osnovianenko, Nikolai Gogol, “Pan Khalyavsky”, “Educational Novel”, culinary subjects, semiotics of eating, utopia

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

Русско-украинский диалог на страницах журнала «Украинская жизнь» (1912–1917)

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.04

Аннотация: Статья посвящена истории московского журнала «Украинская жизнь» (1912–1917) и роли, которую он сыграл в дискуссии вокруг украинского вопроса накануне и в годы Первой мировой войны. Одной из задач, заявленных редакцией журнала, было информирование российского общества об основных целях и проблемах украинского национального движения. Журнал с первых номеров стал пространством для острой полемики, на его страницах печатались как видные сторонники украинского движения: Ф. Корш, М. Грушевский, Д. Донцов, так и его оппоненты: П. Струве, С. Щеголев, Е. Трубецкой. Начало Первой мировой войны привело к изменению характера дискуссии вокруг перспектив украинского движения в России. Журнал, первоначально открытый для широкой полемики с российским либеральным движением, постепенно отказался от публикации статей русских авторов, прежде всего, критически настроенных по отношению к «украинству». В итоге широкое обсуждение украинского вопроса оказалось свернуто, а события 1917 г. положили конец самому существованию журнала.

Ключевые слова: журнал «Украинская жизнь», украинский вопрос, А. Ф. Саликовский, С. В. Петлюра, П. Б. Струве, А. Л. Погодин, русско-украинские отношения

Последний номер за 1916 г. выходившего в Москве журнала «Украинская жизнь» открывался статьей его редактора Александра Фомича Саликовского «Пять лет»¹, которая стала своего рода подведением итогов деятельности издания. Сам Саликовский отмечал, что срок существования журнала невелик, но в «стране, которая зовется российской прессой, до почтенного возраста доживают

¹ Саликовский А. Пять лет // Украинская жизнь. 1916. № 12. С. 9–16.

редкие издания, и даже сотый выпуск оппозиционной прессы воспринимается как достижение»².

Журнал был создан по инициативе украинской секции Общества славянской культуры и начал выходить в 1912 г. Редактором-издателем был Я. А. Шеремецинский, основную же редакторскую работу осуществляли А. Ф. Саликовский и С. В. Петлюра. Несмотря на некоторые финансовые затруднения, журнал выходил без перерыва с 1912 по 1917 г., всего было издано 49 номеров, некоторые номера были сдвоенными³.

Оглядываясь назад, Саликовский напоминал, что инициаторам издания «создание журнала представлялось желательным и даже необходимым прежде всего для информирования русского общества и русской печати в украинском национальном движении, его условиях, задачах и достижениях», а также для защиты украинского движения от «тех клевет и инсинуаций, которые беспрепятственно и беззастенчиво сеются представителями русского воинствующего национализма». Еще одной, не менее важной задачей было «пробудить в возможно более широких интеллигентных кругах украинцев по происхождению заглушенное или уснувшее национальное самощущение и самосознание, вовлечь в национальные интересы и национальную работу всех тех, кто оторвался от родной стихии до такой степени, что утратил возможность и желание пользоваться родным языком и родной литературой»⁴. С точки зрения Саликовского, именно задачу пробуждения национального самосознания журналу удалось выполнить в достаточной степени. Список подписчиков, их активный интерес к изданию, наконец, география распространения журнала показывали рост интереса к изданию «по преимуществу украинцев, даже еще в ту пору, когда не были еще провозглашены лозунги “национального освобождения”, и украинская печать как-никак существовала»⁵. Действительно, ограничения, наложенные на украинскую печать с началом Первой мировой войны, резко сократили число изданий на украинском языке. Если в 1913 г.

² Там же. С. 9.

³ Трофимов Р. В. Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1913 гг.) // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. № 48 (3). С. 694–705. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705.

⁴ Саликовский А. Пять лет. С. 9.

⁵ Там же. С. 13.

в Российской империи выходило 19 изданий на украинском языке — от общественно-политических до узкоспециальных⁶, — то с началом войны «Украинская жизнь» оказалась практически единственным легальным украинским печатным органом. Саликовский отмечал, что, несмотря на это печальное обстоятельство, начиная с 1914 г. «к украинству сознательно приобщаются сотни, а то и тысячи оторванных от родины», что «является обстоятельством в высшей степени желанным и отрадным»⁷. В подтверждение своих слов о значении деятельности журнала для развития украинского национального сознания редактор привел статистику публикаций в журнале: за пять лет было опубликовано около 700 статей и заметок, посвященных, в частности, обсуждению украинского вопроса в Государственной думе, польско-украинским и русско-украинским отношениям, а также украинской истории и культуре. Большое внимание издатели журнала уделяли деятельности украинских культурно-просветительских обществ. Саликовский также обратил особое внимание читателей на то, что с журналом с самого первого дня его основания сотрудничали такие выдающиеся ученые, как Ф. Е. Корш, М. С. Грушевский, В. И. Пичета и др. Кроме того, на страницах «Украинской жизни» размещались материалы о деятельности украинских общественных организаций в глубинке. Все это дало возможность А. Ф. Саликовскому утверждать, что журнал имел серьезное влияние на формирование национального сознания украинцев, прежде всего тех из них, кто проживал за пределами исторических украинских земель.

Рассматривая реализацию задачи информирования русского общества о состоянии украинского национального движения, А. Ф. Саликовский высказал мнение, что она практически отодвинулась на второй план: «...все это в общем оказалось менее значительным, чем можно было ожидать при царящей в великорусском обществе неосведомленности в украинском вопросе»⁸. Журналист счел необходимым подробно остановиться на том, каковы были отношения представителей российской общественности и украинского движения в начале издания журнала и после, в последующие пять лет его существования. По его убеждению, «на каждом шагу оно (украинское

⁶ Животко А. Історія української преси. Київ, 1999. С. 248.

⁷ Саликовский А. Пять лет. С. 13.

⁸ Там же. С. 12.

движение. — М.К.) встречало не только недоброжелательство, питаемое узким национальным эгоизмом, но может быть в большей мере — равнодушие и пренебрежение, объясняемые полным невежеством широких кругов русского общества в национальных вопросах, а в украинском в особенности»⁹.

Однако сегодня, более чем сто лет спустя, подобная точка зрения представляется ошибочной. Хотя Саликовский, как и большинство участников украинского движения в России, упрекал представителей широких кругов российской общественной мысли в невежестве в украинском вопросе и пренебрежении к нему, сами публикации в журнале опровергают его слова. Журнал с первых выпусков стал пространством для полемики по украинскому вопросу между представителями различных кругов. Более того, большинство публикаций свидетельствуют о том, что значительное число общественных деятелей Российской империи уже имели собственную точку зрения на положение украинства в России. Примером тому служат ответы на вопросы анкеты, предложенной журналом в 1912–1913 гг.¹⁰ Так, видный либеральный политический деятель, один из создателей и лидеров кадетской партии Д. И. Шаховской высказал убеждение, что «ни один сознательно живущий русский не может не интересоваться украинским вопросом»¹¹. При этом даже респонденты, в целом негативно относившиеся к украинскому движению, высказывались в поддержку тех или иных его задач, например введения украинского языка в систему просвещения. Так, кн. Е. Н. Трубецкой, который само существование самостоятельного украинского народа ставил под сомнение, согласился с тем, что преподавание на родном языке в начальной школе является полезным и даже необходимым¹². Украинский язык в народной школе не вызывал возражений и у автора, скрывшего свое имя под псевдонимом «Журналист»: «Школа, народная, в которой дети говорят и учатся на чужом языке вздор. Хохлацким детям нужен хохлацкий букварь»¹³.

Тем не менее диалог между представителями украинского движения и российской общественной мысли развивался с большими

⁹ Там же.

¹⁰ Клопова М.Э. «Большой вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) // Славянский альманах 2015. Вып. 3–4. М., 2015. С. 122–137.

¹¹ Шаховской Д. Ответы на анкету // Украинская жизнь. 1913. № 11. С. 24.

¹² Трубецкой Е. К нашей анкете // Украинская жизнь. 1913. № 12. С. 23.

¹³ Журналист. К нашей анкете // Украинская жизнь. 1913. № 12. С. 27.

затруднениями. На страницах журнала нередко звучали упреки в адрес представителей русской общественной мысли. Критике подвергались многие из тех, кто считал себя если не сторонником украинского движения, то сочувствующим его основным задачам. В статье «Больной вопрос» А. Ф. Саликовский утверждал, что само понятие «прогрессивное общество» слишком неопределенно и расплывчато, и выражал уверенность, что «даже лица, стоящие во главе руководящих органов прогрессивной русской печати, за исключением очень немногих, не в состоянии разобраться в украинском вопросе»¹⁴. Он упрекал лидера кадетов П. Н. Милюкова в невежестве, поскольку «почтенный кадет, очевидно по неосведомленности, не составил себе определенного взгляда по упомянутому выше, очень элементарному предмету», и даже в двуличии, поскольку он «выступает с общественной трибуны против украинизации народной школы... с думской трибуны заявляет, что родной язык преподавания в украинской школе необходим»¹⁵. При этом именно Милюков не только последовательно поддерживал идею применения в публичной сфере украинского языка¹⁶, но и активно работал на протяжении долгого времени над развитием и укреплением связей между представителями украинского движения и конституционно-демократической партией¹⁷.

На страницах журнала звучала также критика левых партий. Саликовский заявлял, что российские социал-демократы «все время проявляли неприязненное отношение к ней (украинской идее. — М. К.), не давая себе даже труда внимательно разобраться в национальной проблеме вообще»¹⁸. Подобную же мысль высказал и другой автор журнала, один из деятелей Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) В. Садовский, заявив, что «долгие годы игнорирования вопроса дают себя знать. И теперь даже те из марксистов, которые хотят писать об украинском национальном движении не в целях обнаружения

¹⁴ Саликовский А. Больной вопрос (Несколько мыслей об украинской идее и русской интеллигенции) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ Клопова М. Э. Малорусский и белорусский языки в начальной школе: дискуссии в III Государственной думе // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века). М.; СПб., 2021. С. 61–86.

¹⁷ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 132–149.

¹⁸ Саликовский А. Больной вопрос. С. 25.

его шовинизма и национализма, даже те не могут отделаться от самых грубых, самых непозволительных ошибок»¹⁹. На упреки в адрес российской социал-демократии ответил А. В. Луначарский. Он согласился с тем, что марксисты, действительно, «с определенной подозрительностью относятся к проявлениям национализма, но на это у них есть причины»²⁰. С одной стороны, отметил он, это «недоверие людей, имеющих уже великую цель, требующую напряжения всех сил и опасующихся растраты этих сил на цели побочные, быть может, при известных условиях парализующие единство стремлений того класса, в котором они видят носителя всеобщего освобождения». С другой стороны, недоверие социал-демократов к группам, являющимся движущей силой национального возрождения (интеллигенции и торгово-ремесленной мелкой буржуазии), Луначарский объяснял тем, что само национальное возрождение быстро вырождается в борьбу за их корпоративные интересы. В результате эти группы пользуются «всею накопившейся ненавистью долголетнего подавления, чтобы вырыть пропасть между своим народом и остальным миром, они разжигают культурный сепаратизм и воспитывают смешное и вредное самодовольство всяким доморощенным продуктом»²¹. Для «мелкобуржуазных националистов» национализм «оказывается почти сплошь организацией мелких и микроскопических капиталов для конкуренции с себе подобными»²². Луначарский отметил, что в современном украинском движении вполне заметны именно эти, вызывающие настороженность, моменты.

Результаты опроса представителей российской общественной мысли в целом подтверждали убежденность А.Ф. Саликовского в возможности и даже необходимости диалога с ними, а также актуальность задачи более полного информирования «читающей публики» об украинском вопросе. В этом Саликовский расходился во мнениях с другим редактором журнала — С.В. Петлюрой. Тот был убежден, что журнал неверно освещает состояние русско-украинских отношений, а потому надежда на понимание со стороны русской

¹⁹ Садовский В. Российские марксисты об украинском движении // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 71.

²⁰ Луначарский А. О национализме вообще и украинском движении в частности // Украинская жизнь. 1912. № 10. С. 9.

²¹ Луначарский А. О национализме вообще и украинском движении в частности. С. 12.

²² Там же. С. 13.

общественности весьма прозрачна²³. Петлюра обвинял Саликовского также и в том, что именно благодаря его позиции журнал не обладал ярким национальным характером, недостаточно смело освещая положение украинского народа. Конфликт между редакторами обострялся, и в 1913 г. Саликовский переехал в Ростов-на-Дону, где возглавил редакцию газеты «Приазовский край»²⁴. Вновь к обязанностям редактора «Украинской жизни» Саликовский вернулся в 1916 г. — после вступления С. В. Петлюры в «Всероссийский Союз земств городов» и его отъезда на Западный фронт.

Разногласия в оценке перспектив русско-украинского диалога нашли отражение в полемике Саликовского и Петлюры на страницах руководимого ими журнала. Непосредственным поводом стала развернувшаяся полемика вокруг ряда статей П. Б. Струве, посвященных проблеме соотношения русской (общерусской) и малороссийской и белорусской культур. Наиболее известной из этих статей является «Общерусская культура и украинский партикуляризм», опубликованная в начале 1912 г.²⁵ Эта публикация стала причиной ожесточенной дискуссии между представителями самых разных кругов российской интеллигенции. Не стали исключением и авторы журнала «Украинская жизнь»²⁶. Среди них были как представители украинского движения, так и русские ученые, например академик Ф. Е. Корш и историк А. Л. Погодин.

Для А. Ф. Саликовского достаточно единодушная реакция либеральных кругов на основные положения концепции Струве стала показателем того, что в современном российском обществе несомненно наметилось понимание запросов украинского движения. Однако

²³ *Безкровний Ю. О.* Анкета журналу «Украинская жизнь» з національного питання // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2015. Вип. 50. С. 154–160.

²⁴ *Полумисна О. О.* Організаційна діяльність редакторського складу журналу «Украинская жизнь» (1912–1917 рр.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2009. № 846. С. 194.

²⁵ *Струве П. Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86.

²⁶ *Трофимов Р. В.* Журнал «Украинская жизнь» vs П. Б. Струве: дискуссия вокруг украинского вопроса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ukrainskaya-zhizn-vs-p-b-struve-diskussiya-vokrug-ukrainskogo-voprosa> (дата обращения: 14.01.2023).

С. В. Петлюра придерживался иных взглядов. В третьем номере журнала за 1913 г. он выступил с резкой статьей, в которой заявлял, что «русский либерализм растерял достаточно своих былых положительных черт... перед нами совершающийся факт сдвига русского либерализма в сторону великорусского национализма, преследующего, явно не скрываясь, ясные зоологические цели»²⁷. И даже само «былое “доброе лицо” державной нации принимает иной облик, и в этом последнем вырисовываются острые зубы воинственной национализации»²⁸. В ответ А. Саликовский выступил с решительной критикой такого подхода, поскольку «углублять национальный антагонизм, искать принципиальное оправдание шовинизму и нетерпимости было бы, на мой взгляд очень плохой услугой национальному делу»²⁹. Надо отметить, однако, что Саликовский был согласен с тем, что в либеральном направлении общественной мысли «сливаются националисты и Струве... “Новое время” и его единомышленники справа радостно приветствуют выступление против нас г. Струве и выдают ему лестные аттестации, а орган г. Струве в это же самое время, хотя и с оговорками, но все же недвусмысленно протягивает руку цензурному чиновнику»³⁰. В этой атмосфере «трудно украинцам сохранить... верность широким началам идейной терпимости и следование старым традициям, объединявшим в дружеском союзе деятелей украинского движения с представителями передовой части русского общества»³¹, однако несправедливая критика, а тем более обвинения всего русского народа, по мнению Саликовского, сделают любой диалог невозможным. В заключение он решительно отмежевался от высказанных новым редактором идей, поскольку они противоречат изначальным задачам журнала³².

Упреки в адрес русских либеральных кругов в слабом знании украинского вопроса и общем отсутствии интереса к нему еще не раз высказывались на страницах журнала. Так, автор статьи «Перспективы русско-украинских отношений» П. Смуток (П. Я. Стебницкий)

²⁷ *Петлюра С. В.* Из русской печати // Украинская жизнь. 1913. № 3. С. 73.

²⁸ Там же. С. 74.

²⁹ *Саликовский А.* На ложном пути // Украинская жизнь. 1913. № 4. С. 72.

³⁰ С. Н. Щеголеву, инспектору по делам печати г. Киева, члену Киевского клуба русских националистов, известному публицисту, автору ряда публикаций, в которых он подверг украинское национальное движение резкой критике.

³¹ *Саликовский А.* На ложном пути. С. 74.

³² *Полумисна О. О.* Організаційна діяльність редакторського складу журналу «Українська життя». С. 195.

отметил, что «в левых кругах еще очень явственны отзвуки старых партийных предубеждений против национальной идеи вообще»³³. Схожую мысль высказал и В. Садовский: «В мирозерцании русского радикального интеллигента до сих пор еще имеются пережитки вульгарного quasi-космополитизма, безразлично, будут ли они окрашены в кадетский народнический или марксистский колорит, до сих пор еще русский интеллигент не может относиться к украинской проблеме просто как к явлению неизбежному»³⁴.

Постепенно начинает проявляться новая тенденция в оценках: авторы журнала все чаще высказывали мысль о невозможности русско-украинского диалога в принципе. Надо отметить, что первые пессимистические заявления появились на страницах уже в первых номерах — так, сомнения в целесообразности диалога и в интересе к нему со стороны русских общественных деятелей сформулировал украинский публицист Дмитрий Донцов, проживавший в это время во Львове. В статье «Русский либерализм и украинское движение»³⁵ он сделал резкое заключение о том, что «надежды на либеральную Россию, распространенные в украинском обществе, сильно преувеличены, а отчасти являются просто предрассудками» и что по мере развития украинского движения в русском либеральном обществе некоторое равнодушие сменяется на прямую враждебность: «Конституционализм сильно поможет украинскому движению стать на ноги... но он же несет с собой и новую форму национализма, несравненно более опасного, чем национализм казенный, так как она не ограничивается циркулярами и приказами, но идет в самую толщу народных масс»³⁶. Ему ответил писатель, поэт и журналист Владимир Жаботинский, активный деятель сионистского движения. Он выразил сомнение в одном из основных тезисов статьи Донцова о непременном росте националистических настроений среди русских либеральных кругов. По словам Жаботинского, «придут же эти массовые национал-либералы... только тогда, когда великоросс начнет ощущать, что его книги, его газеты

³³ *Смуток П.* Перспективы русско-украинских отношений // Украинская жизнь. 1913. № 3. С. 14.

³⁴ *Садовский А.* Русское учительство и украинская школа // Украинская жизнь. 1914. № 1. С. 14.

³⁵ *Донцов Д.* Русский либерализм и украинское движение // Украинская жизнь. 1912. № 5. С. 7–16.

³⁶ Там же. С. 15.

больше не раскупаются в Полтаве, что он уже не может быть учителем в гимназии в Тифлисе или членом окружного суда в Вильне, если не изучит местный язык»³⁷. Говоря же о некотором равнодушии со стороны русских либеральных кругов в отношении национальных запросов других народов, Жаботинский отметил, что немалая доля ответственности за это лежит на самих «инородцах». Их пассивная позиция создала у русского общества ощущение второстепенности национальных вопросов, в то время как «мы обязаны доказать, что национальный вопрос в этой империи есть проблема первой, а не второй очереди... и что для нас, “инородцев”, все освободительное движение, все обновление имеет смысл и ценность лишь постольку, поскольку несет нам нашу национальную свободу»³⁸. В ответной статье Донцов заявил, что «украинский вопрос — исключительной важности для России и с другими вопросами не может быть сравним»³⁹. Он решительно отказывался рассматривать его в ряду других национальных вопросов Российской империи, считая «взятие украинства за общую скобку с другими недержавными народами» ошибочной недооценкой его значимости для государства. Интересно, что при этом позицию П. Б. Струве, а также других русских авторов, негативно относящихся к перспективе развития украинского движения, Донцов считал наиболее реалистичной: «они *поняли* все значение украинского движения для России и *уверовали* в него сильнее других, сильнее может быть некоторых украинцев»⁴⁰. И именно поэтому, по мнению Донцова, развитие и усиление украинского движения приведет к неизбежному его столкновению с русским либеральным движением.

Донцов, безусловно, был одним из самых радикальных авторов журнала, и его резкие высказывания нередко вызывали опасения С. В. Петлюры как редактора⁴¹, но его мысль о нецелесообразности и даже невозможности полного примирения в русско-украинских отношениях звучала на страницах журнала все

³⁷ Жаботинский Вл. О русском либерализме (Письмо в «Украинскую жизнь») // Украинская жизнь. 1912. № 7–8. С. 49.

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ Донцов Дм. Еще о русском либерализме (Ответ Вл. Жаботинскому) // Украинская жизнь. 1912. № 10. С. 84.

⁴⁰ Там же. С. 86.

⁴¹ Безкровний Ю. О. Журнал «Украинская жизнь» і цензура (1912–1917) // Етнічна історія народів Європи. 2015. Вип. 46. С. 89.

чаще. Уже упоминавшийся П. Смуток писал, что «в целесообразность украинских стремлений русское общество не верит, возникновением их недоволено, развития их боится, а ближе с ними познакомиться не хочет. Выходит, что для успеха украинской программы в прогрессивных кругах русского общества украинцам не мешало бы сделаться по отношению к нему немножко более далекими, более чужими»⁴².

Начало Первой мировой войны в корне изменило и само положение украинского движения в России, и характер диалога между представителями украинского движения и русскими либеральными кругами. Провозглашенная в первые дни войны в воззвании великого князя Николая Николаевича основная задача России — «освобождение многострадальной подъяремной Руси», «завершение дела собирания русских земель», а затем и стремительное занятие русскими войсками Восточной Галиции заметно изменили отношение в русском обществе к украинскому вопросу.

Редакция «Украинской жизни» уже 30 июля 1914 г. подготовила статью «Война и украинцы» за подписью редактора-издателя Я. Щеремицкийкого, которую и его коллеги, и многие читатели расценивали как декларацию российских украинцев. Подчеркивая их лояльность в отношении Российской империи, автор выражал надежду на осторожную и взвешенную политику по отношению к населению Галиции, которая могла бы стать шагом на пути к разрешению внутренних национальных противоречий: «...толерантное отношение к украинцам Австрии, продиктованное обстоятельствами времени, открыло бы большие возможности: оно обусловило бы притяжение оторванной историческими условиями части к национальному украинскому целому, связанному с Россией»⁴³. Редакция журнала придавала особое значение этой статье, которая стала, по сути, единственным публичным выражением позиции российского украинства.

В то же время отношение представителей либеральных кругов к украинскому вопросу претерпело серьезные изменения. Так, А.Л. Погодин в статье «Русский вопрос» довольно резко высказался о перспективах присоединения «украинствующего» края к России: «...с присоединением к России Восточной Галиции, где создавалась на почве исторической, языковой и религиозной обособленности

⁴² Смуток П. Перспективы русско-украинских отношений. С. 10.

⁴³ От редакции // Украинская жизнь. 1914. № 7. С. 4–6.

отдельная русская народность — “украинская”, образовался бы в пределах России такой очаг политически и культурно сепаратистских стремлений, который явился бы постоянной угрозой для внутреннего спокойствия России»⁴⁴. Позднее Погодин скорректировал свое отношение к перспективе вхождения Галиции в состав Российской империи. В статье «Очередная задача русской власти в Зарубежной Руси», опубликованной в «Утре России», Погодин писал: «Можно быть уверенным, что украинство со своей радикальной программой полного обособления от России здесь еще не пустило крепких корней»⁴⁵.

Вновь с критикой в адрес всего украинского движения выступил П. Б. Струве. По его мнению, именно в Галиции, «оторванность которой от общерусской культуры и раздула “областное” и “местное” до значения “национального”, эти идеи и требования служили радикальной “украинской” интеллигенции материалом для любезной австрийцам и германцам *противорусской* агитации, направленной на отторжение от России целых громадных ее областей, как якобы не русских, но “украинских”, и на вытеснение России чуть ли не в Азию»⁴⁶. В заключение Струве подчеркнул, что «всякое расширение украинства за пределы начала областного, всякое превращение его в начало национальное, сталкивает украинство с фактом и идеей единой и нераздельной России, той великой России, которая в 1914 г. вступила в бой с австрийской ложью и германским насилием»⁴⁷. Статья вызвала новую волну полемики вокруг украинского вопроса. Первым на нее отозвался Н. А. Гредескул («О выступлении П. Б. Струве по украинскому вопросу»). В следующем номере журнала была опубликована как сама статья Струве, так и ответы на нее П. Н. Милюкова, Н. И. Коробки, Ф. Ф. Кокошкина, появившиеся на страницах других печатных изданий. Стоит отметить, что все тексты были опубликованы без купюр, что должно было помочь читателям составить свое, адекватное представление о полемике. Авторы

⁴⁴ Погодин А. Русский вопрос // Утро России. 1914. 17 (30) августа.

⁴⁵ Погодин А. Очередная задача русской власти в Зарубежной Руси // Утро России. 1914. 26 сентября (9 октября).

⁴⁶ Струве П. Австро-германское украинство и русское общественное мнение // Биржевые ведомости. 1914. 29 сентября (12 октября).

⁴⁷ Трофимов Р. В. Журнал «Украинская жизнь» vs П. Б. Струве: дискуссия вокруг украинского вопроса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ukrainskaya-zhizn-vs-p-b-struve-diskussiya-vokrug-ukrainskogo-voprosa> (дата обращения: 14.01.2023).

указали на ряд противоречий в позиции Струве, наиболее заметным из которых казался им призыв отказаться от полицейских мер в отношении населения Галиции при «проведении русских государственных задач, невыполнимых вне постепенного органического слияния Галиции с общерусской культурной стихией»⁴⁸. Как отмечал П. Н. Милюков, подобные меры не могут осуществляться без участия власти, и, хотя публицист апеллировал к общественному мнению, оно, как считал Милюков, никак не может повлиять на характер проводимой политики⁴⁹. Ф. Ф. Кокошкин, один из активных деятелей кадетской партии, много внимания уделявший вопросам национальной политики, подчеркнул, что с присоединением Галиции украинский вопрос приобретает иное звучание: невозможно не замечать, что галицийским украинцам удалось заметно продвинуться в деле развития национальной культуры. По его словам, «в Галиции речь идет не только о желаниях и притязаниях, но и о реальных приобретениях... как, с точки зрения П. Б. Струве, следует отнестись к всему этому культурному достоянию? Признать ли его имеющим право на сохранение, или обречь на разрушение как явление, не укладывающееся в прокрустово ложе “провансальской теории”?»⁵⁰ В том же номере была опубликована эмоциональная статья известного общественного деятеля и публициста, члена кадетской партии М. М. Могилянского «К характеристике антиукраинских выступлений г. Струве»⁵¹, в которой автор, уже не раз выступавший с критикой идей своего оппонента, обратил внимание, что Струве, говоря об областном характере украинской культуры, настойчиво «не замечает» произведений Коцюбинского, Винниченко, Франко или Леси Украинки, которые, конечно, не могут соответствовать критериям «областной культуры».

Подводя своеобразные итоги дискуссии, Петлюра в статье «Отрицательные черты полемики по украинскому вопросу», объединив в одну группу единомышленников П. Б. Струве и А. Л. Погодина, упрекал их в том, что они «устраняют из спора... момент достижений и приобретений

⁴⁸ *Струве П.* Австро-германское украинство и русское общественное мнение // Биржевые ведомости. 1914. 29 сентября (12 октября).

⁴⁹ К спору об украинском вопросе. Статьи П. Струве, Н. Коробки, П. Милюкова, Ф. Кокошкина // Украинская жизнь. 1914. № 11–12. С. 69.

⁵⁰ К спору об украинском вопросе // Украинская жизнь. 1914. № 11–12. С. 75.

⁵¹ *Могилянский М.* К характеристике антиукраинских выступлений г. Струве // Украинская жизнь. 1912. № 11–12. С. 78–81.

украинской культуры, те последние этапы ее развития, когда ценности культурного творчества отлагаются в сознании общества, входят в культурный обиход его жизни как органический элемент, как стихийная принадлежность ее»⁵². Причину Петлюра усматривал прежде всего в отсутствии информации и интереса русских к украинской культуре: «Русское общество, по сути, мало знакомо с тем, что охватывается понятием украинской культуры»⁵³. Он призывал глубже и внимательнее изучить, прежде всего, достижения австрийских украинцев, которые могут быть уничтожены: «не ожидает ли их судьба, которую им так усердно готовят и П. Струве, и галицко-русское общество, и ряд других деятелей?»⁵⁴ При этом Петлюра категорически отказывался признавать созданный австрийскими украинскими деятелями Союз освобождения Украины (*укр. Спілка визволення України, СВУ*) сколько-нибудь значимой организацией и считал его руководителей авантюристами. Однако, отмечал он, стоило в прессе появиться упоминаниям о заявлениях руководителей этой организации, как такая информация становилась «источником и новым поводом для обвинения украинского общества в склонности к государственной измене, а сама авантюра “Союза освобождения Украины” рассматривалась как доказательство подлинной политики украинцев в достижении ими национальных стремлений»⁵⁵. В заключение своей статьи Петлюра подчеркивал, что именно столь яростная полемика свидетельствует о необходимости для русского общества выработать новый подход в отношении к украинскому народу, «отдавшему много сил и жертв для защиты Российского государства»⁵⁶. О том, как российские украинцы «все время совсем недвусмысленно отмежевывали себя от “ориенталистов” галицкой Украины и не раз делали им напоминания, чтобы они ничего не высказывали от их имени», писал в статье, посвященной защите М. С. Грушевского, ее автор Л. Бурчак⁵⁷.

В целом можно сказать, что заключительный номер «Украинской жизни» за 1914 г. стал последним, в котором была предпринята

⁵² *Петлюра С.В.* Отрицательные черты полемики по украинскому вопросу // Украинская жизнь. 1914. № 11–12. С. 5.

⁵³ Там же. С. 6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Петлюра С.В.* Отрицательные черты полемики по украинскому вопросу. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 11.

⁵⁷ *Бурчак Л.* Проф. Михаил Грушевский о политике галицких украинцев перед войной // Украинская жизнь. 1914. № 11–12. С. 36.

попытка русско-украинского диалога. При анализе содержания журнала за 1915–1916 гг. хорошо заметно, что большая часть публикаций посвящена просвещению в вопросах географии, истории, экономики, культурной жизни Украины⁵⁸. Поднимались вопросы польско-украинских отношений, помощи украинским беженцам, организации культурно-просветительских учреждений. Для большинства деятелей общерусских движений и партий эти вопросы вовсе не были первоочередными. Очевидно, что сотрудники журнала и их единомышленники отказались от идеи взаимодействия с русским либеральным движением, и даже предпринимаемые его представителями попытки наладить диалог заканчивались неудачей. Примером может послужить попытка М. Горького начать сотрудничество с журналом, предпринятая им в 1916 г. Горький на встрече (на которой присутствовал также переведенный в Москву под полицейский надзор М. С. Грушевский) предложил создать своего рода украинскую энциклопедию, в которой в популярной форме была бы отражена история украинского народа, его трудности и надежды. Однако предложения Горького не встретили ни понимания, ни отклика у его собеседников и в конечном итоге не были реализованы. Резкой критике на страницах журнала подвергались представители русской либеральной мысли, высказавшие несогласие или же сомнения в правильности освещения украинской проблематики на страницах журнала.

В результате такого подхода журнал практически лишился общерусской аудитории; число же украинских читателей журнала постепенно сокращалось, и А. Саликовскому оставалось пожелать «лишь одного: скорого и естественного прекращения журнала», а также того, чтобы «вырос и умножился украинский читатель, чтобы выросла и заговорила полным голосом настоящая украинская печать»⁵⁹.

Перемены, о которых писал А. Ф. Саликовский, начались уже через два месяца после публикации статьи. Вышедшие в 1917 г. три номера журнала «Украинская жизнь» за 1917 г. были посвящены революционным событиям, перспективам дальнейшего устройства России, освобожденной от самодержавного правления. Уже весной 1917 г. журнал прекратил свое существование. Почти все авторы

⁵⁸ Кузьменко Т. А. Из эпистолярного наследия редакторов журнала «Украинская жизнь» (1912–1917) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 154–165.

⁵⁹ Саликовский А. Пять лет. С. 14.

журнала выехали в Киев. В апреле 1917 г. в качестве уполномоченного Украинской фронтовой рады на Всеукраинский национальный съезд (6/19–8/21 апреля 1917 г.) в Киев приехал С. В. Петлюра. А. Ф. Саликовский, возглавивший сразу после революции Украинскую национальную раду в Москве, также вскоре переехал в Киев. Еще раньше, в марте 1917 г. в Киев вернулся из московской ссылки М. С. Грушевский, избранный председателем Центральной рады. Началась новая страница в истории Украины и украинской печати.

Список источников

Биржевые ведомости. 1914.
Украинская жизнь. 1912–1917.
Утро России. 1914.

Литература

Безкровний Ю. О. Анкета журналу «Украинская жизнь» з національного питання // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2015. Вип. 50. С. 154–160.

Безкровний Ю. О. Журнал «Украинская жизнь» і цензура (1912–1917) // Етнічна історія народів Європи. 2015. Вип. 46. С. 86–92.

Клопова М. Э. «Большой вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. // Славянский альманах 2015. Вип. 3–4. М.: Индрик, 2015. С. 122–137.

Клопова М. Э. Малорусский и белорусский языки в начальной школе: дискуссии в III Государственной думе // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / редколл.: Е. Ю. Борисёнок, М. Э. Клопова, Д. А. Короткова, М. В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 61–86.

Кузьменко Т. А. Из эпистолярного наследия редакторов журнала «Украинская жизнь» (1912–1917) // Славянский альманах 2020. Вип. 1–2. М.: Индрик, 2020. С. 154–165.

Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М.: Ловатера, 2003. 287 с.

Полумисна О. О. Організаційна діяльність редакторського складу журналу «Украинская жизнь» (1912–1917 рр.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2009. Вип. 846. С. 191–196.

Трофимов Р. В. Журнал «Украинская жизнь» vs П. Б. Струве: дискуссия вокруг украинского вопроса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ukrainskaya-zhizn-vs-p-b-struve-diskussiia-vokrug-ukrainskogo-voprosa> (дата обращения: 14.01.2023).

Трофимов Р. В. Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1913 гг.) // Via in tempore. История. Политология. 2021. № 48 (3). С. 694–705. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705.

References

Bezkrvnyĭ Iu. O. Anketa zhurnalu «Ukraynskaia zhynz'» z natsional'noho pytannia. *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina*. Ser. Istorii, 2015, issue 50, pp. 154–160. (In Ukr.)

Bezkrvnyĭ Iu. O. Zhurnal «Ukraynskaia zhynz'» i tsenzura (1912–1917). *Et-nichna istoriia narodiv Ievropy*, 2015, issue 46, pp. 86–92. (In Ukr.)

Klopova M. E. «Bol'noi vopros». Anketa zhurnala «Ukrainskaia zhizn'» 1912–1917 gg. *Slavianskii al'manakh 2015*, issue 3–4. Moscow, Indrik, 2015, pp. 122–137. (In Russ.)

Klopova M. E. Malorusskii i belorusskii iazyki v nachal'noi shkole: diskussii v III Gosudarstvennoi dume. «Rodnoje slovo». *Belorusskii i ukrainskii iazyki v shkole (ocherki istorii massovogo obrazovaniia, seredina XIX — seredina XX veka)*, eds. E. Yu. Borisenok, M. E. Klopova, D. A. Korotkova, M. V. Leskinen. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istorii, 2021, pp. 61–86. (In Russ.)

Kuz'menko T. A. Iz epistoliarnogo naslediiia redaktorov zhurnala «Ukrainskaia zhizn'» (1912–1917). *Slavianskii al'manakh 2020*, issue 1–2. Moscow, Indrik, 2020, pp. 154–165. (In Russ.)

Mikhutina I. V. *Ukrainskii vopros v Rossii (konets XIX–nachalo XX veka)*. Moscow, Lovatera, 2003, 287 p. (In Russ.)

Polumysna O. O. Orhanizatsiina diial'nist' redaktors'koho skladu zhurnalu «Ukraynskaia zhynz'» (1912–1917). *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina.*, 846. Ser.: *Filolohiia*, 2009, issue 846, pp. 191–196. (In Ukr.)

Trofimov R. V. Sozdaniye i kontseptual'nyje osnovy zhurnala «Ukrainskaia zhizn'» (1912–1913 gg.). *Via in tempore. Istorii. Politologiia*, 2021, no. 48 (3), pp. 694–705. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-694-705. (In Russ.)

Trofimov R. V. Zhurnal «Ukrainskaia zhizn'» vs P. B. Struve: diskussiia vokrug ukrainskogo voprosa. *Uchenyye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kur'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022, no. 1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ukrainskaya-zhizn-vs-p-b-struve-diskussiia-vokrug-ukrainskogo-voprosa> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.)

Maria E. Klopova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

Russian-Ukrainian dialogue on the pages of the magazine “Ukrainian Life” (1912–1917)

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.04

Abstract: The article is devoted to the history of the Moscow magazine “Ukrainian Life” (1912–1917) and the role that it played in the discussion around the Ukrainian question on the eve of and during World War One. One of the tasks stated by the editorial board of the magazine was to inform the Russian public about the main tasks and problems of the Ukrainian national movement. From the first issues the magazine became a space for acute controversy: contributions of both prominent supporters and opponents of the Ukrainian movement were published on its pages: F. Korsh, M. Hrushevsky, D. Dontsov, as well as P. Struve, S. Shchegolev, E. Trubetskoy. The outbreak of World War One led to a change in the nature of the discussion around the prospects of the Ukrainian movement in Russia. The magazine, initially open to a broad discussion with the Russian liberal movement, gradually refused to publish articles by Russian authors, primarily by those critical of “Ukrainism”. As a result, the discussion on the Ukrainian issue turned out to be curtailed, and the events of 1917 put an end to the very existence of the magazine.

Keywords: The magazine “Ukrainian Life”, the Ukrainian question, A. F. Salikovsky, S. V. Petlyura, P. B. Struve, A. L. Pogodin, Russian-Ukrainian relations

Елена Анатольевна Косован

кандидат исторических наук
доцент

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Мнусская пл., д. 6
E-mail: kosovan.ea@rggu.ru
ORCID: 0000-0002-4031-8799

«Между Финляндией и землей Богдана Хмельницкого»: украинский национальный проект глазами Германа Гуммеруса

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.05

Аннотация: Сквозь призму биографии Германа Грегориуса Гуммеруса (1877–1948) в статье рассматривается украинско-финское политическое взаимодействие в первой четверти XX в. В современной историографии Герман Гуммерус известен главным образом как историк-антиковед, специализировавшийся на исследованиях экономической истории Древнего Рима. Так как в трудах, посвященных украинско-финляндскому взаимодействию, его политическая и дипломатическая деятельность рассматривается фрагментарно, автор считает необходимым представить в статье биографический раздел. Особое внимание при этом уделяется участию Германа Гуммеруса в движении финляндских активистов в годы так называемой «русификации Финляндии», известной также как «периоды угнетения» (1899–1905 и 1908–1917 гг.), и после Первой мировой войны. Отношение Германа Гуммеруса к украинскому национальному государственному проекту вообще и конкретно — в формате Украинской державы (Второго гетманата) 1918 г. реконструируется по его воспоминаниям «Украина на переломе. Шесть месяцев во главе посольства в Киеве» (Ukrainan murrosajoilta — Kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kieivissä) (1931).

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, Украинская держава, финские шведы, активисты, национальные элиты, национальное движение

Изучение национализма (становление национальных элит, развитие национально-освободительных движений, реализация национально-государственных проектов и т.п.) является одним из наиболее актуальных направлений современных исторических исследований как в России, так и за рубежом. Особый интерес для отечественной исторической науки представляют национальные

движения Российской империи, их взаимодействие и взаимовлияние. Отдельные аспекты этой проблемы изучены неплохо. Но украинское и финляндское национальные движения в российской, да и в зарубежной исторической науке представлены автономно, а их пересечения исследуются эпизодически, причем преимущественно в украинской историографии¹.

Данная работа посвящена взаимодействию Финляндии и Украинской державы, которое рассматривается сквозь призму взглядов финляндского политика, дипломата и историка Германа Грегориуса Гуммеруса, посла в Украине в 1918–1919 гг. Основным источником являются воспоминания Г. Г. Гуммеруса о дипломатической работе в Киеве (более подробно о них будет сказано ниже). Историографический базис работы складывается из работ М. Клинге, Т. Нюгорда, В.-Т. Васара, Т. Ууситало, Д. Кирби, Д. В. Ковалева и др. Методологически исследование находится на стыке классической персонографии и просопографии.

Герман Грегориус Гуммерус родился 24 декабря 1877 г. в Санкт-Петербурге, в семье Германа Эрика Гуммеруса (1841–1892) и его жены Ольги Элизабет, урожденной Кроок (1851–1931). По отцовской линии Гуммерус-младший принадлежал к известному с XVI в. роду, который, вероятно, можно назвать национальным культурно-историческим феноменом: из его лона вышла целая плеяда политиков, священнослужителей, деятелей науки и искусства, сыгравших большую роль в социально-экономическом, общественно-политическом и духовном развитии Финляндии².

¹ См., например: *Ремі Й., Пилипенко В.* Відносини між Україною та Фінляндією в 1918 р. // Студії з архівної справи та документознавства. 1999. № 5. С. 77–81; *Ремі Й., Пилипенко В.* Україна, Фінляндія і Союз окраїнних держав 1919–1920 // Українська революція 1917–1921 років: погляд із сьогодення. Київ, 2013. С. 460–467; *Пилипенко В.* Дипломатична діяльність Петра Сливенка у Фінляндії (1918 р.) // Національна та історична пам'ять. 2013. № 7. С. 218–225; *Ковальов Д. В.* Порівняльний аналіз націєтворчих процесів у Фінляндії та підросійській Україні (кінець XVIII – початок XX століть): дис. ...канд. іст. наук. Дніпро: Національний технічний університет «Дніпровська політехніка», Дніпровський національний університет ім. Олеся Гончара, 2021. 229 с.; и др.

² Назовем лишь несколько известных имен: священнослужители Хенрик Йохан Гуммерус (1774–1836) и Яакко (Якоб) Гуммерус (1870–1933), писатель и просветитель Карл Якоб (Карле Яакко) Гуммерус (1840–1898), художница Ольга Элизабет Гуммерус-Эрстрём (1876–1938), политики Антти Йоханнес Гуммерус (1882–1918) и Мартти Александр Гуммерус-Пихкала (1882–1966), спортсмен Лаури Пихкала (1888–1981) и др.

История рода показывает, насколько значимым было место просвещенных шведов в финляндской культурной и общественно-политической жизни — как в годы пребывания Финляндии в составе Швеции, так и в «российский» период ее истории. Несмотря на то, что финляндские шведы составляли довольно тонкую прослойку населения Великого княжества Финляндского (ВКФ), они обладали «социальным и интеллектуальным превосходством»³ почти до самого конца Нового времени. Из числа шведов Остроботнии рекрутировались сначала борцы за свободу Финляндии, а затем — сотрудники МИДа и преподаватели высших школ независимой Финляндской республики, и эту закономерность ярко иллюстрирует биография Германа Гуммеруса.

Его юность пришлась на непростой период в истории ВКФ. Конец 1890-х — первая половина 1910-х гг. известны в финляндской и шведской историографии как «годы угнетения» (*фин. Sortovuodet, швед. Förtrycksperioderna i Finland*). Политика Александра III и особенно Николая II, нацеленная на сокращение, а затем и ликвидацию финляндской автономии и подразумевавшая все более глубокую интеграцию ВКФ в состав империи, стимулировала политическую мобилизацию финляндского общества и вызвала конфликт между имперским центром и элитами Финляндии. Наиболее активно против политики Петербурга выступили финляндские шведы. Во многом именно с ними связано такое явление в истории Финляндии начала XX в., как активизм.

Финляндский активизм, о котором идет речь в данной работе, — это общественно-политическое движение, зародившееся в ВКФ на рубеже XIX–XX вв. В его истории выделяют три этапа:

- ранний активизм (начало 1900-х гг.): борьба против царской власти и русификации;
- новый активизм (годы Первой мировой войны): суверенизация ВКФ при помощи Германии;
- постаktivизм (1918–1922 гг.): защита от Советской России и противодействие левым силам внутри самой Финляндии (в том числе — также при помощи Берлина)⁴.

³ Лескинен М. В. «Станем же финнами...». Рецепт создания финской нации для европейской Весны народов // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 83.

⁴ Васара В.-Т. «Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции (5–7 апреля 2011 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2012. С. 131–132.

Преемственность между тремя этапами, или волнами, активизма прослеживается лишь отчасти — различия идеология «ранних» и «новых» активистов, различия их цели, различия, наконец, этнический состав. Однако Герман Гуммерус проявил себя на всех трех этапах (впрочем, на первых двух гораздо интенсивнее, чем на последнем).

История Гуммеруса-активиста типична для многих финляндских шведов, родившихся в 1870–1880-е гг.: она начинается в годы учебы на историко-филологическом отделении философского факультета Гельсингфорского Александровского университета (1895–1900 гг.)⁵. Политика начинает интересовать Германа Гуммеруса довольно рано, что неудивительно: в год окончания им университета появляется Февральский манифест, который становится катализатором протеста в княжестве, особенно среди студенчества.

Первоначально Гуммерус примыкал к конституционалистам, то есть к объединению свекоманов и младофиннов⁶, которые стремились принудить Петербург к строгому соблюдению финляндской конституции, а главным средством достижения этой цели считали пропаганду, саботаж, бойкот и т. п.⁷ Однако к 1904 г. его взгляды на методы борьбы с русификацией существенно изменились.

⁵ Университет и особенно университетские землячества выполняли в финляндском обществе конца XIX — начала XX в. весьма значимую роль: здесь происходило не только профессиональное, но и гражданское воспитание молодежи. См.: *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 240.

⁶ Младофинны (*фин. Nuorsuomalainen Puolue, швед. Ungfinnarna*) — с 1894 г. фракция в составе Финской партии, с 1906 г. — самостоятельная партия, главной целью которой была защита автономных прав ВКФ. Как поясняет Л. В. Суни, состояла преимущественно из представителей интеллигенции, журналистов и деятелей культуры и была близка к свекоманам из Шведской партии, с которыми объединилась в 1903 г. в Конституционный блок. Первоначально младофинны призывали к пассивному сопротивлению власти центра. Однако позже в их среде произошло размежевание, выделились два крыла — умеренное во главе с Карлом Стольбергом (1865–1952), которое допускало возможность компромиссов в диалоге с Петербургом, и радикальное во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом (1861–1944) и Йонасом Кастреном (1850–1922), настроенными по отношению к имперскому центру непримиримо. Кажется важным отметить, что в период Первой мировой войны радикальные младофинны во главе с П. Э. Свинхувудом взяли курс на суверенизацию Финляндии при помощи Берлина. См.: *Суни Л. В.* Младофинская партия // Энциклопедия «Всемирная история» [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/mladofinskaia_partiia (дата обращения: 15.11. 2021).

⁷ *Jänis-Isokangas I.* From national to international — Konrad Zilliacus and the finnish cause // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 4 (47). С. 135.

Триггером в данном случае послужило предоставление 30 марта 1903 г. генерал-губернатору ВКФ Н. И. Бобрикову «особых полномочий». Этот шаг привел к размежеванию среди конституционалистов и выделению в сентябре 1903 г. сторонников решительной (вплоть до террора) борьбы с имперским центром в качестве самостоятельной политической силы⁸. Их и принято называть активистами первой волны, или первого поколения.

В 1903–1904 гг. Гуммерус уже участвовал в разработке планов покушения на высшие чины финляндской полиции и генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. Когда же в ноябре 1904 г. активисты объединились в Финляндскую партию активного сопротивления (*фин. Suomen Aktiivinen Vastustuspuolue; швед. Finska Aktiva Motståndspartiet*) (далее — ПАС), Герман Гуммерус порвал с конституционализмом и вступил в ряды ПАС.

Как активист он выполнял несколько важных функций: выступал в качестве посредника между «старыми» и «новыми» активистами из числа студентов, а также между ПАС и движением шведоязычных рабочих; осуществлял «прогерманскую агитацию» и участвовал в поиске зарубежных «спонсоров» активистского движения⁹; редактировал газету ПАС «Framtid» («Будущее») (1905–1907 гг.)¹⁰ и т. п.

Однако после окончания Первой русской революции активистское движение в ВКФ пошло на спад. Деятельность ПАС как организации прекратилась в 1908 г.¹¹, и в 1909–1914 гг. Гуммерус занимался преимущественно академической карьерой.

Подъем новой волны финляндского активизма приходится на годы Первой мировой войны. Увеличение количества военных из метрополии, ужесточение цензуры и, наконец, появление

⁸ Там же; *Kuunze M.* Имперская Финляндия. С. 332; *Usitalo T.* Jääkäriliikkeen diplomaatit historian tutkimuksen valossa 1914–1918 // *Ennen ja nyt. Historian tietosanomat.* 2018. №2: Satavuotias Suomi katsoi peiliin [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.fi/ennenjanyt/article/view/108862/63857> (дата обращения: 01.01.2022); *A Companion to the Russian Revolution* / ed. by Daniel Orlovsky. Hoboken, 2020. P. 212.

⁹ *Kuunze M.* Имперская Финляндия. С. 554.

¹⁰ *Kujala A.* Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa. Helsinki, 1989. S. 13–14.

¹¹ *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, jarjestollinen perusta ja toimintamuodot. Jyväskylä, 1982. S. 28; *Aktivismen* [Электронный ресурс]. Uppslagsverket Finland. URL: <https://www.uppslagsverket.fi/sv/sok/view-170045-Aktivismen> (дата обращения: 28.12.2021).

в шведоязычной прессе сведений о намерении центра окончательно лишить ВКФ автономии¹² — все это вызвало резкий рост сепаратистских настроений, особенно среди учащихся и выпускников Гельсингфорского университета¹³. Так появляется новое поколение активистов, которое часто приравнивается к движению егерей — финляндских добровольцев, прошедших обучение в Германии и сформировавших Королевский прусский 27-й егерский батальон немецкой армии (1915–1918 гг.).

Оживились и активисты первой волны. Как отмечает М. Клинге, в лице Германии «вместо далекой Японии и непредвиденных русских революционеров они нашли для России противника, который во всех отношениях — в географическом, традиционно-историческом, расовом и языковом — отвечал их мировоззрению»¹⁴. Симпатия была взаимной: Германия пыталась дестабилизировать национальные окраины Российской империи и оторвать их от метрополии, причем со стратегической точки зрения первоочередной интерес для нее представляли Украина и Финляндия¹⁵.

В этой ситуации Герман Гуммерус оказался весьма востребован. В Стокгольме он возглавлял Бюро печати — своего рода филиал эмигрантского Финского комитета, созданного осенью 1914 г. под эгидой германского МИДа и ориентированного на организацию борьбы ВКФ за независимость¹⁶. Через него осуществлялась связь между германскими военными и егерями-добровольцами¹⁷. Также Гуммерус принимал деятельное участие в организации Союза инородцев России (*нем. Die Liga der Fremdvölker Russlands*) — зонтичной организации национальных сил, пытавшихся добиться с помощью Берлина независимости от Российской империи¹⁸.

¹² *Vasara B.-T.* «Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 132.

¹³ Там же. С. 133–134.

¹⁴ *Klinge M.* Имперская Финляндия. С. 554.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 553.

¹⁶ Там же; *Kuldkepp M.* Hegemony and liberation in World War I: the plans for new Mare Nostrum Balticum // *Ajalooline Ajakiri*. 2015. № 3 (153). P. 273–275.

¹⁷ *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, järjestölinjat perusta ja toimintamuodot. S. 33.

¹⁸ *Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg. Forssa, 1978. S. 9.

В рамках Лиги произошло его знакомство с представителями прогерманских кругов украинской эмиграции. Это были связанные с Союзом освобождения Украины (*укр. Спілка визволення України, СВУ*) Дмитрий Донцов и Николай Зализняк, глава Украинского бюро в Лозанне Владимир Степанковский и др. Если верить воспоминаниям самого Гуммеруса, это знакомство датируется июнем 1916 г., когда проходила Лозаннская конференция Лиги. Оно было продолжено в Стокгольме, где через год начало работу Украинское национальное бюро во главе с Николаем Зализняком и Владимиром Бандревским¹⁹.

После провозглашения независимости Финляндии (декабрь 1917 г.) Герман Гуммерус оставался на дипломатической службе в Стокгольме. Однако основная его деятельность в течение января — июня 1918 г. сводилась к переговорам, цель которых заключалась в установлении официальных контактов между Финляндией и Украиной.

В конце июля 1918 г. Гуммерус был назначен временным дип-представителем Финской республики по особым поручениям (*agent diplomatique en mission spéciale*) в Украинской державе, куда и прибыл 22 августа 1918 г. Формально посольство существовало до ноября 1922 г., однако Гуммерус покинул Киев в январе 1919 г. и больше туда не вернулся.

Работа Германа Гуммеруса в Киеве хронологически совпадает с ранним этапом постактивизма в истории Финляндии (1918–1922 гг.). Постактивизм, как было отмечено выше, развился в начальный период становления финляндской государственности и подразумевал борьбу за сохранение новообразованного государства как на внутри-, так и внешнеполитическом уровне, защиту его политических и экономических интересов. В этот период сотрудники госаппарата Финляндии частично рекрутировались из числа активистов — людей образованных, обладающих политическим опытом и обширными международными связями. Алексис Грипенберг, Эдвард Хьельт, Рафаэль Эрих, Герман Гуммерус — все это активисты, которые представляли Финляндию в различных странах Европы.

¹⁹ Пилипенко В.В. З історії стосунків між Україною та Фінляндією (публікація брошури Г. Гуммеруса Самостійна Фінляндія у Києві в 1918 р.) // Етнічна історія народів Європи. 2001. №8. С. 93.

Гуммерус упорно добивался открытия финляндского представительства в Украине, объясняя министрам иностранных дел Финляндии — сначала Карлу Энкелю, затем Отто Стенроту, — что у двух стран немало общих интересов: им обеим угрожает Советская Россия, обе они вынуждены просить о помощи Германию, наконец Украина могла бы покупать у Финляндии бумагу, а Финляндия у Украины — продовольствие, что было немаловажно, учитывая бедственное положение, в которое попала финляндская промышленность в годы Первой мировой и Гражданской войн. В конце концов, на уровне Финляндии дело было решено благодаря вмешательству «Finnpar» — Ассоциации финских бумажных фабрик (*фин. Suomen Paperitehtaiden Yhdistys, швед. Finska pappersbruksföreningen*). Консулами в Киеве и Одессе стали глава «Finnpar» Рудольф Вальден и директор Ассоциации Гёст Серлакиус. Затем установление дипломатических отношений между Финляндией и Украиной было одобрено Берлином. И, наконец, 22 августа 1918 г. началась киевская одиссея Германа Гуммеруса, занявшая немногим более четырех месяцев и не принесшая ни Финляндии, ни Украине никаких сколько-нибудь значительных политических или экономических выгод.

Свое пребывание в Киеве в конце 1918 — начале 1919 г. Гуммерус описал в мемуарах «Украина на переломе. Шесть месяцев во главе посольства в Киеве»²⁰. Это основной источник, по которому можно реконструировать отношение Германа Гуммеруса к украинскому национальному государственному проекту вообще и конкретно — к Украинской державе 1918 г.

«Украина на переломе» увидела свет спустя более чем десять лет после завершения финляндской дипломатической миссии в Украине. Вместе с двумя другими книгами — «Годы активной борьбы» и «Егеря и активисты: воспоминания военных лет из Стокгольма

²⁰ *Gummerus H.* Ukrainan murrosajoilta — Kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kieivissä. Riika, 2018. 144 s.

Воспоминания были впервые изданы в 1931 г. в Хельсинки. На русском и английском языках книга недоступна до сих пор, как и другие, более ранние работы Германа Гуммеруса. Однако она дважды издавалась на украинском языке. См.: Україна в переломні часи: шість місяців на чолі посольства у Києві / пер. з фін. В. Пилипенка. Київ: Таксон, 1997. 193 с.; Україна в переломні часи. Шість місяців на чолі посольства у Києві / пер. з фін., коментарі ті передмова Й. Ремі, В. Пилипенка. Вид. 2, доп. і вип. Київ: Київський університет, 2004. 188 с.

и Берлина»²¹ — она составляет своего рода трилогию, посвященную финляндскому активизму во всех его проявлениях — от борьбы за восстановление независимости ВКФ до попыток создать союз суверенизированных национальных окраин Российской империи, который должен был «запереть» бывшую метрополию, не позволяя ей проявлять экспансию ни на восточном, ни на западном направлении.

Воспоминания Гуммеруса открывает небольшой очерк, в котором автор пытается определиться с тем, что такое Украина и украинцы. Подчеркивая, что еще недавно в ВКФ оба этих понятия были почти неизвестны, он приходит к выводу, что украинцы — это малороссы, то есть население земель по среднему течению Днепра, а также русины Западной России и Восточной Австрии, которых объединяет чувство родства и которые готовы бороться за право называться отдельным от россиян народом. Несмотря на этот вывод, чувствуется, что география Украины не совсем ясна для автора воспоминаний, и в последующем он будет тщательно обходить «территориальный вопрос», ограничиваясь общими замечаниями.

Далее Гуммерус выделяет несколько особенностей, которые, по его мнению, сближают украинское и финляндское национальные движения и национальные государственные проекты. Так, он полагает, что изначально как финляндские, так и украинские патриоты не были склонны к радикализму и жесткому противостоянию с Петербургом, и только жесткая политика русификации толкнула как украинцев, так и финляндцев к активному сопротивлению. Активное же сопротивление закономерно привело к формированию уже не автономий, а независимых национальных государств.

Говоря о Российской империи, Гуммерус видит в событиях 1917–1918 гг. не распад ее, а скорее трансформацию, своего рода модернизацию: на смену классической нововременной империи Романовых приходит империя новейшего времени — большевистская. Имперская перезагрузка представляет большую опасность для новых национальных государств, поскольку по мере формирования обновленного имперского организма происходит затягивание высвободившихся территорий и народов обратно в имперскую систему.

²¹ *Gummerus H. Aktiivisilta taisteluvuosilta*. Helsinki, 1935. 286 s.; *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit: sotavuosien muistelmia Tukholmasta ja Berliinistä*. Porvoo, 1918. 478 s.

Способность противостоять этому процессу определяется, по Гуммерусу, четырьмя факторами:

- *помощь внешних сил* (на начальном этапе независимого существования, когда нет еще собственной армии, а госструктуры только формируются, очень важно найти союзника, то есть более сильное государство, которое возьмет на себя роль опекуна — в случае Украины и Финляндии это оказались Германия и Австро-Венгрия);

- *формирование основных государственных институтов и обеспечение их жизнеспособности* (под руководством и защитой союзников следует как можно скорее выстроить основной каркас государственности, который включает три ветви власти, а также финансовую систему, дипломатию и особенно армию);

- *высокая степень легитимности властных элит* (исполнительная и законодательная ветви власти должны располагать широкой поддержкой и одобрением масс, без которых невозможны никакие внутренние реформы);

- *готовность и способность к формированию коалиций с себе подобными* (чем быстрее и надежнее объединятся народы бывшей имперской периферии, тем меньше будет шансов у метрополии вернуть их в подчиненное положение; в соответствии с этим постулатом, основной целью своей работы в Киеве Гуммерус видел как минимум установление союзнических отношений между Финляндией и Украиной, а как максимум — реализацию проекта Объединения восточноевропейских народов).

В финском случае до 1921 г. были успешно реализованы первые три фактора и велась работа над реализацией последнего. Однако использование той же схемы Украиной привело к краху. Собственно, основной смысл воспоминаний Гуммеруса сводится к выяснению причин этого краха.

Таких причин он видит несколько.

Во-первых, Финляндия еще в составе России была практически самостоятельным государством и в целом, по мнению Гуммеруса, так и воспринималась значительной частью мирового сообщества. Украина же в глазах Запада была только «временным конгломератом российских губерний». И если Украину признали *de facto* в качестве независимого государства, то только потому, что ее надеялись использовать в качестве противовеса большевистской России, то есть как образование абсолютно несубъектное.

Во-вторых, народ Финляндии совершенно очевидно для всех, включая российские власти, был самостоятельным и отдельным народом. Вернее, народами — шведами и финнами, которые составили финляндскую нацию. Украинцы же стойко воспринимались как часть русского этноса. Причем такое восприятие было свойственно и западному социуму, и значительной части украинской же интеллигенции, для которой украинская идентичность существовала в лучшем случае на локальном уровне. Этнонациональная неопределенность значительно осложнила и замедлила формирование национального государства.

В-третьих, отношения Финляндии и Германии Гуммерус считал скорее союзническими, тогда как в украинском случае имела место прямая оккупация и превращение страны в вассала. Немцы, поддерживая украинский национально-государственный проект, совершенно не понимали ни украинцев, ни Украину, ни украинское национальное движение. К инициативам, связанным с укреплением украинского государства, и в первую очередь с созданием армии, они относились подозрительно и в конечном счете сводили эти инициативы на нет. В то же время в Украине не было таких национальных элит, которые четко представляли бы себе будущее украинского народа и украинского государства и осознанно взяли бы на себя ответственность за донесение национальных целей до «государства-опекуна».

В-четвертых, установление внешних сношений в украинском случае также оказалось в полной зависимости от воли Берлина, что, по мнению Гуммеруса, наглядно демонстрирует пример украинско-финского сотрудничества. Несмотря на то, что и Финляндия, и Украина были заинтересованы друг в друге, их взаимодействие оказалось возможно лишь тогда, когда оно устраивало Берлин, и в той форме, которую Германия признавала приемлемой для себя. Так, когда украинцам и финнам удалось заключить договор о торговле сахаром и бумагой, Берлин фактически наложил вето на это решение, расценив его как «недружественный акт».

Таким образом, «период опеки» в истории Украины (в отличие от Финляндии) оказался бесплодным. По мнению Гуммеруса, его можно было продлить, если бы Великобритания, Франция и США либо задержали бы в стране немецкие войска, либо сами предоставили бы Украине военно-техническую и дипломатическую помощь. Однако вопрос о длительности этой новой опеки и о ее возможной результативности для Гуммеруса и для его читателей остается открытым.

Период независимости Украины завершился ее «раздвоением». Образовались две Украины: одна — советская, это украинский народ и украинские земли под нелегитимной властью большевиков; другая — эмигрантская, это украинские беженцы и правительство Украинской народной республики в изгнании (*укр. Державний центр Української народної республіки в екзилі*). Эмиграция стала своего рода депозитом для украинского суверенитета и государственности: когда украинский народ наберется интеллектуальных сил и почувствует себя готовым к независимости, он сможет ими воспользоваться.

Решающую роль в этом процессе Гуммерус отводит просвещенным слоям украинского общества, национальной интеллигенции — как в эмиграции, так и дома. Именно ее, по мнению Гуммеруса, не хватило в 1918–1921 гг. для создания устойчивой государственности. Большевики же, несмотря на то что им удалось свергнуть законную украинскую власть, вынуждены следовать логике национального развития Украины. Главным тому доказательством Гуммерус считает само создание УССР, а также проводимую в 1920-е гг. в республике политику коренизации. Что же касается зарубежья, украинской эмиграции, считает Гуммерус, удалось создать собственные политические центры, а также центры науки, образования, культуры, которые поддерживают, воспроизводят и транслируют «украинство». Когда-нибудь эти две Украины сольются воедино, как воды одной реки, и тогда сотрудничество между Хельсинки и «землей Богдана Хмельницкого, Мазепы и Шевченко» будет восстановлено.

Покинув Киев в начале января 1919 г., Герман Гуммерус продолжил дипломатическую работу в Западной Европе: с 1920 по 1925 г. он был представителем Финляндии в Риме. Затем, вернувшись на родину, он приступил к работе в Хельсинкском университете, где начал преподавать еще до Первой мировой войны²². Однако его не отпускала и политика, причем с осязательно правым уклоном: в межвоенный период имя Германа Гуммеруса ассоциируется с Лапуаским движением, прометеизмом, работой «Комитета К»²³. Сверхзадача,

²² Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. S. 47; Мамчиєнко В. М. Герман Гуммерус: Біля витоків українсько-фінських дипломатичних стосунків початку ХХ століття // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2009. Вип. 86 (Част. 1). С. 29.

²³ Лапуаское движение (*швед. Lapporörelsen, фин. Lapuan liike*) — праворадикальное националистическое и антикоммунистическое движение в Финляндии в 1929–1932 гг. Зародилось в Южной Остроботнии и питалось отчасти традициями активизма.

которую ставил перед собой Гуммерус в данном случае, заключалась в объединении сил эмигрантов ради коллективного отпора «большевистской империи», которую он считал главным врагом не только Финляндии, но и всей Европы²⁴.

Герман Грегориус Гуммерус прожил довольно длинную и богатую событиями жизнь, в которой нашлось место и академической карьере историка-антиковеда, и карьере политической — участника всех трех волн активистского движения.

Активная политическая позиция, фундаментальное образование, обширные международные связи — все это обусловило длительную востребованность активистов первой волны: как отмечает Тойво Нюгорд, многие из них, придя в политику на рубеже веков, оставались в ней и в 1920–1930-е гг.²⁵ В полной мере это касается Германа Гуммеруса. Один из политических «проектов», к которому он будет периодически возвращаться почти до конца жизни, — это финляндско-украинское сотрудничество. Начиная с открытия в Киеве финляндского дипломатического представительства в 1918 г. и заканчивая участием добровольцев из числа украинских эмигрантов в Зимней войне 1939–1940 гг., Гуммерус пытался сблизить Финляндию и Украину, считая их «природными союзниками».

Представления Гуммеруса о «природном союзничестве» Финляндии и Украины, а в более широком смысле — Финляндии и всех государств, которые образовались или могут образоваться на окраинах бывшей Российской империи, формировались на протяжении

Прометеизм — политический проект, подразумевавший борьбу за независимость национальных окраин сперва Российской империи, а затем и Советского Союза.

Комитет К — согласно данным К. Ф. Геуста, подразделение, созданное при ставке финляндской армии во время войны с СССР и занимавшееся организацией и поддержкой «антисоветского сопротивления», главным образом карелов и ингерманландцев. Также Комитет К был заинтересован в сотрудничестве с эмигрантами, представлявшими другие советские народы. См.: *Геуст К.-Ф.* Советские военнопленные в финской армии в 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции (14–15 апреля 2010 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2011. С. 54–57.

²⁴ Там же. С. 56–57.

²⁵ *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, jarjestollinen perusta ja toimintamuodot. S. 24.

долгого времени. Корни этих представлений уходят, скорее всего, в раннеактивистский период, когда фиксировались первые пересечения украинского и финляндского национального движения, а точнее — национальной политической жизни в непосредственной близости от Гуммеруса (в качестве примера можно привести контакты между ПАС и двумя украинскими партиями — Социал-демократической (УСДП) и Революционной (УРП), членами которых были в свое время партнеры Гуммеруса по Лиге инородцев Дмитрий Донцов и Владимир Степанковский). Впоследствии идея «природного союзничества» трансформировалась под воздействием реалий Первой мировой войны, поствоенных германских, итальянских и финских праворадикальных идеологов и польского прометеизма. В том или ином виде эта идея присутствует в нескольких трудах Гуммеруса, в том числе и в его воспоминаниях о работе в Киеве осенью 1918 — зимой 1919 г. В «Украине на переломе» представлена преимущественно экономическая ипостась союзничества: Гуммерус не скрывает, что в этот период Украинская держава была необходима Финляндской республике в первую очередь в качестве союзника экономического, и основной смысл его дипломатической миссии заключался в подготовке, заключении и реализации ряда торговых договоров, которые обеспечили бы Финляндию жизненно необходимыми товарами. Впрочем, это не мешает ему заметить и достаточно точно описать основные политические и социокультурные проблемы украинского общества, которые оказались несовместимы с успешной реализацией национально-государственного проекта.

Вглядываясь в «природного союзника», Гуммерус видит не только Украину и украинцев — он видит также Финляндию. «Украина на переломе» — это, несомненно, пример глубокого и многоаспектного нарратива о значимом Другом, который используется и для проверки правильности собственного пути, и для проговаривания собственных сомнений, проблем и страхов. Для Гуммеруса разговор об Украине становится способом рефлексии о месте интеллигенции в национально-государственном строительстве, о международной субъектности молодых государств и о том особом пути, которым вынуждены идти «малые» и «средние» государства, зажатые между региональными и мировыми державами. Этот разговор актуален для Украины и Финляндии и в наши дни.

Источники

Гуммерус Г. Україна в переломні часи. Шість місяців на чолі посольства у Києві / пер. з фін., коментарі ті передмова Й. Ремі, В. Пилипенка. Вид. 2, доп. і вип. Київ: Київський університет, 2004. 188 с.

Gummerus H. Aktiivisilta taisteluvuosilta. Helsinki: Sanatar, 1935. 286 s.

Gummerus H. Ukrainan murrosajoilta — Kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kievissä. Riika: SKS, 2018. 144 s.

Gummerus H. Aktiivisilta taisteluvuosilta. Helsinki: Sanatar, 1935. 286 s.

Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit: sotavuosien muistelmia Tukholmasta ja Berliinistä. Porvoo: WSOY, 1918. 478 s.

Литература

Васара В.-Т. «Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции (5–7 апреля 2011 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. С. 131–147.

Геуст К.-Ф. Советские военнопленные в финской армии в 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции (14–15 апреля 2010 г.) / под ред. В.Н. Барышниковой, П.А. Кротова. СПб.: РХГА, 2011. С. 46–59.

Клингс М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 616 с.

Лескинен М.В. «Станем же финнами...». Рецепт создания финской нации для европейской Весны народов // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 80–89.

Матеїєнко В.М. Герман Гуммерус: Біля витоків українсько-фінських дипломатичних стосунків початку ХХ століття // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2009. Вип. 86 (Част. I). С. 29–34.

Пилипенко В.В. З історії стосунків між Україною та Фінляндією (публікація брошури Г. Гуммеруса Самостійна Фінляндія у Києві в 1918 р.) // Етнічна історія народів Європи. 2001. № 8. С. 92–99.

A Companion to the Russian Revolution / ed. by Daniel Orlovsky. Hoboken: John Wiley & Sons, 2020. 1260 p.

Jänis-Isokangas I. From national to international — Konrad Zilliacus and the finnish cause // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 4 (47). С. 133–144.

Kirby D. Stockholm-Petrograd-Berlin: International Social Democracy and Finnish Independence, 1917 // The Slavonic and East European Review. Vol. 52. No. 126 (Jan., 1974). P. 63–84.

Kovaliov D. The struggle against Tsarism: the «Taras Fraternity» and the «Kagaali» movement // *Evropský filozofický a historický diskurz*. 2019. Sv. 5. Vyd. 3. S. 6–10.

Kujala A. *Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa*. Helsinki: Gummerus Kirjapaino Oy, 1989. 351 s.

Kuldkepp M. Hegemony and liberation in World War I: the plans for new Mare Nostrum Balticum // *Ajalooline Ajakiri*. 2015. №3 (153). P. 249–286.

Nygård T. *Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, järjestöllinen perusta ja toimintamuodot*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto 1982. 154 s.

Uusitalo T. *Jääkäriliikkeen diplomaatit historian tutkimuksen valossa 1914–1918* // Ennen ja nyt. Historian tietosanomat. 2018. No. 2: Satavuotias Suomi katsoi peiliin [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.fi/ennenjanyt/article/view/108862/63857> (дата обращения: 01.01.2022).

Zetterberg S. *Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg*. Forssa: Forssan Kirjapaino Oy, 1978. 279 s.

References

Geust K.-F. *Sovetskije voennoplennyje v finskoi armii v 1939–1940 gg. Sankt-Peterburg i strany Severnoi Jevropy: Materialy Dvenadtsatoi jezhegodnoi nauchnoi konferentsii (14–15 aprelia 2010 g.)*, ed. V.N. Baryshnikov, P. A. Krotov. Saint Petersburg, RKHGA, 2011, pp. 46–59. (In Russ.)

Jänis-Isokangas I. From national to international – Konrad Zilliacus and the finnish cause. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2019, issue 4 (47), pp. 133–144.

Klinge M. *Imperskaia Finliandiia*. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom «Kolo», 2005, 616 p. (In Russ.)

Kovaliov D. The struggle against Tsarism: the «Taras Fraternity» and the «Kagaali» movement. *Evropský filozofický a historický diskurz*, 2019, vol. 5, issue 3, pp. 6–10.

Kujala A. *Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa*. Helsinki, Gummerus Kirjapaino Publishing House, 1989. 351 p.

Kuldkepp M. Hegemony and liberation in World War I: the plans for new Mare Nostrum Balticum. *Ajalooline Ajakiri*, 2015, no. 3 (153), pp. 249–286.

Leskinen M. V. «Stanem zhe finnami...». Retsept sozdaniia finskoi natsii dlia jevropeiskoi Vesny narodov. *Dialog so vremenem*, 2019, issue 67, pp. 80–89. (In Russ.)

Matviienko V. M. Herman Hummerus: Bilia vytykov ukrains'ko-fins'kykh dyplomatychnykh stosunkiv pochatku XX stolittia. *Aktual'ni problemy miznarodnykh vidnosyn*, 2009, issue 86 (part I), pp. 29–34. (In Ukr.)

Nygård T. *Suomalainen iivrioikeisto maailmansotien viillillii. Ideologisest juuret, jarjestollinen perusta ja toimintamuodot*. Jyväskylä, University of Jyväskylä, 1982, 154 p.

Orlovsky D. (ed.) *A Companion to the Russian Revolution*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2020, 1260 p.

Pylypenko V. V. Z istoriï stosunkiv mizh Ukraïnoi u Finliandiieiu (publikatsiia broshury H. Gummerusa Samostiïna Finliandiia u Kyievi v 1918 g.). *Etnichna istoriia narodiv Ievropy*, 2001, no. 8, pp. 92–99. (In Ukr.)

Uusitalo T. Jääkäriliikkeen diplomaatit historianitutkimuksen valossa 1914–1918. *Ennen ja nyt. Historian tietosanomat*, 2018, no. 2: Satavuotias Suomi katsoi peiliin. URL: <https://journal.fi/ennenjanyt/article/view/108862/63857> (accessed: 01.01.2022).

Vasara V.-T. “Novyj” aktivizm v Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny. *Sankt-Peterburg i strany Severnoï Evropy: Materialy Trinadcatoi ezhegodnoi nauchnoi konferencii (5–7 aprelja 2011 g.)*, ed. Baryshnikov V.N., Krotov P.A. Saint Petersburg, Russian Christian Academy for humanities, 2012, pp. 131–147. (In Russ.)

Zetterberg S. *Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg*. Forssa, Publishing House of Forssa, 1978, 279 p.

Elena A. Kosovan

PhD (History)
Associate Professor
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Ploshchad, build. 6
E-mail: kosovan.ea@rggu.ru
ORCID: 0000-0002-4031-8799

“Between Finland and Bohdan Khmelnytsky’s Land”: Ukrainian National Project Through the Eyes of Herman Gummerus

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.05

Abstract: This article considers the cooperation between the Ukrainian and Finnish national movement in the first quarter of the twentieth century. The political aspects of the cooperation are viewed through the lens of Herman Gregorius Gummerus’ biography (1877–1948). In contemporary historiography, Herman Gummerus is mostly known for his historical studies that focus on the economic history of ancient Rome. Whereas the majority of studies on Ukrainian-Finnish cooperation in the early twentieth century contain only fragmentary evidence of his political and diplomatic activities, the author of the article considers it necessary to present the biographical essay with a special focus on Herman Gummerus’ participation in the Finnish activists’ movement during two periods of “Russification of Finland” (1899–1905, 1908–1917) and after World War One. Herman Gummerus’ attitude towards the Ukrainian national state project (including the Ukrainian State or the Second Hetmanate, dated 1918) is reconstructed on the basis of his memoirs “Ukraine on the cusp. Six months at the head of the Finnish Embassy in Kyiv” (*Ukrainan murrosajoilta — Kuusi kuukautta lähetystön päällikkönä Kieivissä*) (1931).

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russian empire, Ukrainian State, Swedish-speaking population of Finland, activists, national elites, national movement

Леонтий Владимирович Ланник

доктор исторических наук
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119034, Москва, Ленинский проспект, 32-А
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
ORCID: ID 0000-0003-4313-5557

Белорусская народная республика 1918 года: несостоявшаяся государственность

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.06

Аннотация: В статье анализируются события и тенденции, определившие судьбу попыток образования белорусского государства в условиях финала Первой мировой войны. С помощью исследования германской оккупационной политики и процесса имплементации Брест-Литовских мирных договоров демонстрируется, что негативные факторы, блокировавшие возникновение единой Белоруссии, были заложены задолго до начала советско-польской войны. Взаимодействие лидеров БНР с оккупационными властями определялось не только субъективными факторами, но и принципиальным отказом обнаружить Белоруссию на политической карте, что не находит должного отражения в современной историографии вопроса, особенно белорусской. Рассматривается роль соседних государств-лимитрофов и различных национальных сил в разделе постимперских пространств под диктовку Германской империи, в рамках создаваемой в 1918 г. Брестской системы международных отношений. РСФСР должна была получить в ее рамках место важнейшего контрагента, который стремился обеспечить себе максимальную зону влияния на основе взаимовыгодных сделок с военно-политическим руководством Кайзеррейха. Хотя проекты гегемонии Германии в Восточной Европе оказались сорваны поражением Центральных держав, период Первой германской оккупации и раздела белорусских территорий между Советской Россией и ее западными соседями стал геополитической основой судьбы народов Белоруссии на протяжении всего межвоенного периода.

Ключевые слова: Брест-Литовские мирные договоры; Брестская система международных отношений, БНР, Германская империя, РСФСР, Украинская держава, постимперские пространства, Первая германская оккупация

Историография первого опыта белорусской государственности, проходящая период бурного становления, отличается заметной виктимностью, описывая положение Белоруссии и ее народа в эпоху

мировых войн. При бесспорной трагичности их судьбы следует отметить, что аналогичную тональность можно проследить в политических мифах и историографии любых новых государственных образований на постимперских пространствах — не только Восточной Европы и не только периода 1914–1945 гг. В этом отношении типичность подобного подхода к выработке национальной версии истории едва ли в полной мере осознана специалистами, занятыми «открытием» БНР и ее места в событиях, развернувшихся на исходе Великой войны, а также последующего комплекса конфликтов¹. Оценка истинной исторической роли и реального вклада конкретных акторов (в данном случае — правительства БНР), выдвигаемых на первый план, подменяется объемом публикуемых документов², оставляемых без должного анализа. Заявленная самооценочность их официального статуса позволяет рассуждать о нюансах государственной и даже международной политики. Последовательного отказа от такого эмоционального подхода, преддрешающего результаты задолго до аргументации, ожидать также не приходится. Косвенную поддержку этому по-своему естественному, но далеко не всегда аналитическому пониманию событий вокруг важнейшего этапа становления национального государства оказывают в том числе российские и польские авторы³.

Таким образом, в рассмотрение причин и закономерностей недееспособности и неудачи Белорусской народной республики как политического проекта вносятся элементы обслуживания текущей конъюнктуры, нынешней версии исторической памяти, отвечающей задачам, отнесенным на столетие назад. Из них привносятся либо усиливаются до желаемого уровня специфические гуманитарные категории виновности, справедливости, ответственности, компенсации и т. д. Это сводит рассмотрение сложной и подчас драматичной истории БНР к сохраняющимся по сей день и плохо замаскированным

¹ См. одно из лучших исследований с подобным посылом: *Чернякевич А. Н.* БНР. Триумф побежденных (история создания Белорусской народной республики). Минск, 2018.

² См. проект, которому пытаются придать необходимые масштабы и по сей день, планируя выпуск все новых томов: *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2-х кн. / уклад. С. Шупа.* Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998.

³ См., например: *Michaluk D.* Białoruska Republika Ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010; *Короткова Д. А.* Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

взаимным территориальным, материальным или иным претензиям, что резко снижает шансы на историзацию событий 1918 г., хотя необходимая для этого дистанция уже пройдена. Аргументами в таком ведении дискуссии становятся статистические данные, политические декларации и воззвания, ссылки на «назначенные» таковыми исторические прецеденты, сравнения и претензии на преемственность идентичности самого разного уровня корректности.

Методологической альтернативой такому политологическому, а не историческому рассмотрению истории БНР может стать системный анализ условий формирования и апробации этого проекта в 1917–1921 гг., в первую очередь на этапе его становления, продолжавшемся вплоть до отказа от Брестского мирного договора всех государств-подписантов и начала зимней кампании Красной армии на Западе в конце ноября 1918 г. В силу того, что в политической мифологии СССР Брест и процесс его имплементации в том или ином регионе не должен был выходить за рамки ленинской фразы о «передышке», а все последующие коллизии Первой германской оккупации⁴ сводились к заголовкам публикаций о «борьбе за...» и «крахе...», богатейшее советское источниковое наследие в рамках данной статьи учитывается, однако ввиду его очевидных особенностей играет лишь вспомогательную роль.

История попыток становления белорусской государственности в советской (но не обязательно большевистской) форме в декабре 1917 – феврале 1918 г. описана достаточно подробно, по меньшей мере в двух основных версиях – (пост)советской и белорусско-националистической⁵, с рядом переходных вариантов между ними. Не вдаваясь в политизированные дискуссии о претензиях того или иного органа власти или общественной организации на выражение «истинной воли народа Белоруссии», следует отметить принципиальную неопределенность и непоследовательность многих белорусских политических активистов в отношении к большевистскому правительству вплоть

⁴ О ситуации на оккупированных Германией белорусских территориях (но, к сожалению, только в период до «Фаустшлага») подробнее см.: *Волкава В.В.* Эканамічная палітыка нямецкіх акупацыйных улад у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915 – люты 1918 г.): дис. ... канд. гіст. наук. Мінск, 2018.

⁵ Последняя почти неизвестна российским историкам, не считая узкого круга специалистов, а тем более широкой публике. Один из немногих образцов этой традиции, доступный на русском языке: *Грицкевич А.П.* Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2010.

до начала кампании 1918 г. на Востоке. Операция «Фаустшлаг» с молниеносной быстротой изменила расстановку сил, в том числе в зоне действий бывшего Западного фронта распавшейся русской армии. Для прояснения позиции создателей будущей БНР по отношению к властям в Петрограде не хватило времени. Главным катализатором этого процесса — так же как и на Украине — должен был стать вооруженный конфликт, однако его белорусских носителей не было: генерал К. А. Кондратович в конце 1917 г. не успел стать «белорусским Скоропадским». Кроме того, в Белоруссии война вспыхнула почти на месяц позже, чем на юге, то есть в конце января 1918 г.⁶

Структура данного конфликта оставляла лидерам белорусского национального движения лишь место сторонних наблюдателей, ведь боевые действия против красногвардейских отрядов здесь вели не местные «национальные силы» (вполне социалистической ориентации), а быстро подвергшийся разложению и не завершивший перестройку 1-й Польский корпус генерала И. Р. Довбор-Мусницкого. Достаточно быстро — и чрезвычайно показательной своей зеркальной симметрией — последовал этап вынужденного союза с одной из сторон Восточного фронта. Потерпев поражение, Довбор-Мусницкий перевел своих подчиненных под покровительство Центральных держав. Тогда же на Вольни генерал Ю. Халлер бежал в зону влияния Советской России, в это время теснившей остатки гайдамацких кошей к линии соприкосновения с австро-германскими войсками. Таким образом, на фоне очевидного раскола и перераспределения польских вооруженных сил белорусские активисты никак не могли повлиять на складывающийся в регионе баланс. Показательно и принципиально важно, что представителей Белоруссии не было за столом переговоров в Бресте, а вопрос о белорусском государственном образовании там не оформился. Попытку исправить это белорусские активисты предприняли еще 19–24 января 1918 г., избрав на Всебелорусском съезде особую мирную делегацию во главе с А. И. Цвикевичем, однако участия в событиях это никак не гарантировало. Последние попытки делегаты от Белоруссии предпринимали 2 марта, уже в совершенно иной — особенно для их родины — обстановке⁷.

⁶ Здесь и далее все даты — по григорианскому календарю.

⁷ Немногочисленные документы (резолюция, наказ и обращение к председателю общероссийской делегации от 2 марта 1918 г.) сохранились: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 104.

Следует отметить, что детали германского наступления на белорусских территориях, продолжавшегося с 18 февраля по 6–8 марта 1918 г. (не считая Гомельщины), в данном случае значения не имеют — достаточно лишь указаний на крайне слабое сопротивление полностью развалившегося Западного фронта, содействие взятию Минска и ряда других важных пунктов польских отрядов, в том числе образованных местными помещиками, и на слабую изученность данной составляющей операции «Фаустшлаг»⁸. Неопределенность в том, где именно пройдет — на пока что неизвестный срок — граница между двумя мирами, сохранялась по меньшей мере до ратификации Брест-Литовского мира в Берлине и Москве в середине марта. Затем последовало оформление демаркационной линии (и нейтральной полосы вдоль нее) в рамках серии местных перемирий с образованием совместных комиссий для решения спорных вопросов, что потребовало еще около двух месяцев. Инцидентов с обеих сторон это не исключало, и взаимная настороженность никогда не снижалась до уровня уверенности в прочном мире. Любые перемещения германских войск связывались с очередным (а они были почти непрерывными) кризисом в советско-германских отношениях и ожиданием скорого похода кайзеровских войск на Москву. Таковой действительно не раз планировался, особенно в августе — начале сентября 1918 г., однако никогда, за пределами риторики, не выходил на стадию концентрации крупных ударных группировок. В распоряжении Главнокомандования на Востоке (Обер Оста), которым реально руководил М. Гофман, для этого попросту не было сил, несмотря на заверения в обратном,

⁸ В германской историографии нет ни одной специальной крупной военно-исторической работы ни по захвату Белоруссии, ни по военным аспектам ее оккупации, и уже едва ли будут. Российская и белорусская историографии, в том числе постсоветского периода, нередко воспроизводят не только стилистику, но и серьезные фактические ошибки советских историков. Например, вслед за работами 1950–1980-х гг., что 18 февраля 1918 г. двинулись в наступление и германские, и австро-венгерские войска (что совершенно не верно), приводя произвольные данные их численности, ошибаясь в названии соединений и званиях германских офицеров, некритически подходя к цитированию газетных публикаций и пр. См., например: *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.; Л., 1964; *Петров В.И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988; *Резник А.Н.* К вопросу о статусе власти БНР в период германской оккупации (1918 г.) // Беларусь і Германія. Мат-лы міжн. канф. Мінск, 2005. С. 184–192; *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019.

даже учитывая объективную неспособность войск Западной завесы РККА сдержать германское наступление.

С другой стороны, хватало и провокаций, нацеленных на эскалацию напряженности в советско-германских отношениях (например, со стороны левых эсеров в Орше⁹), и бурных реакций на деятельность повстанцев, получавших поддержку Советской России вне зависимости от их подлинной политической ориентации. Вопреки героизируемой впоследствии работе партийного подполья, за период Первой германской оккупации центральной и восточной Белоруссии ни разу не было создано существенной угрозы контролю территорий, занятых кайзеровскими войсками за пару недель «Фаустшлага». Это, разумеется, не отменяет определенной тенденции к выравниванию сил между Советской Россией и Германией, вызванной динамикой военных усилий Кайзеррейха на других фронтах Великой войны. Можно прогнозировать куда более заметный эффект, не будь Западная завеса резко ослаблена перебросками войск в Поволжье и на фронт против донского атамана Краснова в августе — сентябре 1918 г. Крупное маневрирование резервами из состава Западной завесы сыграло огромную роль в успешном преодолении самого острого военного кризиса РСФСР и стало возможным благодаря данным германской стороной гарантиям соблюдения статус-кво, который установился в марте — мае 1918 г. Это является еще одним аргументом в пользу системности в действиях Москвы и Берлина, направленных на взаимовыгодное использование Брестского мира в кратко- и даже среднесрочной перспективе. На фоне этих направлений в германской политике на Востоке (*Ostpolitik*), при всей ее противоречивости, а также в курсе, проводимом Чичериным и Иоффе в советско-германских отношениях в течение почти семи месяцев¹⁰, и следует расценивать реальные перспективы белорусского государственного проекта.

⁹ Леонтьев Я. В. 6 июля: региональный аспект // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 362–388.

¹⁰ Относительно германской политики на Востоке до сих пор (более 50 лет) фактически не имеет альтернатив работа В. Баумгарта. Отечественная историография советско-германских отношений 1918 г. вне политической конъюнктуры к настоящему моменту находится в решающей стадии становления. См.: *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges.* Wien; München, 1966 (Mainz, 2010).

Тем временем истинным хозяином территории предполагаемой БНР в зоне германской оккупации с конца марта 1918 г. стал бывший глава германской Ставки Э. фон Фалькенгайн, переведенный сюда после бесславной кампании 1917–1918 гг. в османской армии¹¹. Он сменил генерала Г. фон Эйхгорна, который отправился в Киев и вскоре заплатил жизнью за оккупационную политику на Украине, координируемую главным образом начальником его штаба В. Грёне-ром. Новый командующий 10-й армии воспринимал свое назначение на едва ли не тыловую и скорее административную должность в разгар решающей кампании на Западном фронте как унижительную ссылку и очередной акт мести со стороны своего старого соперника и преемника Э. Людендорфа. Добавляла раздражения и подчиненность 10-й армии Обер Осту, реальным руководителем которого, как уже говорилось, был генерал-майор М. Гофман, прославившийся в Бресте и, так же как и Людендорф, крайне невзлюбивший Фалькенгайна со времен его главенства в Ставке¹². Это заставило командующего 10-й армией быть предельно педантичным в выполнении своих прямых обязанностей, то есть в эффективном выкачивании всех возможных ресурсов из вверенной ему территории — еще одного удара его карьера бы не пережила.

Именно этот фактор личной неприязни побудил Фалькенгайна перебраться из Вильны (подалее от неусыпного ока располагавшегося в Ковно Обер Оста) в Минск, где штаб 10-й армии — к надежде, а затем и к тревоге лидеров БНР — разместился с июня 1918 г.

¹¹ Существуют лишь две его биографии, ни одна из которых (особенно более современная), к сожалению, не уделяет должного внимания почти годичной деятельности Фалькенгайна на оккупированных просторах бывшей Российской империи. См.: *Zwehl H.v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie.* Berlin, 1926; *Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich.* München, 1994.

¹² Его дневники и другие работы (лишь недавно изданные, наконец, на русском языке) в историографии, в том числе германской, зачастую воспринимаются недостаточно критически, хотя факт цензурирования изданных им «дневников» очевиден не только по содержанию этих публиковавшихся посмертно материалов, но и при экспертизе архивного фонда М. Гофмана. Крупной биографии этого выдающегося военно-политического деятеля в мировой историографии не существует, вопрос о судьбе аутентичности его письменного наследия имеет характер едва ли не детектива. См.: *Гофман М. Главный противник — Россия / пер. с нем. В. Телицына.* М., 2015; *Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). N37; Wollschläger T. General Max Hoffmann. Frontbeobachter, Frontführer und Frontbefürworter im Osten.* Norderstedt, 2013.

В отличие от довольно гибкого в использовании национальной карты Гофмана, Фалькенгайн был более ригидным и традиционным в своем облике истого прусского офицера-юнкера. Ни на какие рискованные сделки и вообще на политические заигрывания с его стороны местным национальным активистам рассчитывать не приходилось. Фалькенгайну удалось наладить работу своего штаба во главе с также недавно «сосланным» в Белоруссию подполковником М. фон Штапфом настолько, что они не выпустили управление армией из рук даже во время революционного разложения и эвакуации германских войск в ноябре 1918 — январе 1919 г. Ни малейших шансов на уступки белорусскому национальному проекту со стороны оккупационной администрации — несмотря на роднившее их неприятие большевизма — не оставалось хотя бы потому, что для этого Белоруссию для германских акторов еще только предстояло «открыть». Как известно, этот процесс стартовал в ходе формирования к 1916 г. «земли Обер-Ост» и продвигался — за рамками дискуссий узкого круга интеллектуалов в погонах — крайне медленно¹³.

Поначалу, до явного завершения в середине мая 1918 г. германского наступления на Восточном фронте, ведшегося как продолжение операции «Фаустшлаг», надежды и активность лидеров БНР были довольно масштабными. Их бурный энтузиазм был связан не только с декларацией 25 марта 1918 г., но и с уставными грамотами, которым они, очевидно, прочили международную значимость наравне с универсалами Центральной рады. Наряду с временными польскими союзниками кайзеровских войск (вновь окрепший корпус Довбор-Мусницкого), всерьез рассчитывавшими на прочное оформление своей зоны влияния в отведенных им пяти уездах Минской и Могилевской губерний, а также Тарибы, добившейся громкого политического успеха в разгар брестских торгов (декларации декабря 1917 г. и февраля 1918 г. и последующее признание независимости Литвы Германской империей)¹⁴, белорусские лидеры были уверены

¹³ Подробнее см.: *Баринов И. И.* «Земля будущего» и «неосвоенная целина»: Белоруссия на немецкой ментальной карте, 1914–1944 // *Civitas et Lex*. 2018. № 1. С. 47–62. См. также ряд статей автора по отдельным сюжетам развития германской белорусистики в эпоху мировых войн.

¹⁴ Современная литовская историография придает этому определяющее значение, подчеркивая, не стесняясь в аргументации, этапы становления Литвы как независимого и от Германии, и от Польши, и от России государства. См., например:

в неизбежности появления нового лимитрофа на обломках Российской империи под покровительством Центральных держав. Потенциальная территория для него была захвачена немцами к концу марта¹⁵.

Не вполне осознавая перспективы местных активистов, местные германские инстанции пока что прислушивались к ним, причем это касалось не только штаба оккупировавшей Белоруссию 10-й армии в Минске или Обер Оста в Ковно, но и в других центрах западных окраин бывшей империи, занятых кайзеровскими войсками, в том числе в Киеве. Туда уже в апреле 1918 г. отправилась первая дипломатическая миссия БНР. Интерес для германской администрации представляли не только шансы на оформление еще одного государства-сателлита и тем самым своего рода легитимация явно «внебрестской» зоны оккупации, но и возможность использования белорусской карты сразу против нескольких региональных сил, потенциально нелояльных немцам, у которых они совсем недавно просили помощи и благодарили за «освобождение», а именно литовской Тарибы, польского Регентского совета и украинской Центральной рады.

В свою очередь, лидеры БНР были готовы к формированию общества по интересам и с киевским, и с виленским правительствами, подчеркивая общность задач по постепенному расширению своих полномочий на занятой германскими войсками территории. Прикрытием для потенциальных федеративных проектов становились исторические реминисценции на Великое княжество Литовское, оформленные в том числе при участии киевского профессора М. В. Довнар-Запольского. Понимания у партнеров, обладавших совершенно иными представлениями о прошлом «едином отечестве», относившемся к эпохе еще до Люблинской унии 1569 г., это не находило. Для демонстрации своей субъектности лидеры Белорусской рады задействовали стандартные приемы всех формирующихся

Литва — Россия. 1917–1920 гг.: Сб. док-тов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Шубин и др. Вильнюс, 2020.

¹⁵ Достаточно произвольные ее восточные границы включали Полоцк, но почему-то не губернский Витебск, пересекали пополам железнодорожный узел Орша, а также, по Днепру, Могилев, далее смещаясь на Стародубщину для создания надежного прикрытия для узла в Гомеле и веток в Бахмач и Новгород-Северский, что создавало дополнительный очаг территориальных споров между Киевом и Москвой. Подробнее см.: *Ланник Л. В.* Германская интервенция 1918 г. на западных окраинах России (на примере Брянщины) // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 23–37.

лимитрофов (например, Горской республики). Это означало, что они подготовили и впоследствии опубликовали карты наиболее желаемой территории БНР, рекламировали национальную символику и институт особого гражданства, открывали дипломатические представительства на уровне консульств или хотя бы номинальных миссий, создававшихся под предлогом крайне необходимой заботы о мигрантах и беженцах белорусского происхождения. С особенным рвением деятели Белорусской рады приступили к оформлению своего внешнеполитического признания, причем еще более широкие масштабы эта работа приобрела уже постфактум, в 1919–1920 гг.

Тяжелыми ударами по умозрительным расчетам белорусских активистов стал не только государственный переворот на Украине в конце апреля 1918 г., который повсеместно — и крайне неверно — был расценен как исключительно германская акция¹⁶, но и последовавшие в апреле — мае 1918 г. силовые акции по разоружению остатков польских корпусов в украинских и белорусских губерниях. Оккупантам не доставила существенных проблем ликвидация многого кондоминиума на бывших западных окраинах Российской империи, положившая конец рассуждениям о восстановлении Речи Посполитой на основе химерического альянса местной полонизированной шляхты, борцов за независимость Польши из Польской военной организации (POW¹⁷) и германской армии¹⁸. Непримирым (в отличие от Довбор-Мусницкого) борцам с германской гегемонией пришлось либо бежать на Украину и дальше на Кубань, либо

¹⁶ Подробнее см.: Ланник Л. В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1/> (дата обращения: 27.01.2023); Машкевич С. В. “Wir werden Ordnung schaffen!” Начало немецкой оккупации Украины, февраль — апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 240–284.

¹⁷ Polska organizacja wojskowa — польская нелегальная организация, созданная в 1914 г. по инициативе Юзефа Пилсудского для борьбы с российскими властями в Царстве Польском. В 1918 г. участвовала в разоружении германской армии. — Прим. ред.

¹⁸ Есть богатейшая польская историография проблемы, героизирующая, казалось бы, совершенно бесславные и трагические страницы польских усилий по созданию будущего независимого государства. См., например: *Olstowski P., Wolos M. Rola militarna i polityczna Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskaniu niepodleglosci. Próba bilansu // Przegląd Historyczno-Wojskowy. XIX (LXX). No. 1–2. Warszawa, 2018. S. 159–191.*

повторить маневр генерала Халлера, чтобы уже на советской территории ожидать возможности присоединиться к проантантовским силам или эвакуироваться на Западный фронт. Еще до этого всех надевавшихся на уважение оккупантов к прежнему содействию в ходе «Фаустшлага» должна была бы насторожить судьба эстонской независимости и эстонской армии¹⁹. Однако это событие не было поставлено в надрегиональный контекст Первой германской оккупации и, соответственно, в рамки механизмов оформления Брестской системы международных отношений ни современниками, ни последующей историографией.

Хотя обстановка в Белоруссии расценивалась — особенно по сравнению с Украиной — как сравнительно спокойная, местное население пристально фиксировало ослабление группировки германских войск и случаи явного разложения и подрыва дисциплины. Жесткая оккупационная политика и все более ощутимые проявления товарного и продовольственного дефицита вызывали естественное недовольство. На фоне взрывоопасной социальной обстановки, вызванной нарастающими миграционными потоками и бурной спекуляцией, вопрос о прочности германского контроля над такими второстепенными с немецкой точки зрения территориями, как земли «между Лифляндией, Литвой и Украиной», вставал особенно остро. Безотносительно партийной истории и героизации деятельности большевиков, в том числе по революционному разложению оккупационных войск²⁰, следует иметь в виду успешное укрепление подполья во главе с В. Г. Кнориным²¹, особенно ярко проявившего себя с августа в Полесье и Минске.

Следует подчеркнуть, что динамика сил германского Восточного фронта в ходе кампании 1918 г. представляет особую исследовательскую проблему. Здесь особенно ощутима нехватка необходимой

¹⁹ Подробнее см.: *Ланник Л. В.* Весенний дивертизмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. Вып. 1 (17). С. 25–41.

²⁰ Тема изучена крайне слабо. Почти безальтернативной, хотя и тенденциозной публикацией источников остается: *Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus.* Berlin, 1967.

²¹ К сожалению, сохранившиеся мемуары расстрелянного в 1938 г. Кнорина охватывают период лишь до весны 1918 г.: *Кнорин В. Г.* 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925.

статистики²², однако даже неполные данные, имеющиеся в распоряжении историков, демонстрируют, что оккупировавшие Белоруссию и без того не первосортные Ландверный²³ и 3-й резервный корпуса, а также ряд отдельных дивизий, бригад и полков в лучшем случае могли номинально контролировать обширную территорию площадью не менее 80 тыс. кв. км. Следует также учитывать, что сюда были включены вверенные 10-й армии территории между Западной Двиной, Днепром и границами зоны ответственности 41-го и 22-го резервного корпусов группы армий Эйхгорна на Украине, за вычетом Полесья и частей Минской и соседних губерний, оставшихся под контролем Обер Оста. В последнем случае речь шла о военном губернаторстве «Литва», включавшем в себя Гродно и Белосток, то есть регионы, которые БНР рассматривала как белорусские. В это же время 10-я армия, с которой пытались иметь дело белорусские активисты, не контролировала большую часть территории, на которую они претендовали.

Со временем личный состав кайзеровских войск на Востоке ослаблялся качественно и количественно, однако особенно драматические масштабы это приобрело в сентябре — октябре 1918 г. именно в 10-й армии, так что доля даже не ландвера, а еще менее боеспособных ополченцев из ландштурма постепенно приближалась в ее составе к половине. Численность ее с максимума в 350,7 тыс. человек (в январе 1918 г.) сократилась к 31 июля 1918 г. вдвое — до 184,7 тыс. человек²⁴. Далее точных данных нет, однако осенью 1918 г. из 10-й ар-

²² Подробнее см.: Ланник Л. В. «Украинский фактор» в кампании 1918 г. на Западном фронте: цена и последствия интервенции для Центральных держав // Русский сборник. Т. 28. С. 486–512.

²³ Героизированная версия его истории (в отличие от прочих крупных соединений германской армии), в том числе в период оккупации им Белоруссии, сохранилась, см.: *Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg 1914–1918: 2 Bde. Breslau, 1935–1937. Bd. 2. S. 409ff.*

²⁴ Более поздних точных данных в «Санитарном отчете» не содержится, а фонды высших германских соединений, в том числе 10-й армии за 1918 г., практически не сохранились. Однако следует полагать, что к началу Ноябрьской революции силы 10-й армии сократились еще не менее чем на 40%, составляя к середине ноября максимум 110–120 тыс. человек, включая разнообразные тыловые учреждения, комендатуры и небоевые части. Подробнее см.: *Sanitätsbericht über das deutsche Heer: 3 Bde. Berlin, 1934–1938. Bd. 3. Tafel 11. Боевое расписание 10-й армии, дающее представление о ее структуре, но не о реальной боеспособности и численности, см.: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 229–233.*

мии были переброшены на другие фронты основные силы сразу трех из пяти ее сравнительно целостных дивизий (3, 4 и 85-й ландверных), так что от соединений Ландверного корпуса остались лишь штабные структуры, а 3-й резервный корпус уже в ноябре пришлось реорганизовать в Смешанный резервный — столь пестрым и непостоянным был его состав.

В такой обстановке последовавшее с конца сентября 1918 г. сокращение зоны оккупации было одной из необходимых полумер для сохранения хрупкой видимости германского доминирования. Во многом она продержалась в Белоруссии вплоть до зимней кампании 1918/1919 г. именно благодаря военной беспомощности БНР, отсутствию даже начатков ее военной организации, способных, подобно POW, представлять потенциальную угрозу тающим комендатурам и малочисленным патрулям оккупантов.

Формальным, но весьма показательным «приговором» для Белоруссии по итогам германской гегемонии в Восточной Европе образца 1918 г. было то, что в архиве Внешнеполитического ведомства (*Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes*, PA AA) так и не завели специальную папку в общем потоке дел о Российской империи и ее различных регионах, которая получила бы название «Белоруссия». Даже на таком уровне отдельным объектом, а тем более субъектом этот регион и государственный проект на его базе не желало признавать ни политическое руководство в Берлине, ни военное — в Ставке в бельгийском Спа. Поступающие из региона и от активистов БНР меморандумы, запросы и обращения за помощью, в том числе с «благодарностью за освобождение», собирались и доводились до сведения основных действующих лиц германской *Ostpolitik*, однако без сколько-нибудь практических последствий²⁵. Офицер германского разведывательного ведомства во главе с В. Николаи²⁶, один из фи-

²⁵ Их обнаружение — достаточно трудоемкий процесс, поскольку военные архивы были почти полностью уничтожены в конце Второй мировой войны, а в дипломатических отдельных папках «Белоруссия» за 1918–1919 гг. нет, так что различные обращения и сводки по белорусским вопросам рассеяны по делам с названиями «Россия. Общие вопросы» и «Украина», реже — под другими рубриками. Сверку с ранее опубликованными источниками затрудняет перекомплектование фондов и частое отсутствие в делах пагинации. См., например: PA AA. RZ 201/10100/32-33; 10101/3–6, 35–36, 88–100.

²⁶ Целостное издание его дневников и некоторых документов периода Великой войны, хранящихся до сих пор в российских архивах, последовало лишь

лиалов которого находился в Минске, рассматривал белорусских активистов как один из источников информации для регулярно предоставляемых в Ober Ost, Верховное Главнокомандование (ОХЛ) и внешнеполитическое ведомство (АА) сводок по обстановке и на оккупированной территории, и в РСФСР²⁷. Этим воздействие лидеров БНР на решения и политику германских инстанций, по-видимому, и исчерпывалось. На непринципиальные для оккупантов уступки (в частности, в культурной и церковной сферах) штаб 10-й армии и вверенные ему инстанции были готовы пойти, что не раз доказывали конкретными распоряжениями, однако надежды на то, что это положит начало утверждению политико-административных полномочий хотя бы автономной Белорусии, были тщетными.

Разумеется, дело было вовсе не в игнорировании самой идеи образования еще одного буферного государства прямо по центру советско-германского фронта. Напротив, она вполне учитывалась, причем зеркально — и Москвой, и Берлином. Совершенная «нелегитимность» оккупации Германией огромных пространств к востоку от брестских границ требовала пусть и запоздалого, но юридического оформления, где были бы оговорены сроки и условия продолжения оккупации, ее преобразование в германский протекторат над квазигосударством или взаимовыгодный пересмотр границ зон влияния между РСФСР, Германской империей и сателлитами обеих сторон. Опробованный на конференции в Брест-Литовске инструментарий вокруг лозунга о праве наций на самоопределение в удобный момент и с помощью подобранных актеров мог быть в любой момент пущен в ход. Обе стороны к концу марта 1918 г. имели подходящие политические проекты, чтобы при необходимости поставить «белорусский вопрос» либо по меньшей мере тут же ответить на подобный ход контрагента зеркальным «правительством» или «волеизъявлением».

История большевистских (или впоследствии представленных как изначально обладавших таким характером) белорусских проектов хорошо освещена в советской и российской историографии, в том

недавно: Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.

²⁷ Часть этой информации впоследствии оказалась и в российских архивах, см., например: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1024.

числе в новейших исследованиях²⁸. С оценками всех вариантов Советской Белоруссии как буфера приходится только согласиться, добавив при этом, что основа такому ее статусу была заложена не перипетиями последующей советско-польской войны 1919–1921 гг., а именно базовыми чертами Брест-Литовской мирной конференции и особенностями последующей имплементации (включая откровенное нарушение и частичную ревизию) мирных договоров от 9 февраля и 3 марта 1918 г. В свою очередь, история германской политики в отношении белорусской государственности, в первую очередь БНР, до сих пор изучена крайне поверхностно. Современные попытки создать искусственно обогащенную версию развития двусторонних отношений, порой вызванные чисто конъюнктурными причинами, не выдерживают академической критики²⁹. Неоднократные визиты различных белорусских активистов в высшие германские штабы и комендатуры, попытки ведения агитации, заявления, призванные аннулировать любые притязания РСФСР на территории, оккупированные кайзеровскими войсками за пределами брестских границ, выслушивались с интересом, но никакой зримой поддержки или готовности формального признания даже де-факто — как, например, с Грузией, Арменией и Азербайджаном — не было.

Наиболее ярким проявлением положения белорусских земель в рамках Брестской системы стали затяжные советско-германские торги вокруг условий и темпов вывода войск одной стороны и ввода вооруженных сил другой. При балансировке сложной сделки между Кайзеррейхом и РСФСР в июле — августе 1918 г. поднимался очень широкий круг региональных проблем, вызванных неактуальностью положений Брестского мира уже к моменту его ратификации в Берлине и Москве, то есть еще в конце марта. Ряд белорусских территорий становился предметом важнейших для судьбы Брестской системы (и особенно для стабилизации германской гегемонии в Восточной Европе) советско-украинских мирных переговоров, проходивших

²⁸ См.: *Короткова Д.А.* Белорусские земли в советско-польских отношениях. К сожалению, автор даже применительно к 1918 г. рассматривает почти исключительно советско-польское противостояние, но не германский фактор в судьбах Белоруссии, сказывавшийся на всех странах Восточной Европы не только до Компьенского перемирия и даже не до Версальского мира.

²⁹ *Domfeldt M., Seewald E.* Die Beziehungen zwischen Deutschland und Belarus 1916 bis 1925. Kaunas, 2019.

в Киеве в июне — октябре 1918 г.³⁰ Белоруссия в данном контексте превратилась в самую приемлемую для Германии и Советской России разменную монету и одновременно пробный шар в частичном пересмотре границ сфер влияния. Территории Витебской, Могилевской и частично Минской губерний были разделены на пять зон, которые германские войска должны были оставлять с конца сентября 1918 г. (и до весны 1919 г., согласно первым заявлениям об этом Э. Людендорфа) по мере поступления пяти траншей золотом и валютой из Москвы³¹.

Известия о Добавочном договоре от 27 августа 1918 г., о новой советско-германской сделке, в том числе за счет белорусских территорий, пришли значительно раньше, чем местные жители столкнулись с бесспорными признаками будущей смены власти — беспощадными реквизициями и вывозом любых ценностей, вплоть до телефонных аппаратов и мебели, на запад. Однако бытовые трагедии интересовали в первую очередь затронутое ими население, а также встревоженных минимизацией выгоды от новой сделки большевиков. Проблема вывоза имущества и отгона подвижного состава с оставляемых германскими войсками территорий занимала изрядное место в переписке НКВД и советского полпреда в Берлине А. А. Иоффе, а также в широком спектре вопросов последних недель отношений между Кайзеррейхом и РСФСР³². Германская сторона демонстрировала готовность ко все большим уступкам, включая ускоренное оставление намеченных для эвакуации зон и сдерживаясь в своих инициативах

³⁰ Советская и российская историография пока что уделяют этим переговорам недостаточно внимания либо концентрируются на их широком контексте, но не на сути межгосударственных торгов между Киевом и Москвой, что, в свою очередь, чрезвычайно интересует украинскую историографию, игнорирующую любой контекст кроме того, который необходим для видимости прецедента вполне равноправного (и безрезультатного) диалога Украины и России. Подробнее см.: *Лупандін О. І.* Українсько-російські мирні переговори 1918 р. Київ, 1994.

³¹ Документы о советско-германских переговорах в Вильне о порядке и сроках вывода оккупационных войск в советских подборках публиковались лишь частично, хотя немало их сохранилось и в российских, и в белорусских архивах. См., например: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1012. Л. 14–20. Краткое описание деталей проведенного сокращения зоны германской оккупации в Белоруссии см.: *Ланник Л. В.* После Российской империи. СПб., 2020. С. 213–220.

³² См.: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 8. Д. 37; П. 9. Д. 38. Специальной рубрики или дела, посвященного работе Виленской, Оршанской и других советско-германских комиссий по проблеме вывода оккупационных войск, в АВП РФ, по-видимому, нет.

только нежеланием окончательно демотивировать большевиков к очередному, третьему траншу. Хотя он и не состоялся в намеченный срок (30 октября 1918 г.), надежду на его поступление из Москвы поддерживали вплоть до неожиданного для НКВД разрыва советско-германских отношений 5 ноября 1918 г. Переговоры о деталях дальнейшего отвода германских войск на местах (в Борисове) продолжались по инерции до вечера 6 ноября, когда пришли известия о высылке из Берлина советского полпредства³³.

Лидеры БНР, так и не сумевших обеспечить себе запасный вариант на случай «крайне маловероятного» дальнейшего существования Совнаркома, тревожила перспектива полного прекращения легальной деятельности на «своей» территории. Прихода войск РККА следовало не допустить любой ценой. Протесты местных помещиков и отчаянные апелляции белорусских активистов к гетманскому правительству или Тарибе, тогда вплотную, хоть и ненадолго, подошедшей к интронизации германского принца Вильгельма под именем Миндовга II, оказались бесполезны. Не обладавшая силовыми рычагами и действенным военно-административным аппаратом Литва и стремительно мчавшаяся навстречу новому эпизоду Гражданской войны Украинская держава были готовы расширить свои владения за счет Белоруссии только на бумаге. К внезапному согласию лидеров БНР, имевшей лишь декларативную ценность, поступиться в принципиальных территориальных спорах с любым из соседей «белорусскими землями» (Вильной, Гродно, Брестом, всем Полесьем и т. д.) потенциальные партнеры по федерации оказались не готовы.

В свою очередь, германская Ставка с середины сентября была поглощена отчаянными попытками оптимизировать резервы для спасения рушившихся один за другим периферийных фронтов. Немцы были готовы уступить явно не нужные им территории между хлебной Украиной и потенциальной зоной колонизации в Прибалтике любому актору, способному принять на себя сдерживание большевистской экспансии — в том числе Польше, если бы она гарантировала хотя бы минимальную лояльность Германии. Однако к октябрю 1918 г. ничего подобного не наблюдалось. Наоборот, все чаще выходявшая из подполья POW, имевшая ячейки во многих городах бывшего Западного края, при возможности в первую очередь выступила

³³ См. ряд материалов: АВП РФ. Ф. 496. Оп. 1. Д. 118, 312.

бы против германских гарнизонов, справедливо рассматривая их как источник остро необходимого оружия. Постепенно оформлялась безальтернативность нового раздела Белоруссии (и ряда других территорий бывшей Российской империи) с большевиками, как бы неприятно это ни было пришедшему к власти в начале октября 1918 г. правительству Макса Баденского. В своем резком неприятии прагматического сотрудничества с Советами, которое столь упорно налаживал в течение трех месяцев лишившийся при смене кабинета поста главы АА П. фон Хинтце³⁴, новый рейхсканцлер был готов к широкой поддержке национальных проектов и расширению их автономии³⁵, но это вновь ребром ставило вопрос об их военном потенциале.

В обстановке нового этапа советско-германских отношений и развития Брестской системы в целом, наступившего после серии компромиссов и секретных сделок Москвы и Берлина с 27 августа 1918 г.³⁶, судьба БНР, не обладавшей даже минимальной военно-политической дееспособностью, была решена. Наглядной иллюстрацией тому стало занятие войсками РККА с согласия немцев ими же «очищенного» (во всех смыслах) Могилева в последние дни октября. Отсутствие армии у заявившего о себе, но политически несостоявшегося лимитрофа³⁷ было куда большей проблемой, чем наличие сколько-нибудь ощутимых локальных вооруженных сил у лидера с куда менее масштабными политическими амбициями (как, например, у Н. Махно). Даже без быстрого финала первой попытки официальных советско-германских отношений аккуратная смена на демаркационной линии оккупационных войск вновь сформированными армиями возымела бы предсказуемый финал и куда быстрее, чем это

³⁴ См. масштабную публикацию документов, не охватывающую, однако, всего релевантного наследия бывшего вице-адмирала: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

³⁵ См. на примере Остзейских губерний: *Volkmanн H.-E.* Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiegne. Köln; Wien, 1970.

³⁶ См. о контексте и деталях советско-германского взаимодействия на базе Добавочного договора: *Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

³⁷ Попытки такую армию обнаружить предпринимаются, однако основные события вокруг потенциальных войск БНР развернулись не ранее ноября — декабря 1918 г., а то и позже, что выходит за основные хронологические рамки данной статьи. См.: *Латышонек А.* Жаўнеры БНР. Смаленск, 2014.

было приемлемо для эвакуации германских частей. Это вполне доказывает судьба Северной армии, потерпевшей быструю неудачу в попытках оборонять Псков без существенной германской помощи, даже после полутора месяцев формирования³⁸.

С точки зрения германских интересов и представлений оккупационных инстанций, приемлемых вариантов для антибольшевистской БНР хотя бы в пределах Минской губернии осенью 1918 г. оставалось немного. Предпочтительным выглядел вариант развертывания на основе бывших офицеров русской армии, находившихся в регионе, очередной прогерманской вооруженной силы, аналогичной активно формировавшимся с июля — августа 1918 г. Южной и Астраханской и с начала октября — Северной армиям. Основания для этого давала шедшая по меньшей мере с конца весны консолидация данного ресурса на уровне местных офицерских и ветеранских организаций³⁹. Это было характерно для всех лимитрофов, правительства которых постоянно сигнализировали о возможности «великорусского» путча оккупационным властям. Наличие надежного и лишнего локальных корней вооруженного партнера для последних нередко было даже желательно, с учетом постоянной двойственности Ostpolitik, колебавшейся между большевистским и антибольшевистским направлениями весь период официального действия Брестского договора. Гипотетическая «Центральная» армия совершенно не имела бы национального белорусского характера, в том числе потому, что БНР не обладала даже формальным государственным статусом. Даже в официозно националистической Украинской державе высшие офицеры ее так и не сформированных вооруженных сил испытывали громадный дефицит лояльности к сепаратистскому проекту. Преодолеть эту проблему, окончившуюся быстрым расколом гетманской армии с началом восстания Директории 14–16 ноября 1918 г., не смог даже масштабный транзит излишне «великорусских» командных кадров на Дон и далее в Добровольческую, Южную и Астраханскую армии и ряд иных «корпусов», где не собирались идти на уступки никаким «самостийникам».

³⁸ См., например: *Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия* / под ред. Л. В. Ланника. М., 2015.

³⁹ Достаточно тому доказательств предоставляет изучение прессы Минской, Гродненской, Могилевской и частично Витебской губерний за лето — осень 1918 г. Автор благодарит И. И. Барина за соответствующие указания на источники.

При таком ходе развития событий было бессмысленно ожидать от офицеров бывшей Русской императорской армии согласия создать костяк национальной белорусской армии при хотя бы формальной декларации соответствующей идентичности. Без этого даже начало формирования такой армии означало бы быстрое сворачивание деятельности местных сторонников БНР при молчаливом, а порой и открытом сочувствии этому со стороны германских офицеров и штабов, где было достаточно симпатизантов восстановления привычной им «единой и неделимой России». Разумеется, формирование такой «Центральной» армии Белого движения с самого начала подрывалось бы общей слабостью людских ресурсов, в том числе из-за их притяжения в такие центры, как Киев, а затем и Псков. Большинство лидеров БНР, очевидно, были вполне согласны на ситуативный союз с Белым движением (попытки контактов с М. В. Алексеевым и П. Н. Красновым действительно имели место), если бы оно давало гарантию отпора будущему наступлению РККА, однако ничего подобного не ожидалось. Для этого не хватало не только ресурсов, но и времени — ведь территория потенциального комплектования Центральной армии должна была сокращаться раньше других, с середины сентября.

Вторым вариантом становилось согласие на унию БНР и Украинской державы при неприятных и неизбежных территориальных уступках в пользу последней в масштабах всего Полесья, а возможно, и больше. Соответствующая идея «братских восточнославянских республик», освободившихся от имперского центра, возникла довольно рано, несколько раз обсуждалась после свержения УНР, но к действительно серьезным уступкам представители БНР оказались готовы слишком поздно, представители киевских властей — еще позже, в столь же бесперспективной для них ситуации кануна большевистского вторжения в середине ноября 1918 г.

В Белоруссии к «украинскому варианту» пришли быстрее. В отчаянной ситуации октября дошло до инициатив местных помещиков и все более широких общественных кругов — то есть потенциальных партнеров БНР на местах — о присоединении к гетманской Украине. Это означало бы лишь одну из форм ликвидации белорусского государственного проекта, наравне с появлением прогерманской белогвардейской армии. Системность подобных тенденций для несостоявшихся государств доказывает то, что ровно в те же недели, накануне финала германской оккупации, заторопился договориться

о федерации с Украиной и Крым. Его представители в октябре 1918 г. оказались почти готовы к формальному признанию главенства Киева, но и здесь это было слишком поздно и без всякого результата⁴⁰. Эпопея белорусско-литовской, а затем белорусско-польской унии принадлежит уже следующему этапу истории несостоявшейся БНР.

Перечисление небольшевистских вариантов будущего белорусских территорий поздней осенью 1918 г. оправданно лишь с учетом общих тенденций в развитии Брестской системы международных отношений, переживавшей — безотносительно условий Компьенского перемирия — этап не только имплементации Добавочного договора, но и его импровизированной ревизии в связи с чередой успехов РККА и явным ослаблением позиции Центральных держав в целом и Кайзеррейха в частности. Ни сил, ни тем более намерений попытаться силовым путем ускорить финал германской оккупации Советская Россия, скованная важнейшими боями на востоке и юге, не имела. Впрочем, этого и не требовалось: революция в Германии должна была отдать (и отдала) в ее распоряжение крупные территории и без военных усилий. В хрупком альянсе с местными националистами, пусть даже социалистической ориентации, большевики были не заинтересованы, что доказывает провал соответствующего зондирования Москвы от уже свергнувшей гетмана украинской Директории на рубеже 1918/1919 гг.

Куда более вероятным и частично реализованным впоследствии — причем и с лидерами УНР, и с рядом грузинских политиков и т. д. — был вариант с расколом лидеров БНР на тех, кто будет искать союза с любыми антибольшевистскими силами и на любых условиях, далеких от достижения независимости Белоруссии, и тех, кто согласится принять белорусскую государственность в советском ее варианте — в любых границах и полностью зависимую от Москвы. Питавшиеся в связи с крахом Центральных держав типовые надежды лимитрофов на помощь победителей в Великой войне совершенно не оправдались и не имели даже малейших шансов в регионе, не имевшем выхода к морю. Судьбу белорусской государственности и ее облик определяла динамика в соотношении сил Советской

⁴⁰ Подробнее см.: *Korolov G. Die Idee der belarussisch-ukrainischen Föderation: Von der Realpolitik zur Utopie // Krieg und Frieden. Folgen der Russischen Revolution. Nordost-Archiv. 27 (2018). Lüneburg, 2020. S. 52–66.*

России и ее местных сателлитов, с одной стороны, и претендентов на бывшую зону германского влияния, после ее постепенной и управляемой уступки из Берлина, — с другой. Данный процесс завершился не ранее конца февраля 1919 г. в пользу Польши. Это знаменовало логический финал рассмотренной выше первой в XX в. фазы борьбы за господство на белорусских территориях.

Таким образом, уникальность отдельных черт трагедии Белоруссии и борцов за ее независимость в рамках Брестской системы оказывается существенно релятивирована массой аналогичных тенденций и результатов в истории соседних лимитрофов бывшей Российской империи. Частичная ревизия Брестского мира по условиям Добавочного договора и последующий незначительный отвод германских войск в конце сентября — начале ноября 1918 г. не имели принципиальных позитивных для белорусского народа последствий, при этом усилив темпы эксплуатации, что называется, «напоследок». С наступлением РККА с конца ноября 1918 г. последовал затяжной этап перехода большей части территории предполагаемой БНР из рук в руки, пока перемирие в октябре 1920 г., а затем Рижский мирный договор не зафиксировал раздел белорусских земель почти на два десятилетия. При всей исторической значимости этого компромисса⁴¹, вновь, как и в феврале — марте 1918 г., подписанного с участием Украины и России, но не Белоруссии (даже советской!), следует вновь подчеркнуть, что причины именно такого финала основного этапа трансформации постимперских пространств в этом регионе были заложены вовсе не в Риге и не под Варшавой, а двумя годами ранее — Брестской системой международных отношений, не подразумевавшей существования независимой Белоруссии.

Источники

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2-х кн. / уклад. С. Шупа. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага: Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва Таварыства Беларускага Пісьменства; Наша Ніва, 1998.

⁴¹ См. одно из недавних обсуждений, приуроченное к столетней годовщине: Рыжскі мір у лёсе народаў і дзяржаў рэгіёна Украіна — Літва — Беларусь // Rocznik Centrum Studiów Białoruskich = Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. No. 7. Warszawa, 2021. S. 8–48.

Гофман М. Главный противник — Россия / пер. с нем. В. Телицына. М.: Принципиум, 2015. 528 с.

Литва — Россия. 1917–1920 гг.: Сб. док-тов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Шубин и др. Вильнюс: Институт истории Литвы, 2020. 522 с.

Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л.В. Ланника. М.: Кучково поле; Императорское Русское ист. о-во, 2015. 315 с.

Литература

Баринюв И.И. «Земля будущего» и «неосвоенная целина»: Белоруссия на немецкой ментальной карте, 1914–1944 // *Civitas et Lex*. 2018. № 1. С. 47–62.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2021. № 5. С. 208–230.

Волкава В.В. Эканамічная палітыка нямецкіх акупацыйных улад у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915 — люты 1918 г.): дис. ... канд. гіст. наук. Минск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2017. 232 с.

Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 496 с.

Кнорин В.Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1925. 75 с.

Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

Ланник Л.В. «Украинский фактор» в кампании 1918 г. на Западном фронте: цена и последствия интервенции для Центральных держав // *Русский сборник: исследования по истории России* / под ред. О.Р. Айрапетова и др. Т. 28. М.: Модест Колеров, Регнум, 2020. С. 486–512.

Ланник Л.В. Весенний дивертисмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2020. Вып. 1 (17). С. 25–41.

Ланник Л.В. Германская интервенция 1918 г. на западных окраинах России (на примере Брянщины) // *Россия и современный мир*. 2020. № 3. С. 23–37.

Ланник Л.В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1/> (дата обращения: 27.01.2023).

Ланник Л.В. После Российской империи. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

- Латышонек А.* Жаўнеры БНР. Смаленск: Інбелкульт, 2014. 373 с.
- Леонтьев Я. В.* 6 июля: региональный аспект // Гражданская война в России. События, мнения, оценки / сост.: Е. М. Кораблева, Е. Ю. Кораблева; науч. ред. Н. А. Ивницкий; предисл. И. Х. Урилова. М.: Раритет, 2002. С. 362–388.
- Луцандін О. І.* Українсько-російські мирні переговори 1918 р. Київ: Інститут історії України, 1994. 39 с.
- Машкевич С. В.* „Wir werden Ordnung schaffen!“ Начало немецкой оккупации Украины, февраль – апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // Русский сборник: исследования по истории России / под ред. О. Р. Айрапетова и др. Т. 28. М.: Модест Колеров, Регнум, 2020. С. 240–284.
- Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. и комм. Л. В. Ланника. М.: Посев, 2014. 250 с.
- Петров В. И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М.: Наука, 1988. 207 с.
- Резник А. Н.* К вопросу о статусе власти БНР в период германской оккупации (1918 г.) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 4: Мат-лы міжн. канф. Мінск: Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт (МДЛУ), 2005. С. 184–192.
- Рыжскі мір у лёсе народаў і дзяржаў рэгіёна Украіна – Літва – Беларусь // Rocznik Centrum Studiów Białoguskich = Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. № 7. Warszawa: Studium Europy Wschodniej, Uniwersytet Warszawski, 2021. S. 8–48.
- Фрайман А. Л.* Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1964. 324 с.
- Чернякевич А. Н.* БНР. Триумф побежденных (история создания Белорусской народной республики). Минск: Янушкевич, 2018. 304 с.
- Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2019. 583 с.
- Afflerbach H.* Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München: Oldenbourg, 1994. 586 p.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966 (Mainz, 2010). 462 p.
- Dornfeldt M., Seewald E.* Die Beziehungen zwischen Deutschland und Belarus 1916 bis 1925. Kaunas: Kopa, 2019. 79 p.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2019. 667 p.
- Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg 1914–1918: 2 Bde. Breslau: Korn, 1935–1937. 626 p.
- Korolov G.* Die Idee der belarussisch-ukrainischen Föderation: Von der Realpolitik zur Utopie // Krieg und Frieden. Folgen der Russischen Revolution. Nordost-Archiv. 27 (2018). Lüneburg: Nordost-Institut, 2020. S. 52–66.

Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. Berlin: Deutscher Militärverlag, 1967. 303 p.

Olstowski P., Wolos M. Rola militarna i polityczna Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskaniu niepodległości. Próba bilansu // Przegląd Historyczno-Wojskowy. XIX (LXX). No. 1–2. Warszawa: Wydawnictwo “Czasopisma Wojskowe”, 2018. S. 159–191.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg, 1998. 754 p.

Sanitätsbericht über das deutsche Heer: 3 Bde. Berlin: E. S. Mittler, 1934–1938.

Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiegne. Köln; Wien: Böhlau, 1970. 283 p.

Wöllschläger T. General Max Hoffmann. Frontbeobachter, Frontführer und Frontbefürworter im Osten. Norderstedt: BoD, 2013. 160 p.

Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie. Berlin: E. S. Mittler 1926. 341 p.

References

Afflerbach H. *Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich*. München, Oldenbourg, 1994, 586 p.

Barinov I. I. Zemlia budushchego» i «neosvoennaia tselina»: Belorussia na nemetskoj mental'noi karte, 1914–1944. *Civitas et Lex*, 2018, no. 1, pp. 47–62. (In Russ.)

Baumgart W. *Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*. Wien; München, Oldenbourg, 1966 (Mainz, 2010), 462 p.

Cherniakov A. N. *BNR. Triumf pobezhdenykh (istoriia sozdaniia Belorusskoj narodnoj respubliki)*. Minsk, Ianushkevich, 2018, 304 p. (In Russ.)

Dornfeldt M., Seewald E. *Die Beziehungen zwischen Deutschland und Belarus 1916 bis 1925*. Kaunas, Kopa, 2019, 79 p.

Frajman A. L. *Revolucionnaja zashhita Petrograda v fevrale-marte 1918 g.* Moscow; Leningrad, Nauka [Lenigr.otdelenije], 1964, 324 p. (In Russ.).

Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918, hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, De Gruyter Oldenbourg, 2019, 667 p.

Gritskovich A. P. *Zapadnyi front RSFSR. 1918–1920. Bor'ba mezhdu Rossiei i Pol'shei za Belorussiiu*. Minsk, Kharvest, 2010, 496 p. (In Russ.)

Heye W. *Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg 1914–1918*: 2 Bde. Breslau, Korn, 1935–1937, 626 p.

Knorin V. G. *1917 god v Belorussii i na Zapadnom fronte*. Minsk, Gos. izd-vo Belorussii, 1925, 75 p. (In Russ.)

Korolov G. Die Idee der belarussisch-ukrainischen Föderation: Von der Realpolitik zur Utopie. *Krieg und Frieden. Folgen der Russischen Revolution*. Nordost-Archiv. 27 (2018). Lüneburg, Nordost-Institut, 2020, s. 52–66.

Korotkova D. A. *Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniiax. Razmen-naia karta v protivostoianii dvukh derzhav. 1918–1921 gg.* Moscow, Tsentrpoligraf, 2019, 222 p. (In Russ.)

Lannik L. V. «Ukrainskii faktor» v kampanii 1918 g. na Zapadnom fronte: tse-na i posledstviia interventsii dlia Tsentral'nykh derzhav. *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. O. R. Airapetov et al. Vol. 28. Moscow, Modest Kolerov, Regnum, 2020, pp. 486–512. (In Russ.)

Lannik L. V. Germanskaia interventsiiia 1918 g. na zapadnykh okrainakh Ros-sii (na primere Brianshchiny). *Rossia i sovremennyi mir*, 2020, no. 3, pp. 23–37. (In Russ.)

Lannik L. V. Germanskij faktor v gosudarstvennom perevorote na Ukraine (aprel' 1918 g.). *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*, 2020, vol. 11, issue 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1/> (accessed: 27.01.2023). (In Russ.)

Lannik L. V. *Posle Rossiiskoi imperii*. Saint Petersburg, Jevraziia, 2020, 528 p. (In Russ.)

Lannik L. V. Vesennii divertiment: k istorii germano-estonskogo al'iansa v 1918 g. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnojeuropeiskikh istoricheskikh issledovaniï*, issue 1 (17), 2020, pp. 25–41. (In Russ.)

Latyshonak A. *Zhajmery BNR*. Smolensk, Inbelkul't, 2014, 373 p. (In Belor.)

Leont'ev Ia. V. 6 iulija: regional'nyi aspect. *Grazhdanskaia voina v Rossii. Sobytiia, mneniia, otsenki*, eds. Je. M. Korableva, Je. Iu. Korableva, N. A. Ivnickii. Moscow, Raritet, 2002, pp. 362–388. (In Russ.)

Lupandin O. I. *Ukraïn'sko-rosiïski myrni perehovory 1918*. Kyiv, Instytut isto-riï Ukraïny, 1994, 39 p. (In Ukrain.)

Mashkevich S. V. “Wir werden Ordnung schaffen!” Nachalo nemeckoj okku-pacii Ukrainy, fevral'-aprel' 1918 g. (po materialam nemeckih arhivov). *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. O. R. Airapetov [et al.]. Vol. 28. Moscow, Modest Kolerov, Regnum, 2020, pp. 240–284.

Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antiso-wjetischen Aggression des deutschen Militarismus. Berlin, Deutscher Militärverlag, 1967, 303 p.

Olstowski P., Wołos M. Rola militarna i polityczna Polskiej Organizacji Woj-skowej w odzyskaniu niepodległości. Próba bilansu. *Przegląd Historyczno-Woj-skowy*, XIX (LXX), no. 1–2. Warszawa, Wydawnictwo „Czasopisma Wojskowe”, 2018, s. 159–191.

Opisanie poslevoennykh boev germanskikh voisk i fraikorov. Vyvod voisk s Vostoka, translation and komm. L. V. Lannik. Moscow, Posev, 2014, 250 p. (In Russ.)

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918, engl. und hrsg. von J. Hürter. München, Boldt im Oldenbourg, 1998, 754 p.

Petrov V.I. *Nepokorivshiesja kajzerovskomu nashestvoiju*. Moscow, Nauka, 1988, 207 p. (In Russ.)

Reznik A.N. *K voprosu o statuse vlasti BNR v period germanskoj okkupacii (1918 g.). Belarus' i Germanija: historia i suchasnasts*. Issue 4: Proceedings of the Conference. Minsk, Minski dziazhaŭny lnhvistychny ŭniversitet (MDLU), 2005, pp. 184–192. (In Russ.)

Ryzhski mir u lese narodau i dziazrhau regiena Ukraina – Litva – Belarus'. *Rocznik Centrum Studiów Białoruskich = Gadavik Tsentra belaruskikh studyiau*, no. 7. Warszawa, Studium Europy Wschodniej, Uniwersytet Warszawski, 2021, pp. 8–48. (In Russ. and oth.)

Sanitätsbericht über das deutsche Heer: 3 Bde. Berlin: E. S. Mittler, 1934–1938.

Shubin A.V. *1918 god. Revoljucija, krov'ju omytaja*. Moscow, Akademicheskii projekt, 2019, 583 p. (In Russ.)

Vatlin A. Iu., Lannik L.V. *Tainye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyi siuzhet iz istorii sovsenko-germanskikh otnoshenii na iskhode Pervoi mirovoi voiny. Novaia i noveishaia istoriia*, 2021, no. 5, pp. 208–230. (In Russ.)

Volkava V.V. *Ekanamichnaia palityka niametskikh akupatsyinykh ulad u Belarusi ŭ gady Pershai susvetnai vainy (1915 – liuty 1918 g.)*. Ph.D. dissertation. Minsk, Belarusian State University, 2018, 232 p. (In Belor.)

Volkmann H.-E. *Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne*. Köln; Wien, Böhlau, 1970, 283 p.

Wollschläger T. *General Max Hoffmann. Frontbeobachter, Frontführer und Frontbefürworter im Osten*. Norderstedt, BoD, 2013, 160 p.

Zwehl H. v. *Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie*. Berlin, E. S. Mittler, 1926, 341 p.

Leontiy V. Lannik

Dr. Sci. (History)
Senior Researcher
Institute of World History
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
ORCID: ID 0000-0003-4313-5557

Belarusian People's Republic 1918: a Failed Statehood

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.06

Abstract: This article analyses the events and trends that determined the fate of attempts to form the Belarusian state in the conditions of the finale of World War One. The author has based his research on the study of the German occupation policy and the process of implementing the Brest-Litovsk peace treaties. It demonstrates that the foundations for the negative factors that blocked the appearance of a united Belarus were laid long before the beginning of the Soviet-Polish war. The BPR leaders' interaction with the occupational authorities was determined not only by different subjective factors, but also by the fundamental refusal to place Belarus on the political map of 1918. This moment is not properly reflected in modern historiography of the issue, especially the Belarusian one. The role of neighbouring states and various national forces in the reconfiguration of post-imperial spaces under the pressure of the German Empire, within the framework of the Brest system of international relations created in 1918, is examined. Within its framework the RSFSR was to receive the place of the most important counteragent, who sought to obtain the maximum influence on the basis of mutually beneficial deals with the military-political leadership of the *Kaiserreich*. Although the projects of German hegemony in Eastern Europe were thwarted by the defeat of the Central Powers, the period of the First German Occupation and the partition of Belarusian territories between Soviet Russia and its western neighbours became the geopolitical basis for the fate of the nations of Belarus throughout the interwar period.

Keywords: The Treaties of Brest-Litovsk, the Brest system of international relations, Belarus People's Republic, the German Empire, RSFSR, the Ukrainian State, post-imperial spaces, the First German occupation

Игорь Игоревич Баринов

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: ingobarinov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Аполлон Крузе (1891–1967): штрихи к ранней биографии

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.07

Аннотация: В статье рассматривается ранний этап жизни и карьеры русского и советского военного деятеля Аполлона Яковлевича Крузе, получившего известность благодаря своей службе в генеральских чинах сначала в Белой, а затем в Красной армиях и избежавшего последующих репрессий. В ходе революции 1917 г. Крузе, как и другие кадровые офицеры императорской армии, столкнулся с проблемой дальнейшего профессионального развития. Вопреки расхожему представлению, служба в той или иной постимперской армии для значительной части офицеров была связана с перспективами сохранения своего элитного статуса и возможностями карьерного роста. Традиционная аполитичность офицерства и приверженность специфическому корпоративизму в принципе позволяли им без особого труда менять сторону, за которую они воевали. Определяющую роль в траектории их поведения играли личностные характеристики (прежде всего, особенности происхождения и мировоззрения). Это, в свою очередь, порождало целый спектр подвижных идентичностей, которые могли меняться в зависимости от обстоятельств. Пример Крузе демонстрирует, как бывший царский офицер мог использовать элементы своей биографии в быстро меняющихся условиях для достижения определенных целей, и позволяет по-новому взглянуть на природу конформизма в данной элитной группе. Статья основана на ранее неизвестных архивных документах.

Ключевые слова: Аполлон Крузе, Русская императорская армия, Белая армия, Красная армия

Имя Аполлона Яковлевича Крузе (1891–1967) хорошо знакомо специалистам по военной истории России/СССР, прежде всего, из-за особенностей его биографии. Кадровый царский офицер, Крузе сумел дослужиться до генерала в армии Колчака, а затем продолжить службу в РККА без каких-либо последствий и даже получить

аналогичный чин. Хотя данный случай остается наиболее известным, он, очевидно, был далеко не единственным. Подобные жизненные траектории в условиях общественных потрясений и коренных преобразований общества в годы революции и Гражданской войны в России каждый раз представляют собой многогранную исследовательскую проблему. Первым в данной связи возникает вопрос о корпоративной этике и принципах лояльности русского офицерства в наступившую эпоху перемен. Как показывает практика, эта часть элиты, в свое время считавшаяся опорой империи, в новых условиях стремилась, прежде всего, реализовать свои профессиональные навыки. Выбор службы в (анти)большевистских или национальных формированиях не только отражал убеждения человека, но и являлся следствием обстоятельств, в которых он оказывался. Число офицеров, успешных в переходный период поехать даже не в двух, а в трех и более различных армиях, было достаточно велико.

С другой стороны, в быстро менявшейся ситуации на профессиональную идентичность военного такие личностные факторы, как характер, мировоззрение, амбиции, влияли еще больше, чем в мирное время. Наконец, не менее важной мотивацией для офицера становилось желание сохранить (а при возможности — улучшить) свой статус. Передки были случаи, когда младшие офицеры повышали себя в звании на несколько порядков, а иногда даже производили себя в генералы, как в случае с П. Бермондт-Аваловым или С. Булак-Балаховичем.

Все эти моменты отразились и в истории Аполлона Крузе. Стоит отметить, что его биография уже становилась предметом специального исследования¹, однако оно имеет общий характер и не уделяет должного внимания деталям. Кроме того, там не было выдвинуто рабочей гипотезы относительно того, как белый генерал превратился в красного командира. Сегодня, по прошествии ста лет, у нас есть возможность изучить различные документы, связанные с личностью Крузе, а также сравнить его послужные списки как «красного», так и «белого» периода службы.

Начать следует с того, что первым кадровым военным в семье был отец Аполлона Крузе, Яков Иванович. Согласно документам,

¹ *Ганин А. В.* Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А. Я. Крузе // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие.* Омск, 2021. С. 50–57.

Крузе-старший родился в 1855 или самом начале 1856 г. и происходил из православных крестьян². Судя по сочетанию сословия, вероисповедания и фамилии, он мог принадлежать к эстонским колонистам. Массовый переход эстонцев в православие происходил в 1830–1840-х гг. и был одновременно средством социального протеста против немецких помещиков и способом получить правительственную поддержку и землю. Вероятно, изначально фамилия звучала как «Круус» (эст. «кружка»), а затем была приближена к «благородному» шведско-немецкому звучанию. Из-за этого в одной из аттестаций Аполлон Крузе был записан как «дворянин»³, что не соответствовало действительности.

19 января 1874 г. Яков Крузе поступил на службу «охотью за старшего брата Григория» и через шесть дней, 25 января, был зачислен в Минский губернский запасный батальон. 9 мая того же года Крузе поступил в писарский класс данного батальона, по окончании которого 27 октября 1874 г. получил место младшего писаря 2-й батареи 26-й артиллерийской бригады, стоявшей в Гродно. 24 декабря 1876 г. он был произведен в унтер-офицеры. С началом русско-турецкой войны Крузе 12 августа 1877 г. был зачислен в управление 3-й резервной артиллерийской бригады и больше года (с 24 августа 1877 по 20 сентября 1878 г.) находился на Кавказе с войсками Терской области. 5 сентября 1877 г. Крузе был повышен сначала до старшего, а еще через месяц — до бригадного писаря. За участие в войне он был награжден памятной бронзовой медалью, впоследствии также получил серебряную медаль в память правления Александра III. 15 декабря 1878 г. Крузе был переведен в 4-ю запасную артиллерийскую бригаду, а 28 января 1879 г. вернулся в свою старую часть⁴. 9 ноября того же года он был зачислен в запас, однако впоследствии, видимо, вернулся на службу. Так, в записи о крещении его сына Сергея в январе 1890 г. Крузе упомянут как «бригадный писарь управления 26-й артиллерийской бригады, фельдфебельского звания»⁵.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 55308. Л. 20 об.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37976. Оп. 2. Д. 25860. П/с 25-919. Л. 7.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55308. Л. 20 об. — 21.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1104. Л. 7 об.

Находясь в Гродно, Яков Крузе женился на местной уроженке, Татьяне Матвеевне (в ряде источников — Тимофеевне) Шиловой. В семье родилось пятеро сыновей. Очевидно, армейского жалования Якову Крузе не хватало, и он решил перейти на гражданскую службу. 19 февраля 1891 г. бывший фельдфебель был причислен к 3-му разряду канцелярских служащих, а уже 7 марта получил назначение «чиновником для письма» в Департамент полиции в Петербурге. В этой должности Яков Крузе находился до своей смерти 5 февраля 1898 г.⁶ В записи о крещении сына Аполлона он значится «чиновником 10 класса, не имеющим чина»⁷.

После смерти отца семейство Крузе оказалось в затруднительном финансовом положении. Татьяне Крузе пришлось добиваться казенных образовательных стипендий для сыновей. С сентября 1902 по июнь 1910 г. Аполлон посещал гимназию Императорского Человеколюбивого общества, которую окончил с хорошими баллами (единственная «тройка» была по латыни)⁸. Несмотря на успехи в гуманитарных науках, средств для продолжения образования в университете не было, тем более что там уже учился старший сын — Петр. Помня о службе отца, сперва Аполлон собирался поступить в инженерное или артиллерийское училище. Тем не менее в конечном итоге 2 июля 1910 г. он подал прошение на Высочайшее имя для зачисления в пехотное Петербургское военное училище (в том же году оно стало именоваться Владимирским).

Как следует из послужного списка, Крузе успешно проходил училищный курс. Так, он дважды был награжден знаками «За отличную стрельбу» и был произведен в портупей-юнкера (то есть исполнял некоторые офицерские обязанности по отношению к другим курсантам). Окончив училище по 1-му разряду с производством в подпоручики, Крузе отправился в 91-й пехотный Двинский полк, входивший в состав Ревельского гарнизона. В 1913 г. (по другим данным, в 1914 г.) он прошел курс в Офицерской гимнастическо-фехтовальной школе и был назначен полковым инструктором по гимнастике.

Стоит отметить, что отражение службы в мирное время в «красном» и «белом» послужных списках Крузе примерно совпадает.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55308. Л. 20 об. — 21.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 169. Л. 6 об.

⁸ Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/с 284-760. Л. 204 — 204 об.

Заметные разночтения появляются с началом Первой мировой войны. Так, в документе 1922 г. Крузе утверждал, что был произведен в поручики «за выслугу лет» уже 6 августа 1914 г. Вероятно, с этой же целью он указал, что находился в училище в 1909–1911, а не в 1910–1912 гг. Напротив, в краткой записке о службе, составленной в июне 1919 г. в армии Колчака, отмечено, что поручиком Крузе стал лишь в 1916 г.⁹ (отсутствие у него данного чина подтверждается личными карточками из госпиталя 1914–1915 гг.). Похожий случай был в связи с его производством в полковники. В 1922 г. Крузе заявлял, что оно последовало 3 октября 1917 г. «за службу по Генеральному штабу»¹⁰. Тем не менее в 1919 г. на этот счет сообщалось, что за аналогичные заслуги Крузе лишь приобрел «право на три года старшинства в чине подполковника», тогда как «представление в чин полковника не состоялось в силу перехода власти большевикам и демократизации армии»¹¹.

Не совсем ясна ситуация и с наградами Крузе. В советском документе он сообщал, что за бой под Краковом 5 ноября 1914 г. получил Георгиевское оружие — одну из высших офицерских наград Российской императорской армии. Как и было положено в таких случаях, Крузе дал описание своего подвига: «По личной инициативе атаковал деревню Порованов-Иванов, выбил германцев из трех рядов окопов, захватил в плен 12 офицеров и 468 солдат и, будучи дважды ранен, не оставил поля сражения. Означенная атака позволила полку продвинуться вперед и занять новую позицию»¹². При этом, однако, он не указал конкретную дату приказа о получении награды. Нет его имени и в списках георгиевских кавалеров. Согласно журналу боевых действий полка, атака действительно началась «по почину младшего офицера (sic!) 1-й роты подпоручика Крузе», но велась она силами целого ряда подразделений, в том числе из других полков. Количество пленных, которое Крузе приписал себе, примерно соответствует их общему числу по результатам боя (6 офицеров и 466 нижних чинов)¹³. Там же указано, что в апреле 1915 г. Крузе был эвакуирован по болезни, тогда как о тяжелой контузии ничего не говорится¹⁴.

⁹ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 126. Л. 265.

¹⁰ РГВА. Ф. 37976. Оп. 4. Д. 21661. П/с 121-777. Л. 2 об.

¹¹ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 126. Л. 265 — 265 об.

¹² РГВА. Ф. 37976. Оп. 4. Д. 21661. П/с 121-777. Л. 2 — 2 об.

¹³ РГВИА. Ф. 2705. Оп. 2. Д. 101. Л. 61 — 62 об.

¹⁴ Там же. Л. 186.

Помимо этого, из перечисленных Крузе орденов подтверждают-ся Высочайшими приказами лишь ордена Св. Анны и Св. Станислава различных степеней. Нет сведений о получении им ордена Св. Владимира 3-й степени (следующего по значимости после ордена Св. Георгия), отраженного в обоих документах, и 4-й степени (присутствует в «красном» послужном списке), равно как и «золотой медали», пожалованной королем Черногорским, из «белой» записки о службе. Любопытно, что Крузе без тени смущения указал в советском документе французский Военный крест с пальмовой ветвью — характерную награду, которая вручалась французской военной миссией офицерам союзных белых армий.

Сравнение двух послужных списков из разных периодов жизни Крузе демонстрирует, как он жонглировал датами в зависимости от обстоятельств. К примеру, в 1922 г. он указывал, что 10 октября 1917 г. был назначен начальником организационного отдела при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Румынского фронта¹⁵. Напротив, в 1919 г. присутствовала другая дата (29 января 1918 г.) и совершенно другая формулировка: начальник 3-го организационного отделения «штаба по формированию добровольческих частей Румынского фронта»¹⁶. Среди данных формирований были первые антибольшевистские части. Таким образом, если в первом случае для советской власти речь шла об очередной канцелярской должности в «старой армии», то во втором случае это было недвусмысленным указанием на политическую ориентацию кандидата.

Отрезок жизни Крузе, связанный с Гражданской войной, достаточно подробно изучен. Вместе с тем, главный вопрос его жизни — как он смог беспрепятственно перейти на службу в Красную армию, имея генеральский чин у белых, — до сих пор оставался без ответа. Учитывая, что еще в ноябре 1919 г. красному командованию Восточного фронта из допросов пленных было известно о «генерал-майоре Крузе»¹⁷ (sic!), простая случайность здесь маловероятна. Скорее всего, речь идет о совокупности обстоятельств, благодаря которым Крузе смог скрыть ряд фактов своей биографии. Далее мы рассмотрим то, как это могло произойти.

¹⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 4. Д. 21661. П/с 121-777. Л. 2 об.

¹⁶ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 126. Л. 265 — 265 об.

¹⁷ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 81.

Следует начать с того, что обстоятельства перехода Крузе на сторону красных неизвестны. По всей видимости, это произошло в первые дни 1920 г. в ходе отступления белых армий. Было ли это пленением, спонтанным дезертирством, или Крузе заранее дожидался прихода Красной армии, непонятно. В любом случае, он сильно рисковал. В эти же дни начальник штаба белого Восточного фронта, генерал Борис Богословский, ранее служивший в РККА, добровольно явился в расположение красной 5-й армии и сперва прошел стандартную регистрацию вместе с другими пленными офицерами. Вскоре, однако, он был арестован и впоследствии расстрелян. Догадываясь о своей вероятной участи, Крузе на допросе мог занизить свой чин и представиться обычным функционером, вынужденно служившим у белых.

Здесь Крузе сопутствовала удача: волею судеб в это же время войска 5-й армии взяли в плен его сокурсника по Владимирскому военному училищу — Владимира Константиновича Михайловского. Он родился 23 марта 1888 г. и происходил из потомственных дворян Черниговской губернии. Михайловский окончил Омскую гимназию и два года проучился на физико-математическом факультете Петербургского университета¹⁸, прежде чем избрать карьеру военного. По окончании училища Михайловский служил в 1-м саперном батальоне, в Первую мировую войну командовал ротой, затем был полковым адъютантом. При этом, в отличие от Крузе, он не поднялся в чинах выше поручика. После увольнения Михайловский вернулся в Сибирь, где 17 июля 1918 г. был мобилизован в армию Временного Сибирского правительства. Сперва он временно командовал батальоном железнодорожной охраны, а после прибытия 10 августа старшего по званию перешел на должность завхоза. 4 мая 1919 г. Михайловский был назначен начальником хозотдела инженерного управления Тюменского военного округа. В октябре того же года он был переведен в Управление полевого инспектора инженеров Восточного фронта, которое, как следовало из документов, 7 января 1920 г. «в полном составе добровольно сдалось в плен»¹⁹. Возможно, именно Михайловский подтвердил «легенду», изложенную Крузе. Последний, в свою очередь, мог оказать своему соученику аналогичную услугу. В любом случае, впоследствии Михайловский был зачислен

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51870. Л. 1–3.

¹⁹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 3. Д. 58-683. Л. 1 – 2 об.

на службу в Красную армию и в дальнейшем находился на хозяйственных и штабных должностях в Сибири.

С другой стороны, Крузе мог разыграть «генштабистскую» карту. Как известно, весной 1918 г., после возвращения в Петроград, он был зачислен на старший курс Академии Генерального штаба, который затем был эвакуирован в Екатеринбург. Как следует из допроса неизвестного пленного офицера в штабе 30-й стрелковой дивизии Красной армии 12 января 1920 г., после попадания «в плен к белым» начальник Академии и ее преподаватели подверглись «сильным гонениям со стороны белогвардейской прессы, которая открыто называла их предателями за службу советскому правительству»²⁰. Вероятно, знал об этом и Крузе, который мог предстать слушателем Академии, пострадавшим от «антибольшевистской власти». Впрочем, эта «легенда» тоже была рискованной. Уже весной — летом 1920 г. следственная часть особого отдела 5-й армии в Красноярске изучала списки офицеров Генштаба и слушателей Академии, находившихся на подконтрольной белым территории, с целью определения их дальнейшей судьбы²¹. Крузе, которого на тот момент уже не было в Сибири, повезло и на этот раз.

Вместе с тем, остается еще один немаловажный вопрос, а именно отсутствие сведений о службе у белых и пленении Крузе в его документах советского времени. В частности, в упомянутом послужном списке 1922 г. он находился в 5-й армии, которая взяла его в плен, с ноября 1918 г. Оттуда же 1 февраля 1920 г. Крузе, с должности начальника отдела запасных частей при инспекторе пехоты, был командирован в Главное управление Генерального штаба²². Действительно, на тот момент Крузе уже почти два года находился на Урале и в Сибири. Документы в ту пору нередко составлялись со слов заявителя — осуществить проверку на местах было затруднительно. Не способствовали нормальному делопроизводству переходный период, связанный с расформированием фронтов, и общая разруха. Таким образом, Крузе мог просто выдумать свою службу в Красной армии в период с весны 1918 по начало 1920 г. С другой стороны, у него могли изначально иметься поддельные документы. В этом отношении можно предположить наличие у Крузе сообщника в оперативном отделе штаба 5-й армии,

²⁰ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 11.

²¹ Там же. Д. 1217. Л. 7, 23 – 23 об., 25 – 25 об., 32 – 32 об.

²² РГВА. Ф. 37976. Оп. 4. Д. 21661. П/с 121-777. Л. 2 об.

занимавшемся первоначальной работой с пленными. В списках личного состава оперотдела по состоянию на 1 января 1920 г. присутствует посыльный Николаев²³. Человек с такой же фамилией есть среди одноклассников Крузе по петербургской гимназии²⁴. Впрочем, подобные рассуждения относятся скорее к разряду спекуляций.

В дальнейшем Крузе сделал успешную карьеру в Красной (Советской) армии и вновь стал сначала полковником, а затем генералом. Он вышел в отставку лишь в феврале 1958 г., отдав военной службе без малого полвека. Примечательно, что манипулированием своими персональными данными Крузе занимался не только в годы Гражданской войны. К примеру, в личной карточке 1924 г. он утверждал, что по происхождению является «эстоно-белорусом»²⁵. Данный момент неслучайно появляется в документах во времена «коренизации», когда к «национальным кадрам» существовало особое отношение, при том что незадолго до этого Крузе в анкете называл себя «русским»²⁶. Вероятно, подобные случаи можно зафиксировать и на более поздних этапах его карьеры.

В целом, случай Аполлона Крузе достаточно типичен для своего времени. Во многом он был обусловлен уже существовавшей реальностью — прежде всего, несовершенством миграционного учета. В условиях неразберихи революционных лет сюда добавился ряд иных моментов. С одной стороны, представители элитных групп бывшей империи оказались куда меньшими патриотами «великой и неделимой России», чем это привыкли представлять. Бывшие бюрократы шли на службу в правительства, которые всего несколько лет назад сами назвали бы «сепаратистскими». Офицеры перетекали из Красной армии в Белую и обратно, и это меньше всего было связано с их политической позицией — напротив, ее заменяли личные амбиции и устремления. Вместе с тем, судьбу человека нередко определяло сочетание отдельных фактов и событий его биографии. В этом отношении «уникальность» Крузе состояла скорее в том, что ему удалось сформировать успешную жизненную траекторию дважды и всякий раз без последствий для себя.

²³ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1218. Л. 2.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12199. Л. 98.

²⁵ Ганин А. В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А. Я. Крузе. С. 51.

²⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 2. Д. 25860. П/с 25-919. Л. 6.

Приложение

№ 1

[Штамп: получено во Владимирском военном училище 5 июль 1910 Вх. № 1265]

Всепресветлейший Державнейший
Великий Государь Император Николай Александрович,
Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитейший
просит сын чиновника Аполлон Яковлевич *Крузе²⁷ о нижеследующем[:]

Имея желание поступить в военную Вашего Величества службу на правах вольноопределяющегося и поднося у сего, по описи, все требуемые на сей предмет законом документы, всеподданнейше прошу. К сему дабы повелено было сие прошение мое принять и меня, вышепоименованного, определить на службу в Петербургское военное училище юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда.

1910 2-е июля

К подаче подлежит начальнику Петербургского военного училища

Сие прошение писал сын чиновника А. Крузе
[К] прошению сына чиновника Аполлон Яковлевич Крузе руку приложил.

Жительство имею:

С.-Петербург

Васильевский Остров

5 линия

д. № 46, кв. 17.

1) Метрические свидетельство за № 56

2) свидетельство о приписке к призывному участку за № 4978

3) аттестат зрелости за № 692

4) свидетельство о нравственности за № 783

5) подписка

6) копия с паспортной книжки матери

²⁷ В оригинале подчеркнуто синим карандашом.

7) фотографическая карточка

Сын чиновника Аполлон Яковлевич Крузе²⁸

РГВИА. Ф. 409. П/с 284–760. Л. 197 – 197 об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Министерство народного просвещения
С.-Петербургский учебный округ
от гимназии Императорского человеколюбивого общества

Аттестат зрелости № 692

Дан сей сыну канцелярского служителя Аполлону Яковлевичу Крузе, православного вероисповедания, родившемуся декабря 14-го дня 1891 года, в том, что он, вступив в гимназию Императорского человеколюбивого общества 1-го сентября 1902 года, при отличном поведении, обучался по четвертое июня 1910 года и окончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания:

Наименование предметов гимназического курса	Отметки, выставленные в Педагогическом совете на основании § 74 правил об испытаниях учеников гимназий и прогимназий
Закон Божий	5
Русский язык и словесность	4
Философская пропедевтика	5
Латинский язык	3
Математика	4
Математическая география	4
Физика	4
Законоведение	5
История	4
География	4
Немецкий язык	5
Французский язык	5

²⁸ Все документы, кроме фотографии, находятся в деле и частично воспроизводятся ниже.

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130–132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года Устава гимназий и прогимназий.

С.-Петербург, июня 4 дня 1910 г.

Директор С. Лавров
Инспектор Ал. Соколов
Законоучитель протоиерей Павел Городцов
Священник И. Никитин

Преподаватели: Щепочинин, Г. Кунцевич, Е. Тарасов, И. Можайский, К. Коренев, В. Антропов, Н. Билибин, К. Парето, Мазюкевич, Н. Бажин, Вл. Мамай, П. Беюл.

Секретарь педагогического совета Вл. Сетков

РГВИА. Ф. 409. П/с 284-760. Л. 204 – 204 об., 209. Копия. Рукопись.

№ 3

Императорское человеколюбивое общество
Гимназия
Санкт-Петербург
Июня 16 дня 1910 г.
№ 783

Удостоверение

Дано сие от гимназии Императорского человеколюбивого общества окончившему курс названной гимназии в сем году Аполлону Крузе в том, что он, Крузе, во время пребывания в гимназии был поведения отличного, ни в чем предосудительном замечен не был, отличного благовоспитания и добронравия.

Удостоверение это выдано для представления в Николаевское инженерное и Михайловское артиллерийское училища.

Директор С. Лавров
За и.д. письмоводителя Ив. Агаев
[Печать]

РГВИА. Ф. 409. П/с 284-760. Л. 206. Подлинник. Машинопись.

№ 4

Подписка

Дана мною Петербургскому военному училищу в том, что в отношении меня не имеется опорочивающих обстоятельств, перечисленных в ст. 172 Устава о воинской повинности, а именно 1) под уголовным судом или следствием не состою 2) наказаниям, сопряженным с лишением права поступить на государственную службу, по судебному приговору не подвергался и 3) виновным по суду в краже и мошенничестве признаваем не был.

Сын чиновника Аполлон Яковлевич Крузе

[...] ²⁹ июля 1910

РГВИА. Ф. 409. П/с 284-760. Л. 205. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Краткая записка о службе и. д. начальника штаба 3 Степного Сибирского армейского корпуса полковника Апполона Крузе

16 июня 1919 г.³⁰

Родился в 1891 году 14-го декабря	
Вероисповедания православного	
Из граждан города Петрограда	
Окончил курс классической гимназии, Владимирское военное училище портупей-юнкером и академические курсы Императорской Николаевской военной академии	
Холост	
На службу вступил юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда во Владимирское военное училище	1 сентября 1910 года
Произведен в унтер-офицерское звание	1911 г.
Произведен в портупей-юнкера	1911 г.
По окончании полного курса Высочайшим приказом произведен в подпоручики в 91 Двинский полк	6 августа 1912 г.
Со старшинством	6 августа 1912 г.

²⁹ Пропуск в документе.

³⁰ Согласно учетной карточке, хранящейся в картотеке ГАРФ.

Командирован в гор[од] Петроград на гимнастическо-фехтовальные ³¹ курсы	января 1913 г.
Прибыл по окончании полного курса и вступил в командование 1-й ротой	1913 г.
Командирован в гор. Духовщину (Смоленской губ.) для обучения ратников государственного ополчения	апреля 1914 г.
Вступил в поход против Австро-Германии	августа 1914 г.
Ранен в бою под Краковом в нижнюю треть голени одна сквозная другая в ладышку ³² — разбиты кости	5 ноября 1914 г.
Прибыл по выздоровлении и вступил в командование 1 ротой на законном основании	февраля 1915 г.
Командующим 1 батальоном	марта 1915 г.
В бою у Волосато в Карпатах контужен разорвавшимся тяжелым артиллерийским снарядом: сотрясение всего организма, потеря чувственности правой стороны тела нервное подергивание правой стороны лица	6 апреля 1915 г.
Начальник команды разведчиков	августа 1915 г.
Командиром 1 роты	1915
Командиром 1 батальона	1915
Поручиком за выслугу лет	1916
Штабс-капитаном	1916
В бою у Лысковского леса под городом Вжежанами ³³ ранен осколком артиллерийского снаряда: кожное ранение лица и слепое ранение правого бедра	
За отличия оказанные в бою 22 сентября 1916 на Лысоне под гор. Бжежанами произведен в чин капитана со старшинством	23 сентября 1916 г.
Подлежал эвакуации, но по собственному желанию остался в строю	23 сентября 1916 г.
Командирован в Императорскую Николаевскую военную академию	23 октября 1916 г.
Окончил академические курсы Императорской Николаевской военной академии	1917 г.
Старшим адъютантом штаба 19-й Сибирской стрелковой дивизии	1 февраля 1917 г.

³¹ Так в документе.

³² Так в документе.

³³ Так в документе.

Вр.и.д. начальника штаба 19-й Сибирской стрелковой дивизии	1 февраля 1917 г.
Старшим адъютантом штаба 23-й пехотной дивизии	12 февраля 1917 г.
Вр.и.д. начальника штаба 23-й пехотной дивизии	12 февраля 1917 г.
Старшим адъютантом штаба 23-й пехотной дивизии	18 февраля 1917 г.
Вр.и.д. начальника штаба 23-й пехотной дивизии	10 мая 1917 г.
Старшим адъютантом штаба 23-й пехотной дивизии	18 мая 1917 г.
Начальником штаба 23-й пехотной дивизии	26 июня 1917 г.
Подполковником со старшинством (год старшинства за ранение)	22 сентября 1915 г.
За фактическое пребывание в чина подполковника и службу в Генеральном штабе, на основании приказа по В. В. № № 568 и 405, приобретает право на три года старшинства в чине подполковника. Представление же в чин полковника не состоялось в силу перехода власти большевикам и демократизации армии. Дабы закрепить за подполковником Крузе приобретенных прав до установления новых правил прохождения службы правительствами отдельных республик Российского государства вышеуказанное должно быть занесено в его послужной список, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. Командующий IX армией генерал-лейтенант Кильчевский. № 395	14 марта 1918 г.
Начальником 3-го организационного отделения штаба по формированию добровольческих частей Румынского фронта при управлении генерал-квартирмейстера Штарум	29 января 1918 г.
По демобилизации уволен в запас армии	14 марта 1918 г.
Прибыл и зачислен в старший курс Академии Генерального штаба	10 мая 1918 г.
Принял активное участие по свержению советской власти вступил в исполнение должности помощника коменданта гор. Екатеринбургa	25 июля 1918 г.
Командирован в штаб Чех[ословацких] войск на должность начальника штаба отряда Екатеринбургского района	августа 1918 г.

Назначен начальником штаба 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии	20 августа 1918 г.
Прибыл и вступил в и[сполнение] д[олжности] начальника штаба Западного отряда Сибирских правительственных войск	22 августа 1918 г.
И. д. начальника штаба 3-го Степного Сибирского армейского корпуса	5 января 1919 г.
Произведен в полковники со старшинством	3 декабря 1918 г.
Начальник штаба Южной группы войск Сибирской армии (3 и 4 Сибирские корпуса)	19 апреля 1919 г.
<p>За истекшую кампанию награжден: Георгиевским оружием, орденами: Св. Анны 4 ст. с надписью «За Храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и Св. Владимира 3-й степени с мечами и бантом.</p> <p>Имеет медали: в память Отечественной войны, 300-летия Дома Романовых и золотую медаль, пожалованную королем Черногорским³⁴.</p> <p>Участвовал в боях на реках Сане, Висле, Ниде, Золотой Липе, Серете, Стрыпе, в Карпатах на Ужемском³⁵ направлении, под Краковым³⁶, Сандомиром Тарнополем, Галичем, Бжежанами, Калишем³⁷ и Серетом.</p> <p>В наступлении 18-го июня 1916 года под гор. Бжежанами.</p> <p>В походе против советских войск. –</p>	

Командир 3 Степного Сибирского армейского корпуса
генерал-лейтенант [Вержбицкий]

Скрепил: дежурный штаб-офицер, штабс-капитан [неразборчиво]

РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 126. Л. 265–266. Подлинник. Машинопись.

³⁴ Вероятно, по случаю нахождения владимирцев в карауле Зимнего дворца 31 января 1912 г.

³⁵ Ошибка, правильно: Ужокском.

³⁶ Так в документе.

³⁷ Ошибка, правильно: Калуш.

№ 6

[Послужной список преподавателя тактики 1-й Петроградской пехотной школы Аполлона Яковлевича Крузе]
[Сентябрь 1922 г.]

1. Фамилия, имя и отчество		КРУЗЕ Аполлон Яковлевич
2. Когда родился и какой местности уроженец		1891 года декабря 15-го дня уроженец гор. Петрограда.
3. Образование	Общее	Окончил Петроградскую гимназию
	Военное: Какое военное, юнкерское училище, школу прапорщиков, инструкторские курсы окончил и когда	Владимирское военное училище в 1911 г. Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу в 1913 году.
	Какую Академию окончил и когда	Николаевскую Военную академию в 1918 году.
4. Знаки за боевые отличия		Георгиевское оружие, ордена: Св. Владимира 3 ст. с мечами и 4-й ст. с мечами и бантом, св. Анны 2 ст. с мечами ³⁸ , 3 ст. с мечами и бантом ³⁹ и 4 ст. с надписью «За храбрость» ⁴⁰ , св. Станислава 2 ст. с мечами ⁴¹ и 3 ст. с мечами и бантом ⁴² , французский воен[ный] крест с пальмовой веткой.
5. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей		Холост.
6. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно и в каком порядке		Не подвергался

³⁸ Высочайший приказ (ВП) 22.08.1916.

³⁹ ВП 14.06.1915.

⁴⁰ ВП 4.01.1915.

⁴¹ ВП 9.05.1915.

⁴² ВП 14.03.1915.

<p>Прохождение службы Когда поступил на службу и был произведен в первый офицерский чин, бывшее производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам, переводы и перемещения с одного места службы или должности в другую со ссылкой на документы, когда отправился и прибыл к новому месту службы</p>	
В службу вступил юнкером рядового звания во Владимирское военное училище	Год, месяц, число 1909 авг[уста] 31
Награжден знаком «За отличную стрельбу» 3-й степени	1910 июня 6
Произведен в портупей-юнкера	[1910] окт[ября] 27
Награжден знаком «За отличную стрельбу» 2-й степени	1911 июня 10
Окончил училище по 1-му разряду и произведен в чин подпоручика в 91-й пехотный Двинский полк	[1911] авг[уста] 6
Прибыл в полк и назначен младшим офицером 1-й роты	[1911] сент[ября] 8
Назначен вр. командующим 1-й ротой	1912 авг[уста] 8
Командирован для обучения ратников в город Духовщину, Смоленской губернии	1913 апр[еля] 4
Командирован в Офицерскую Гимнастическо-Фехтовальную школу	[1913] окт[ября] 21
Окончил Офицерскую Гимнастическо-Фехтовальную школу и назначен в полку инструктором по гимнастике	1914 мая 1
Произведен за выслугу лет в чин поручика	[1914] авг[уста] 6
Выступил в поход против австро-германцев	[1914] [августа] 8
Назначен начальником команды пеших разведчиков	[1914] сент[ября] 15
При атаке крепости Краков ранен двумя пулями (сквозная рана в нижнюю треть левой голени и в лодыжку ⁴³ с повреждением костей)	[1914] ноября 5
Награжден Георгиевском оружием за то, что в бою 5-го ноября 1914 года под Краковом по личной инициативе атаковал деревню Порованов-Иванов, выбил германцев из трех рядов окопов, захватил в плен 12 офицеров и 468 солдат и, будучи дважды ранен, не оставил поля сражения. Означенная атака позволила полку продвигаться вперед и занять новую позицию.	[без даты]

⁴³ Так в документе.

Назначен командующим 1-й ротой	1915 янв[аря] 9
Назначен командующим 1-м батальоном	1915 апр[еля] 5
В бою у деревни Волосате (Карпаты, Ужокский перевал) контужен разорвавшимся в земляке тяжелым снарядом, следствием чего явились подергивания правой стороны лица и потеря чувствительности всей правой стороны туловища	[1915] [апреля] 9
Произведен в чин штабс-капитана	[1915] авг[уста] 15
Командирован в Николаевскую Военную академию	[1915] сент[ября] 5
Окончил младший класс Николаевской Военной академии	1916
Ранен при атаке Лысонского леса под городом Бржежанами (слепое ранение правого бедра и кожное правой стороны лица) Подлежал эвакуации, но по собственному желанию остался в строю	[1916] сент[ября] 22
Произведен за боевые отличия в чин капитана	1916 сент[ября] 22
Произведен за ранения в чин подполковника со старшинством с	[1916] [сентября] 23
Назначен вр. командующим полком	[1916] [сентября] 24
Старшим адъютантом штаба 23-го пехотного дивизиона ⁴⁴	1917 февр[аля] 10
Начальник штаба 23-го пехотного дивизиона	[1917] июня 15
За службу по Генеральному штабу произведен в чин полковника	[1917] окт[ября] 3
Назначен Начальником Организационного отдела при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Румынского фронта	[1917] [октября] 10
Переведен в Генеральный штаб	1918 марта 1
Командирован в старший класс Николаевской Военной академии	[1918] апр[еля] 21
Назначен для поручений при Управлении укрепленного Корельского района	[1918] марта 10
Командирован в штаб 3 армии и назначен для поручений	[1918] июля 15

⁴⁴ Ошибка, правильно: дивизия.

Назначен начальником штаба Особого Северного Отряда 3-й армии	[1918] окт[ября] 16
Командирован в штаб 5-й армии и прикомандирован к инспекции пехоты	[1918] ноября 20
Назначен начальником отдела запасных частей при инспекторе пехоты 5-й армии	1919 апр[еля] 6
Командирован в Главное управление Генерального штаба	1920 февр[аля] 1
Главным управлением Генерального штаба командирован в Главное управление военно-учебных заведений	[1920] апр[еля] 1
Приказом по военно-учебным заведениям РСФСР 1920 года за № 83 назначен на должность штатного преподавателя тактики на 5-е пехотные Петроградские командные курсы	[1920] [апреля] 3
Прибыл на курсы, приказ № 114 § 1	[1920] [апреля] 20
Приказом РВСР 1920 г. № 672 курсы переименованы в Полтавские пехотные командные курсы	[1920] [апреля] 27
Приказом РВСР 1920 г. № 1227 курсы переименованы в 29-е Полтавские командные курсы	[1920] июня 29
Приказом по военно-учебным заведениям РСФСР 1920 г. № 234 назначен на должность заведывающего учебной частью	[1920] [сент]ября 1
Вступил во вр. и. д. заведывающего курсами. Приказ № 283 § 1.	[1920] окт[ября] 2
Сдал должность заведывающего курсами. Приказ № 297 § 2.	[1920] [октября] 15
При рекогносцировке местности для маневров был захвачен бандитами в селе Перещепине Полтавского уезда и подвергнут истязанию и избиению, результатом чего явилось повреждение конечностей. Приказ по вуз Украины 1920 г. № 138 § 1 и по курсам № 332 § 3.	1920 ноября 7
Командирован в Укрувуз. Приказ № 127 § 5.	1921 апр[еля] 12
Возвратился из командировки. Приказ № 141 § 5.	[1921] [апреля] 23
Командирован для ознакомления с постановкой военно-учебного дела в военно-учебных заведениях г.г. Москвы и Петрограда. Приказ № 149 § 6.	[1921] [апреля] 26

Приказом РВСР 1920 г. № 2900 курсы переформированы в 14-ую пехотную Полтавскую школу командного состава с	[1921] мая 1
Возвратился из командировки	[1921] [мая] 18
Приказами по вуз Украины 1921 г. № 123 и по вуз Киевского военного округа 1921 года № 29 назначен на должность начальника школы	[1921] [мая] 20
Назначен главным руководителем по тактике, топографии и фортификации с оставлением в занимаемой должности. Приказ № 281 § 3.	1921 [сент]ября 16
Выдающаяся организация и умелое руководство маневрами отмечены приказом вуз Украины № 275	[1921] окт[ября] 5
Командирован в штаб командующего всеми вооруженными силами на Украине и в Крыму. Приказ № 309 § 5.	[1921] [октября] 14
Возвратился из командировки. Приказ № 312 § 2.	[1921] [октября] 17
За достигнутые результаты в деле обучения и воспитания курсантов и проявленную энергию в постановке хозяйственной и административной части школы приказом по вуз КВО № 143 объявлена благодарность	1921 ноября 19
За усердную работу в деле организации школы Президиумом Полтавского губисполкома награжден золотыми часами с надписью «За усердную службу советской власти». Приказ по школе № 17.	1922 янв[аря] 11
Приказом по вуз Украины и Крыма № 13 назначен для участия в военной игре для старшего комсостава вуз Харьковского и Киевского военных округов в качестве начальника штаба дивизии от Киевского военного округа	[1922] [января] 11
Убыл в гор. Киев для участия в окружной конференции вуз. Приказ № 16 § 1.	[1922] [января] 21
Возвратился с конференции и вступил в исполнение своих обязанностей	[1922] февр[аля] 6
Сдал должность начальника школы, исключен из списков школы и временно оставлен в прикомандировке к школе Приказ № 144 § 1.	[1922] июня 24

Приказом вуз Украины и Крыма за № 205 освобожден от занимаемой должности начальника школы с откомандированием в распоряжение Петроградского окружного управления вуз	[1922] [июня] 28
Отбыл к новому месту службы и исключен из числа прикомандированных к школе	1922 авг[уста] 8
Прибыл в 1-ю Петроградскую пехотную школу и зачислен на должность штатного преподавателя по тактике	1922 авг[уста] 23

Начальник школы: Е. Казанский

Ад'ютант школы: [неразборчиво]

РГВА. Ф. 37976. Оп. 4. Д. 21661. П/с 121–777. Л. 2–4. Копия.

Машинопись.

Источники

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14, 19.

Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф. 409, 2705.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 185, 37976, 40215.

Литература

Ганин А. В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А. Я. Крузе // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие / отв. редактор Д. И. Петин. Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 50–57.

References

Ganin A. V. Kolchakovskii general s ordenom Lenina: rekonstruktsiia biografii A. Ia. Kruze. *Grazhdanskaia voina na vostoke Rossii: vzgliad skvoz' dokumental'noe nasledie*, ed. Petin D. I. Omsk, Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2021, pp. 50–57. (In Russ.)

Igor I. Barinov

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: ingobarinov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Apollon Kruse (1891–1967): a Sketch of the Early Period of His Life

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.07

Abstract: This article examines the early period of the life and career of the Russian and Soviet military man Apollon Kruse, who became a general first in the White and then in the Red Army and escaped every kind of repression. During the Revolution of 1917, Kruse, like many other career officers of the Russian Imperial Army, faced the problem of further professional development. Contrary to popular belief, for a significant number of the officers, military service in one or another post-imperial army was primarily associated with the maintaining of the elite status and gaining new career opportunities. Traditionally, apolitical behaviour of the officers and their commitment to specific corporatism principally allowed them to switch from one army to another one without difficulty. The trajectory of their service was determined by their personal characteristics (first of all, their origin and worldview). These circumstances in particular gave rise to a whole range of identities that could change, depending on the situation. Kruse's example highlights the evolution of a former tsarist officer and suggests a new approach towards the nature of conformity in his elite group. The article is based on previously unknown archival documents.

Keywords: Apollon Kruse, Russian Imperial Army, White Army, Red Army

Елена Юрьевна Борисёнок

доктор исторических наук
заведующая Отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

«Посещение курсов обязательно для всех...»: опыт аппаратной украинизации 1920-х годов

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.08

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности функционирования курсов по изучению украинского языка в Украинской ССР в период украинизации 1920-х гг. Несмотря на большой список работ по истории советской национальной политики на Украине, повседневная практика украинизации изучена недостаточно. Цель статьи — проанализировать особенности политики украинизации в отношении русскоязычных сотрудников государственных учреждений и предприятий республики, выявить организационные формы и методы обучения их украинскому языку, определить формат предлагаемых на курсах знаний в области украиноведения. Основное внимание в статье уделяется характеристике принятых постановлений, инструкций и методических указаний, регламентирующих форму и деятельность курсов по изучению украинского языка и украиноведению, методику преподавания, порядок проведения экзаменов. Исследование показало, что курсы должны были обеспечить знание украинского языка сотрудниками различных организаций, что было необходимо для перевода делопроизводства на украинский язык, который был выбран руководством республики «для официальных сношений» как язык подавляющего числа населения УССР. Одновременно курсы давали слушателям представление об «украинском вопросе», украинской литературе и истории. Республиканские власти за достаточно короткий срок рассчитывали заставить чиновников перейти на язык титульной нации, прибегая к жесткому административному нажиму. В постановлениях и распоряжениях харьковского руководства постоянно фигурировал пункт об увольнении тех, кто не желал украинизироваться.

Ключевые слова: украинизация, курсы по изучению украинского языка, проверка знаний украинского языка, УССР

История советской коренизации является одной из самых популярных тем в современной украинистике. Однако, несмотря на большой список работ, написанных на эту тему с начала 1990-х гг.,

до сих пор не только ощущается недостаток обобщающих монографических исследований, но и существуют некоторые лакуны в исследовании проблемы. Одна из них связана с изучением повседневной практики украинизации. В настоящей статье предлагается обратить внимание на такую актуальную ее сферу, как функционирование курсов по изучению украинского языка в УССР.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) большевистское руководство обратило внимание на необходимость укоренения советской власти в союзных республиках. Как подчеркнул И. В. Сталин, следовало «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной», для чего было необходимо, чтобы «все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»¹. Развернувшаяся после съезда политика украинизации (так именовался региональный вариант коренизации) предусматривала протекционистские меры в отношении языка титульной нации: украинский определялся как язык подавляющего числа населения и избирался «в качестве преимущественного для официальных сношений»².

Действительно, несмотря на преобладание украинцев среди населения бывшей юго-западной части Российской империи, украинский язык пока еще занимал доминирующее положение преимущественно в сфере повседневного общения сельского населения. Города, особенно крупные, были центрами распространения русского языка и культуры. В 1926 г. среди населения УССР русские составляли 9,2%, а украинцы — 80%, однако последние оказались наименее урбанизированной национальной группой: в городах проживало только 11% их общей численности, тогда как русских — 50%, а евреев — 77%³. Хотя двое из трех грамотных украинцев умели читать на родном языке, в городских районах этот показатель

¹ Сталин И. В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М., 1947. С. 257.

² Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435.

³ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 71, 76–77.

снижался до 57 %, а в Донбассе чуть больше трети украинцев утверждали, что умеют читать и писать на родном языке⁴. Во многом это объяснялось его низким лингвистическим статусом в Российской империи, тем более что массовой школы на украинском языке до революции не существовало, а украинские крестьяне, попадая в город, русифицировались. Как подчеркивает Л. Т. Масенко, интенсификация контактов между украинским селом и русифицированным городом в конце XIX — начале XX в. приводила к распространению суржика⁵. Только в революционный период украинский язык начал активно проникать в официально-деловую сферу, науку, образование, периодическую печать. В такой ситуации не удивительно, что учреждения Советской Украины, особенно расположенные в крупных городах, столкнулись с нехваткой кадров, хорошо знающих украинский язык: и накануне украинизации только 35 % государственных служащих были украинцами, а госаппарат функционировал по-русски⁶.

Активное обучение советских служащих украинскому языку началось через два года, с назначением в Харьков Л. М. Кагановича. До этого времени выполнение принятых на самом высоком уровне решений оставляло желать лучшего, и украинизация проводилась во многом «на бумаге». На апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 г. А. Я. Шумский, нарком просвещения Украины, вынужден был признать, что «стоящая во главе советского аппарата партийная верхушка не украинизировалась», а «для украинизации того или иного советского органа приглашается в качестве переводчиков какой-нибудь Петренко, Карпенко или Ковбаса, который и переводит на украинский язык все то, что входит в свет из недр данного учреждения»⁷. Действительно, накануне вышеупомянутого украинского пленума организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б) констатировал, что «в Киеве произведенная проверка знаний украинского языка показала, что в 26 учреждениях из 6000 сотрудников знают украинский

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і язиком. Київ, 2011. С. 16–17.

⁶ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 141–142.

⁷ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 44 об.

язык лишь 28%»⁸. Харьковское руководство постоянно фиксировало проявления «великодержавных» настроений. В материалах к апрельскому пленуму 1925 г. говорилось, что многие ответственные работники, «из тех, кто были перекинута на Украину из РСФСР», считали украинизацию петлюровщиной, контрреволюцией. «Несерьезное» отношение к украинизации присутствовало в одесской парторганизации, среди партийцев Петровского района, Луганского и Зиновьевского округа⁹. Специалисты, особенно работавшие в хозяйственных учреждениях УССР, нередко говорили о том, что «в случае давления они бросят работу на Украине и переедут в Москву»¹⁰.

Новый глава КП(б)У, будучи верным приверженцем Сталина, приступил к укреплению власти своего патрона за счет аппаратной украинизации. Последняя предусматривала не только обновление партийного и советского аппаратов за счет выдвижения новых украинских кадров, но и обучение украинскому языку «старых» работников. При этом Каганович показал личный пример в овладении украинским языком.

В литературе Л. М. Кагановича нередко именуют «евреем с Киещины»¹¹, «украинским евреем»¹² и «русифицированным евреем»¹³. Р. Медведев, упоминая о том, что «Каганович настойчиво требовал выучить украинский язык», замечает: «Сам он владел им свободно (возможно, с детства), делал на украинском доклады»¹⁴. Однако в данное утверждение известного публициста следует внести уточнение. Проверка конца 1926 г. показала, что из 45 членов ЦК КП(б)У украинским языком владели 14 человек, а Каганович был аттестован как слабо знающий язык¹⁵. Терри Мартин обращает внимание, что уроженец деревни Кабаны Радомысльского уезда Киевской губернии «говорил по-украински с примесью белорусских слов». «И хотя

⁸ Справка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о ходе украинизации партийного и государственного аппаратов в УССР 2 апреля 1925 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. М., 2005. С. 275.

⁹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 65–66.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ *Шатовал Ю. І.* Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів, 2017. С. 121.

¹² *Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 338.

¹³ Там же. С. 341.

¹⁴ *Медведев Р. А.* Они окружали Сталина. М., 2012. С. 64.

¹⁵ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 64.

Каганович по прибытии на Украину в 1925 г. слабо владел украинским языком, он сразу же встретился с представителями украинской интеллигенции и заговорил с ними на их родном языке, — подчеркивает американский ученый. — Кроме того, он пообещал выучить украинский язык так, чтобы уже на следующем съезде партии выступить по-украински (в 1925 г. ему не удалось выполнить это обещание, но уже на следующем съезде, в 1927 г., он по-украински говорил)¹⁶.

Сам Каганович в беседе с Ф.И. Чуевым вспоминал: «Мы жили в деревне Кабаны. Триста дворов. И еврейская колония — шестнадцать семей. Остальные украинцы, белорусы. Смешивались с белорусами. Про коня говорили не “кинь”, как украинцы, а “кунь”, вол был не “вил”, а “вул”...»¹⁷ В своих «Памятных записках» Лазарь Моисеевич упоминал, что в деревне Кабаны «по-русски, точнее суржиком, то есть в смеси украинского с русским, говорили и понимали все»¹⁸. Во время учебы в школе в селе Мартыновичи Каганович «особенно налегал на историю, русский язык и литературу»¹⁹. Впрочем, Лазарь Моисеевич говорил по-украински в основном тогда, когда было необходимо продемонстрировать его знание. О возможностях и предпочтениях главы коммунистов Украины можно судить из его слов на выпускном собрании курсов окружных работников в июле 1928 г. Каганович говорил о необходимости изучения чиновниками украинского языка исключительно по-русски, и на просьбу с места говорить по-украински он заявил: «Я сегодня не выступаю по-украински исключительно потому, что страшно устал и голова болит... Я украинский язык знаю, но не настолько, чтобы думать по-украински»²⁰. Поэтому Каганович с особой гордостью вспоминал, что на X съезде КП(б)У в 1927 г. он делал отчет на украинском языке, «что, в частности, получило политическое значение и отзвуки»²¹.

¹⁶ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 123.

¹⁷ *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 106.

¹⁸ *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 159.

²¹ *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 387.

Отношение к украинскому языку должно было продемонстрировать серьезность намерений главы республиканской парторганизации. Обучение чиновников языку титульной нации стало ведущим трендом в политике коренизации 1920-х гг. Вскоре после прибытия Кагановича в столицу Советской Украины, 17 апреля 1925 г., политбюро ЦК КП(б)У обсудило вопрос «О конкретных мероприятиях по проведению постановлений пленума ЦК об украинизации». Харьковское руководство решило сосредоточить внимание как на выдвижении «работников из украинцев, в первую очередь, рабочих и крестьян», так и на обучении партийных и советских работников, советских служащих различных рангов украинскому языку. Среди важнейших мероприятий значилось «улучшение постановки существующей сети курсов, в первую очередь для партаппарата сверху до низу»²². Была поставлена амбициозная цель — обучить служащих украинскому языку за оставшиеся месяцы 1925 г. 30 апреля ВУЦИК и СНК УССР опубликовали постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство надлежало не позднее 1 января следующего года, причем «сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия»²³. Следует сразу оговорить, что достичь поставленной цели не удалось, и срок завершения украинизации аппарата был перенесен сначала на 1 января 1927 г., а позднее — на 1 июня 1929 г.²⁴

Однако в 1925 г. республиканские лидеры были полны энтузиазма, и созданная Комиссия политбюро ЦК КП(б)У по украинизации предложила наркоматам и центральным учреждениям республики «организовать при учреждениях курсы украинского

²² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 18.

²³ Про заходи термінового проведення повної українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Вид. 1. № 26 Арт. 202. О проблеме увольнения служащих в период украинизации подробнее см.: Борисёнок Е.Ю. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2015. № 3. С. 17–28.

²⁴ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

языка»²⁵. Языковые курсы не были нововведением Лазаря Моисеевича. О необходимости их существования в УССР говорили уже несколько лет. Так, 21 сентября 1920 г. украинский Совнарком поручил Наркомпросу республики организовать в губернских центрах и на местах «вечерние школы для изучения украинского языка советскими служащими»²⁶. В 1921 г. Наркомпрос, в свою очередь, предложил ввести украиноведение в качестве обязательного предмета в совпартшколах, политпросветкурсах, учреждениях по подготовке политсостава, а для политработников высшего звена, кто «не мог уделять изучению украиноведения много времени» — организовать краткосрочные курсы²⁷. После объявления XII съездом курса на коренизацию в республиканских партийных и советских документах постоянно говорилось об украинском языке и украиноведении. Например, в постановлении июньского пленума ЦК КП(б)У 1923 г. речь шла о необходимости пересмотреть программы совпартшкол и школ политграмоты в сторону увеличения часов украиноведения — украинского языка, литературы, истории и экономической географии Украины²⁸. Постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» от 1 августа 1923 г. содержало пункт о том, что граждане, не владеющие обоими наиболее распространенными языками (то есть украинским и русским. — *Е.Б.*), не могут быть приняты на службу в государственное учреждение, а те, кто уже работает — должны выучить в течение года²⁹.

Однако при прежнем главе республиканской парторганизации курсы работали достаточно вяло. Как значилось в выпущенной в 1925 г. в Харькове брошюре под названием «Украинизация советских учреж-

²⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 97.

²⁶ Про введення української мови в школах і радянських установах. Постанова РНК УСРР від 21 вересня 1920 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і радянського уряду 1917–1959 р.: у 2 т. Збірник документів. Т. 1: 1917–1941. Київ, 1959. С. 72.

²⁷ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття) // Історико-педагогічний альманах. 2018. № 1. С. 23.

²⁸ Про заходи по здійсненню резолюції XII з'їзду з національного питання в галузі партійної роботи. Постанова Пленуму ЦК КП(б)У від 22 червня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1: 1917–1941. С. 230.

²⁹ Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови. Постанова ВУЦВК і РНК УСРР від 1 серпня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1: 1917–1941. С. 246–247.

дений (декреты, инструкции и материалы)», курсы при учреждениях существовали уже 4–5 лет, причем «потрачено на них сотни тысяч рублей государственных денег, а итоги имеем незначительные». Объяснялось это как «оторванностью» служащих «от украинских рабочих и крестьян», русифицированностью города, несознательным отношением к украинизации, так и отсутствием «твердых организационных форм инспектуры и методического руководства украинизацией»³⁰. Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции признавал, что «курсы по украинизации были чересчур краткосрочны, в среднем не больше 3–4 месяцев», причем «повторные, высшего типа, курсы (2-й степени) — только на Киевщине». «За такой краткий срок не могло быть удовлетворительного изучения языка»³¹, — делал вывод заведующий секцией культуры и образования НК РКИ Калужный.

16 июля 1925 г. было принято очередное постановление, озаглавленное «О практических мерах по украинизации советского аппарата». Руководить аппаратной украинизацией должна была Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата во главе с председателем украинского Совнаркома В.Я. Чубарем. При всех учреждениях создавались специальные комиссии, которые должны были проверять знание украинского языка сотрудников, организовывать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончания³². Методологическое и инспекционное руководство курсами возлагалось на подотделы украиноведения и ликвидации украинской неграмотности при отделе ликбеза Главполитпросвета и при инспектурах ликбеза округов. Подотделы вели учет преподавателей курсов, проверяли их квалификацию, разрабатывали программу обучения на курсах, участвовали в проверке знаний учащихся и выдавали удостоверения³³.

³⁰ Чергові завдання п/відділів ліквідації української неписьменности // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). Харків, 1925. С. 24.

³¹ Попередні висновки секції культури і освіти НК РСІ УСРР про обстеження стану українзації. Не пізніше листопада 1925 р. // Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1994. С. 128.

³² Про практичні заходи по українзації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 56. Арт. 332.

³³ Положення про підвідділи українознавства та ліквідації української неписьменности при відділах лікнепу голов та окрполітосвіти // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 11.

Центральная комиссия по украинизации утвердила Положение о курсах изучения украинского языка. В учреждениях такие курсы следовало организовать не позднее 1 августа³⁴. Их слушатели (курсанты) должны были не только научиться говорить и писать по-украински («правильное произношение, навыки письма, запас слов, умение выразить мысль на украинском языке, а также усвоение законов украинского языка — грамматики»), но и познакомиться «с элементами украиноведения». Курсы были предназначены для двух категорий: «а) для лиц, которые совсем не владеют украинским языком, или знают его неудовлетворительно; понимают язык, владеют элементарным минимумом слов и выражений, но не могут писать, или пишут неграмотно с грамматической и синтаксической стороны; б) для лиц, которые более-менее владеют украинским языком, но нуждаются в более глубоком знании его (умеют вести беседу на украинском языке, читать, писать, но с ошибками, — главным образом синтаксического характера)»³⁵. «Посещение курсов обязательно для всех, как технических, так и ответственных работников...»³⁶ — подчеркивалось в документе. Для первой категории слушателей (то есть для тех, кто совсем не знал языка) устанавливался срок обучения в пять месяцев, три раза в неделю по два академических часа, а для второй (для тех, кто знал плохо) — три месяца, также три раза в неделю по два академических часа. Преподавателей для учебных групп (по 30 человек каждая) подбирали то или иное учреждение, а инспектура ликбеза в обязательном порядке утверждала кандидатуры. Особо оговаривалось, что назначение преподавателей на курсы должно было проводиться за счет самого учреждения³⁷. Преподаватели, нагрузка которых составляла 18 учебных часов в неделю, вели дневник обучения и посещения курсов, причем еженедельно докладывали заведующему курсами о количестве учебных часов, объеме пройденной программы и о посещении слушателей³⁸. После окончания курсов преподаватели оценивали знания каждого слушателя, составляли общий

³⁴ Положення про курси вивчення української мови в державних та громадських установах і організаціях // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 14.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 15.

отчет для заведующего курсами, и уже по докладу последнего комиссия по украинизации устанавливала, «к какой категории следует отнести того или иного сотрудника». Таких категорий было три. К первой относились те, кто полностью овладел украинским литературным языком; ко второй — те, кто усвоил язык в пределах, необходимых для повседневного общения в учреждении; к третьей — те, кто не смог овладеть языком в достаточной степени. Если тот или иной сотрудник не был доволен выставленной оценкой, он мог потребовать провести отдельный экзамен с участием комиссии по украинизации и представителя инспектуры ликбеза Наркомпроса³⁹.

11 августа 1925 г. глава Наркомпроса Советской Украины А. Я. Шумский утвердил программу обучения для курсов. Первый раздел программы был посвящен украинскому языку. Слушатели должны были получить общие сведения: «о происхождении украинского языка, его место среди других славянских языков, разделение на наречия, о современном литературном украинском языке и его отношении к народному, о территориальном распространении украинского языка»⁴⁰. При изучении украинской фонетики следовало уделить внимание таким ее особенностям, как «смена *e*, *o* на *i* в закрытых слогах, отвердение губных, явления благозвучности — смена *i*, *y* на *й*, в после гласных и наоборот, отсутствие акания в укр[аинском] языке и т. д.». Знакомясь с морфологией, слушатели должны были изучить такие особенности, как формы звательного падежа у существительных, дательный мужского рода на *ові, еві*, смягчение звуков *z*, *k*, *x*, формы местоимений, числительных, глаголов, формы будущего времени на *му*, давнопрошедшее время, повелительное и условное наклонение, причастия и деепричастия и т. д. Наконец, преподаватели должны были обратить внимание слушателей на безличные обороты в украинском языке, распространенное употребление родительного падежа, познакомить с типичными фразеологическими оборотами⁴¹.

Второй раздел программы был посвящен знакомству с украинской литературой. В списке оказались произведения как

³⁹ Там же.

⁴⁰ Програма української мови для курсів українознавства по державних установах УСРС на 1925 рік // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 16.

⁴¹ Там же.

дореволюционных «лучших украинских писателей» (П. П. Гулак-Артемовский, Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, И. С. Нечуй-Левицкий, Иван Франко, М. М. Коцюбинский и др.), так и современных (В. К. Винниченко, П. Г. Тычина, В. Н. Сосяра, В. Л. Полицук, Г. М. Косынка, С. В. Пилипенко, Остап Вишня и др.)⁴². Кроме того, предусматривалось знакомство «с публицистическим современным языком» периодических изданий («Вісти», «Селяньска правда», «Радянське село» и др.)⁴³.

В список справочной литературы вошли учебники и учебные пособия по украинскому языку А. Н. Синявского, Н. Д. Гладкого, Н. К. Грунского и Г. А. Сабалдира, Е. Б. Курыло, К. Т. Нимчинова. В списке также значились изданные в 1925 г. ВУАН «Главные правила украинского правописания», несколько украинско-русских и русско-украинских словарей, хрестоматии и книги для чтения, а также очерки по истории украинской литературы (В. Д. Коряка, А. К. Дорошкевича и др.)⁴⁴.

Как следовало из методической записки к программе украинского языка, курсы призваны были «ликвидировать украинскую неграмотность среди служащих учреждений и организаций», помочь овладеть украинским разговорным языком «с правильным произношением», увеличить лексический запас и познакомить с профессиональной терминологией, то есть на таком уровне, который удовлетворял бы «потребности их труда и жизни». Одновременно республиканские власти рассчитывали «вызвать интерес к украинской культуре» у служащих, помочь разобраться в общественных и бытовых явлениях «как современной, так и прежней Украины»⁴⁵. Как верно заметила Л. И. Епик, «с точки зрения советской власти, украинизированным мог считаться государственный служащий только тогда, когда он овладел не только основами украинского языка, но и получил начальные знания по истории, географии

⁴² Там же. С. 16–17.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Там же. С. 17–18. Об учебниках периода украинизации см. подробнее: *Останчук О. А.* Учить по-новому: украинский язык в учебниках эпохи украинизации // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века). М., 2021. С. 304–328.

⁴⁵ Методична записка до програми української мови для курсів українознавства по державних установах УСРР на 1925 р. // Українізація радянських установ (декрет, інструкції і матеріали). С. 19.

Украины и украинской литературе». Постепенно даже изменилось название курсов, которые стали именоваться «курсами украиноведения»⁴⁶.

Таким образом, задачи курсов были весьма обширными. Разработчики программы понимали, что ограниченное время и возможности «не позволяют разделить работу на курсах на отдельные дисциплины — на язык, литературу, историю, этнографию, географию и т. п.». «Все формы работы на курсах состоят из чтения образцов украинского литературного языка в его различных областях, живой беседы на украинском языке по поводу читанок и для более полного понимания прочитанного, а также соответствующих письменных работ. Вопросы экономические, исторические, географические, этнографические — это только эпизодический материал для социологического освещения прочитанного литературного произведения, это вопросы, вызываемые прочитанным литературным материалом»⁴⁷, — говорилось в методической записке. Подбор литературно-художественных и публицистических произведений, тем для бесед, материалов для письменных работ зависел от фактического состава слушателей, характера их работы и сферы деятельности⁴⁸. Во время каждого занятия должны были применяться «все основные методические элементы работы — пересказ, чтение, беседа, рассказы и письмо»⁴⁹. Вместо лекций преподавателям предлагалось использовать беседу, «когда активное участие в проработке материала принимает весь коллектив»⁵⁰. Кроме того, рекомендовались такие методы обучения, как устные и письменные доклады и рефераты, литературные суды с ведением протоколов, устная газета, конференции, экскурсии⁵¹. Предусматривалось также «составление образцов деловых бумаг, писем в соответствии с интересами и работой курсантов»⁵², а также «знакомство с украинской терминологией советского аппарата и с терминологией

⁴⁶ *Єшик Л.І.* Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 20. С. 10.

⁴⁷ Методична записка до програми української мови для курсів українознавства по державних установах УСРР на 1925 р. С. 19.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 20.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 20–21.

⁵² Там же. С. 20.

делопроизводства»⁵³. Преподаватели должны были обратить внимание на «правильное использование украинских слов, обозначающих абстрактные понятия (например, соответствующие русским: “обращение, событие, опровержение, влияние” и т. п.); на ясное понимание курсантами фразеологических особенностей украинского языка, что должно избавить их от вредных русизмов как в отдельных словах, так и в словосочетаниях»⁵⁴.

В харьковской прессе 1920-х гг., как указывает К. В. Шпакович, весьма распространенными стали рубрики «курсы по ликвидации украинской неграмотности», «курсы украинского языка», а затем — «курсы по украиноведению». Так, 6 июля 1926 г. в газете «Вісті ВУЦВК» было напечатано следующее объявление: «В Харькове начинают работать государственные курсы украинского языка и украиноведения для повышения знаний сотрудников учреждений. Курсы продлятся 3–5 месяцев. 15 мест на курсах будут бесплатными, остальные платные»⁵⁵. Как пишет Т. Ю. Горбань, в 1927 г. были созданы государственные заочные курсы украиноведения, ориентированные в основном на рабочих и крестьян, но ставшие удобной формой получения знания для учителей, служащих госучреждений, работников общественных организаций. Слушатели могли или посещать полный курс украиноведения, или ознакомиться только с одной из его составляющих — историей, литературой, культурой. На базе курсов действовали консультационные пункты в учреждениях и предприятиях. Программы и учебные планы разрабатывала созданная годом ранее, в 1926 г., научно-методическая комиссия при украинском Наркомпросе⁵⁶. Курсы работали как в центре, так и на местах, а для преподавателей проводились спецсеминары, которые до конца 1920-х гг. «оставались постоянной формой организованной подготовки и переподготовки преподавателей украиноведения для системы внешкольного образования»⁵⁷. Подготовка лекторов для курсов была насущной необходимостью в условиях развернувшейся

⁵³ Там же. С. 22.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Шпакович К. В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40. С. 112.

⁵⁶ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття). С. 26.

⁵⁷ Там же. С. 26–27.

украинизации. Обучали украинскому языку самые разные люди. Лучшими преподавателями считались учителя школ и студенты педагогических вузов. Кроме того, отдельную категорию составляли литераторы и интеллигенция. Харьковская пресса писала, что украинский язык преподавали люди, знавшие украинский язык, поскольку «выросли в селе и много читали», но «научно никогда его не изучали», а также оказавшиеся в УССР галичане⁵⁸. В 1927 г. о курсах украинского языка и украиноведения информировала читателей харьковская газета «Культура і побут»: на государственных курсах для 20–30 лекторов проводились семинары по национальной политике советской власти, физическим и экономическим характеристикам Украины, истории Украины, истории украинской литературы, украинского искусства и системе образования в УССР. Эти курсы предназначались для систематизации и повышения имеющихся знаний⁵⁹. Подобные объявления размещались и в местных изданиях. Например, газета «Диктатура труда», орган Сталинского окружного комитета КП(б)У, в июне 1927 г. сообщала о создании пяти- и трехмесячных курсов⁶⁰.

Как указывает украинский историк И. А. Дмитрик, «порядок и формы языковых курсов, методика проведения экзаменов с целью проверки уровня знаний регламентировались на общенациональном уровне, но местные власти и партийные ячейки адаптировали рекомендуемые нормы к собственным нуждам, опираясь на оценку насущности задач и имеющиеся ресурсы»⁶¹. О примерном содержании местных программ можно судить по учебным материалам курсов Конотопа. Местным служащим для изучения украинского языка отводилось 70 лекций, из них на фонетику приходилось 15 лекций, на словообразование и синтаксис — по 10 лекций, на практическую работу (главным образом по делопроизводству) — 10 лекций и 25 — на чтение⁶². Образцы деловых бумаг следовало брать в канцеляриях

⁵⁸ Шпакович К. В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років. С. 113.

⁵⁹ Там же. С. 115.

⁶⁰ Дмитрик І. О. Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини) // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2019. № 42, т. 1. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Єтик Л. І. Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. С. 13. Документ не датований.

окрисполкома, райисполкома или учреждения, с которым были связаны курсанты. «Учитывая же то, что в делопроизводстве долго еще будет ощущаться влияние русских образцов, а служащие будут в большинстве лишь переводчиками их, необходимо практиковать на курсах переводы с русского языка на украинский»⁶³, — говорилось в программе курсов.

Изучению истории литературы на курсах Конотопа отводилось 5 лекций. Темой первой лекции были «общие обстоятельства, в которых развивалась украинская литература (тяжелым путем)», в том числе: «Язык и характер древней литературы времен Киевского государства. Культурный упадок на протяжении XIV–XV вв. Что дала литература XVII–XVIII вв. (повести, драмы, стихи). Народолюбие и демократическая литература на рубеже между XVIII и XIX вв. Ее представители. Расцвет литературы в 1863 г. Рост украинства и 1876 г. От 1876 до 1905 г. Значение революции 1905 и 1917 г. для украинской литературы». Вторая лекция отводилась Т. Г. Шевченко, третья — Ивану Франко (он именовался в программе «Шевченко Галичины») и Б. Д. Гринченко, четвертая — Лесе Украинке, М. М. Коцюбинскому и В. К. Винниченко. Темой последней лекции была современная литература: «Социально-политическое содержание революционных событий 1917 г. Влияние революции на литературу. Поэты-символисты (Тычина, Загул, Савченко, Слисаренко), группа — Хвылевой, Сосяра, Иогансен, Алан, Чумак. Поэты-футуристы с Семенко во главе; поэты-неоклассики (Рыльский, Кобылянский), импрессионисты — Ивченко, Подмогильный, Михайличенко, Косынка»⁶⁴.

Программа по истории включала шесть пунктов и предусматривала знакомство как с общими понятиями (исторический материализм, классовая борьба и т. п.), так и с «особыми чертами украинской истории». Слушатели должны были сначала ознакомиться с историей древнейших славян и Киевского государства, затем — украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Далее следовали сведения о «революции 1648 г.», «присоединении к Москве» и «русификации Украины». Лекция о событиях XIX в. включала в себя, помимо сведений о Кирилло-Мефодиевском братстве, народничестве, социалистических кружках, также

⁶³ Там же. С. 15.

⁶⁴ Там же. С. 16–17. Документ не датирован.

о Галиции как «центре украинской культурной жизни». Рассказывая о событиях новейшего времени, мировой войне и революции, лектор должен был обратить внимание слушателей на «русификаторские меры русского правительства в Галиции», «украинский национализм как отпечаток аграрного и мелко-промышленного капитализма». Последними пунктами значились: «Культурное возрождение Украины. Национальная политика советской власти. XII съезд РКП»⁶⁵.

Помимо курсов, существовали и другие формы массового распространения знаний в области украиноведения. Кружки украиноведения создавались при сельских клубах, избах-читальнях и библиотеках, в городах — при рабочих клубах. Однако, как признает Т. Ю. Горбань, заинтересовать украиноведением широкие рабочие массы было сложно. Если в сельской местности, как пишет украинский исследователь, было около 500 кружков, то в Харькове в 1927 г. кружков украиноведения в рабочих клубах фактически не было вообще, а работу на украинском языке проводили лишь 3–4 из них. Аналогично сложилась ситуация и в других промышленных центрах и регионах республики — Донбассе, Приднепровье. Однако были и другие примеры. Профсоюзу работников связи удалось наладить работу 25 кружков украиноведения повышенного типа, работу семинаров по истории украинской культуры, кружков по изучению украинской художественной литературы, а в Харькове и Кременчуге были даже созданы украиноведческие кружки для безработных⁶⁶. В научно-исследовательских институтах, учреждениях ВУЦИК, структуре отдельных наркоматов были созданы «Общества содействия украинскому языку и культуре», в составе которых, среди прочих, были и секции украиноведения. Однако украинский историк признает, что некоторые из них имели формальный характер⁶⁷.

Литературный критик, историк литературы, вице-президент ВУАН С. А. Ефремов считал, что в постановке изучения украинского языка делалось «немало и глупостей»: «Учат не так язык, как грамматику и всякие хитрости грамматические, пишут диктанты, забивают головы орфографическими мелочами, к тому же не устоявшимися. В результате какое-то буквоедство получается, которое дает

⁶⁵ Там же. С. 17. Документ не датирован.

⁶⁶ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття). С. 24–25.

⁶⁷ Там же. С. 26.

основание сетовать совершенно справедливо. Сам по себе целесообразный подход — чтобы служащие знали народный язык — приобретает уродливые формы. Хотя без принуждения тут, очевидно, ничего сделать нельзя. Старый чиновник, который думает, что все для него, а не он для народа, еще не умер и твердо сидит в каждом советском служащем. А из этого выходит и смех, и горе, когда в старости приходится за грамматику и правописание браться»⁶⁸.

Служащие многочисленных советских учреждений относились без восторга к необходимости посещения курсов. По одному из подсчетов, проведенных в октябре 1925 г., не желали учить украинский язык 65% служащих наркоматов, 59,2% — центральных хозяйственных учреждений, 58,1% — центральных торговых учреждений, 53,85% — окружных учреждений. Часть учреждений использовала в качестве преподавателей украинского языка своих сотрудников, «более-менее владеющих украинским языком, но не знакомых с методиками преподавания». Руководители часто «невнимательно» относились к украинизации, «отказываясь в отпуске средств», не снабжали курсы канцелярскими принадлежностями и т. п.⁶⁹ Средств для финансирования курсов не всегда хватало. В ноябре 1925 г. Наркомпрос предупредил подведомственные учреждения, что «специальных кредитов на проведение курсов украинского языка для сотрудников учреждений НКП, в смете на 1925/1926 операционный год, не предусмотрено». Предлагалось «осуществлять украинизацию из сумм общих сметных ассигнований»⁷⁰.

Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата летом 1926 г. вынуждена была признать, что «сотрудники, которые окончили курсы украинского языка и получили удостоверение о знании языка первой категории, бросили работу по совершенствованию знания украинского языка и частично забыли его»⁷¹. По выводам рабоче-крестьянской инспекции, в госучреждении

⁶⁸ *Ефремов С. О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 155.

⁶⁹ *Епик Л. І.* Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. С. 13.

⁷⁰ До всіх установ Наркомосу, що на держбюджеті, і всім Інспектурам Наросвіти. 23/XI-25 р. Ч. 501. Про фінансування курсів укромви при установах НКО // Бюллетень Народнього комісаріату освіти. Грудень. Ч. 12 (17). Харків, 1925. С. 21.

⁷¹ Доповідна записка Центральної всеукраїнської комісії українізації радянського апарату при РНК УСРР президії Центрального всеукраїнського виконавчого комітета про стан українізації радянського апарату УСРР Не пізніше 14 серпня 1926 р. // Національні відносини в Україні у ХХ ст. С. 157.

ях украинизация носила часто «характер узко формальный»: «Язык украинизированной корреспонденции — дубовый... В губернских учреждениях по-украински пишутся главным образом небольшие отношения, более серьезные и обширные доклады поручается писать по-русски, особенно, если это предназначено для центра»⁷².

Республиканские власти стремились мотивировать служащих лучше изучать украинский язык. 23 сентября 1926 г. украинский Совнарком, заслушав доклад Центральной комиссии по украинизации советского аппарата, постановил: «Для усиления знания украинского языка и для выявления достижений в деле изучения языка, необходимо провести как в центре, так и на местах, проверку знаний сотрудников, которые по знанию украинского языка отнесены ко второй категории, начиная с 1 января 1927 г., поручив Центральной всеукраинской комиссии украинизации совппарата (так в тексте. — *Е. Б.*) при СНК УССР, вместе с Наркомпросом УССР установить план и порядок назначенной проверки, как в центре, так и на местах»⁷³. 23 декабря 1926 г. В. Я. Чубарь подписал положение о проверке знания украинского языка тех служащих советских учреждений, кто еще не сдал экзамен, и кто был отнесен ко второй категории⁷⁴. В экзаменационную комиссию, помимо членов комиссии по украинизации учреждения, входили также представитель месткома, преподаватель курсов украинского языка и представители подотдела укрликбеза. Экзамен состоял из двух частей — письменной работы (на нее отводилось не более получаса) и устной проверки. Между письменной и устной частями отводился час на проверку письменных работ. Материалы для письменной проверки готовила экзаменационная комиссия: «а) перевод делового письма, или самостоятельное составление, в котором встречаются характерные, канцелярские выражения; б) свободное сочинение на темы из советской и профессиональной жизни, или пересказ прочитанного произведения из литературы по программе Наркомпроса; в) диктант, который проводит преподаватель курсов»⁷⁵. Устную проверку можно было проводить двумя способами:

⁷² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 53–54.

⁷³ Постанова Ради Народних Комісарів УСРР на доповідь Центральної комісії по українзації радпарату про заходи щодо дальшого її поглиблення. 23 вересня 1926 р. // Національні відносини в Україні у XX ст. С. 163–164.

⁷⁴ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2252. Л. 55.

⁷⁵ Там же.

«а) устный ответ на вопросы комиссии в рамках усвоенной программы, б) проверка сотрудника на его ежедневном рабочем месте»⁷⁶.

Во время экзамена проверялись знание правил украинского правописания, техника чтения, умение говорить на украинском языке и переводить с русского языка на украинский и наоборот⁷⁷. У «работников низшей категории» (технический персонал) и у тех, кому приходилось мало писать (кассиры), требовали, чтобы они «свободно говорили на украинском языке». Категории сотрудников по знанию украинского языка оставались прежними. Первую категорию могли получить те, кто свободно переводил, свободно говорил и грамотно писал; вторую — кто хорошо переводил с русского языка на украинский и наоборот при помощи словаря, владел языком в рамках повседневного общения и умел исправлять сделанные ошибки; в третью категорию входили те, кто «читает, переводит, но живой речью не владеет»⁷⁸. Экзаменационная комиссия отмечала в своем протоколе, «кого необходимо перевести на другую работу, а кому необходимо дать некоторый срок для совершенствования языка»⁷⁹. Протокол передавался директору организации или предприятия, который издавал приказ об увольнении или перемещении сотрудников. Отсылался протокол и в подотделы укрликбеза и в окружные инспектуры, которые и выдавали удостоверения о сдаче экзаменов и категории знания украинского языка⁸⁰.

Учреждениям приходилось заполнять различные анкеты. Например, в марте 1925 г. при Запорожском окрисполкоме была создана комиссия по проверке знания служащими украинского языка. Перед проверкой учреждения должны были прислать в комиссию списки сотрудников и заполнить по каждому из них следующую анкету: «1. Фамилия, имя и отчество; 2. год рождения и возраст; 3. должность; 4. образование; 5. национальность; 6. партийность; 7. с какого времени проживает на территории УССР; 8. знает или нет украинский язык; 9. посещал или нет курсы украиноведения»⁸¹.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 56.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Мозуленко Д. І. Напрямки політики коренізації: перевірка знання української мови та мов національних меншин держслужбовцями Півдня УСРР // Музейний вісник. Запоріжжя, 2015. № 15/2. С. 185.

Республиканские власти следили за проведением украинизации на местах весьма тщательно. В сентябре 1927 г. Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б) докладывал, что «за злостное нежелание учиться украинскому языку по центральным учреждениям было уволено 263 работника, 3,2% всех служащих»⁸². Предпринятые усилия стали приносить плоды. Уже в 1926 г. Комиссия по украинизации при политбюро ЦК КП(б)У отметила, что по сравнению с предыдущим годом в наркоматах и центральных учреждениях количество служащих, хорошо владевших украинским языком, выросло на 11%, средне владевших языком — выросло на 36,6%, совсем не владевших — снизилось на 14,7%⁸³. Один из украинских деятелей, И. В. Майстренко, в годы украинизации работавший преподавателем украинского языка, вспоминал, что от курсов освобождались только руководители учреждения. «Мало кто на экзаменах проваливался, хоть первую (наивысшую) категорию получали не многие, — писал Майстренко. — Кто не мог сдать экзамены (это были преимущественно те, кто не посещали курсов), тот не получал свидетельства и автоматически должен был увольняться с работы»⁸⁴. Безусловно, руководители учреждений нередко просили оставить или принять на работу ценных специалистов без знания украинского языка. Например, окружная комиссия по украинизации, действовавшая в Николаеве, 13 ноября 1926 г. решила «признать возможным оставить на должностях, в качестве специалистов, до 1 января 1927 г., рабочих, отнесенных к третьей категории». Далее следовал список из 22 фамилий. Трех человек, «как технических работников низшей категории, оставить на должностях с условием, чтобы в дальнейшем ими был усовершенствован живой украинский язык»⁸⁵.

Однако не всегда все проходило гладко. В. В. Птуха, занимавший в 1924–1927 гг. должность инструктора ЦК ВКП(б), на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1927 г. упоминал: «При проверке

⁸² Докладная записка Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о практике национализации советских, партийных, профессиональных и кооперативных аппаратов. 16 сентября 1927 г. // ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 513.

⁸³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 80.

⁸⁴ *Майстренко І. В.* Історія мого покоління: Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 183–184.

⁸⁵ *Овчаренко Д. В.* Українізація службовців державних та партійних установ Миколаївського округу у 1920-і роки // Гілея (науковий вісник). 2009. № 23. С. 70.

знаний украинского языка, например, среди служащих, мы сталкиваемся с таким явлением, когда к служащим предъявляются невыполнимые требования. Например, уборщице предъявляется требование написать, “как отразилась революция [190]5-го года в украинской литературе”. (Смех.) Причем нужно отметить, что это делается под страхом исключения из учреждения». После чего последовала реплика Л. М. Кагановича: «В Киеве уволили 70-летнего старика, сторожа еврейского кладбища, за незнание украинского языка»⁸⁶.

Глава республиканской парторганизации сделал это замечание в середине февраля, а через месяц, 11 марта, Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата признала, что правило о приеме на работу в госучреждения только тех, кто имел удостоверения о знании украинского языка первой или второй категории, не распространялось на следующих работников: на тех, кто не имел отношения к делопроизводству (например, вагоновожатые), на обслуживающий персонал (уборщицы, конохи, сторожа, истопники и т. д.), а также на специалистов, приглашенных из других союзных республик или из-за рубежа на временную работу (инженеры, архитекторы и т. д.)⁸⁷. Еще через несколько месяцев, 6 июля, ВУЦИК и СНК УССР постановили, что обучение сотрудников государственных учреждений, «не вполне хорошо» усвоивших украинский язык, должно было проводиться «только за их собственные средства»⁸⁸. В следующем, 1928 г. украинский Наркомпрос распорядился направлять служащих, которые недостаточно владели украинским языком, на государственные курсы украиноведения. После обучения им предстояло сдать экзамен при центральных или окружных курсах, а в случае неудовлетворительного результата — пройти курс повторного обучения⁸⁹.

⁸⁶ Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 29.04.2022). Автор опубликовал выдержку из стенограммы заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1927 г. об украинизации в Одесской парторганизации.

⁸⁷ Про вимоги знати української мови для осіб, що стають на службу в державні установи й підприємства УСРР // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. Від. 2. Ч. 11. Арт. 57.

⁸⁸ Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157.

⁸⁹ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття). С. 27.

Большое внимание к украинизации партийного и советского аппаратов сохранялось и после отъезда с Украины Кагановича в июле 1928 г. Активным ее сторонником был Н. А. Скрыпник, назначенный главой Наркомпроса УССР еще при Лазаре Моисеевиче, весной 1927 г. Так, о необходимости обучения служащих украинскому языку говорилось в постановлении Наркомпроса 11 июля 1932 г. В документе отмечалось неудовлетворительное состояние украинизации аппарата районных, городских, республиканских и всесоюзных учреждений и предприятий, в том числе плохое владение сотрудниками украинским языком, причем подчеркивалось, что они «не разговаривают на украинском языке». Последним предлагалось поступить на государственные курсы украиноведения. 4 августа того же года наркомат издал постановление «Об организации стационарных и заочных государственных курсов украиноведения», в котором речь шла об отставании в области украинизации советского аппарата и необходимости «организовать во всех районных и городских центрах стационарные государственные курсы украиноведения». Наконец, 11 декабря Наркомпрос выпустил постановление «Об экзаменах по украинскому языку для служащих всех учреждений и предприятий как республиканского, местного, так и всесоюзного значения, учреждений транспорта и различных организаций». Планировалось до 15 января 1933 г. проверить знание украинского языка служащих всех учреждений и предприятий. На низовой технической персонал и лиц старше 50 лет это постановление не распространялось. Одновременно предлагалось увольнять без предупреждения и выходного пособия тех, кто враждебно относился к украинизации⁹⁰.

Однако полностью воплотить в жизнь все намеченные планы Скрыпнику не удалось: в известном постановлении «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», принятом ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 декабря 1932 г., виновниками тяжелого положения в сельском хозяйстве были названы «контрреволюционные элементы», проникшие в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации». Корректировка национальной политики велась под лозунгом борьбы с «принудительной украинизацией», чем не преминули воспользоваться

⁹⁰ Сфіменко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 62–63.

противники «украинского национализма». Прозвучала и критика в адрес курсов украиноведения.

25 сентября 1933 г. бюро Днепропетровского горкома на фоне происходивших перемен констатировало, что курсы украиноведения являются «очагом националистической контрреволюционной пропаганды», призвало искоренить ошибки и перегибы и «на деле организовать большевистское проведение украинизации»⁹¹. В подготовленной докладной записке о состоянии областных курсов подчеркивались недостатки в их организации. Как говорилось в документе, на заводах членами экзаменационных комиссий были преподаватели курсов, которые были материально заинтересованы «пропускать как можно больше людей и создавать как можно большее количество групп». Объяснялось это тем, что курсы получали определенный процент зарплаты проверенного, а от общей суммы свой процент получали и преподаватели. Одновременно слушатели курсов «должны были платить за обучение от 3 до 5 руб.». Руководство курсов требовало от заводоуправлений не только проводить проверки, но и составлять списки работников с указанием их зарплат. Преподаватели придирались во время проверок, заставляли работников заканчивать курсы не по одному разу, мотивируя тем, что «они уже все забыли»⁹².

Анализируя особенности украинизации Донбасса, И. А. Дмитрик упоминает о сохранившемся в архиве письме учительницы из г. Славянска редактору газеты «Кочегарка». «В частности, “настоящие украинцы” (имеются в виду преподаватели украинского языка, прибывшие в Донбасс из Киевщины и Полтавщины) обвинялись в получении нетрудовых доходов за счет процедуры экзаменов (на основе количества ошибок, допущенных во время перевода текста, человеку присваивали категорию, с которой он имел или лишался права занимать определенную должность). Возник коррупционный механизм: служащий брал 6–7 уроков у преподавателя, который входил в состав экзаменационной комиссии, по 3–4 руб. за занятие, а потом с его помощью сдавал экзамен и получал первую категорию без глубокого знания предмета»⁹³, — пишет украинский историк.

⁹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6214. Л. 67.

⁹² Там же. Л. 72.

⁹³ Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI

Подобная печальная практика вполне объясняется сложившейся ситуацией. Как замечает И. А. Дмитрик, «функционирование курсов изучения украинского языка для служащих на местах было важным официальным показателем проведения политики украинизации в 1920–1930-х гг.», а «знание языка было решающим фактором, его пренебрежение грозило потерей рабочего места»⁹⁴. Курсы должны были обеспечить перевод делопроизводства на украинский язык — весьма актуальную задачу в условиях советской украинизации. Безусловно, каждый гражданин имел право свободно пользоваться своим родным языком, а важнейшие документы публиковались на украинском и русском языках, однако официальным языком был выбран именно украинский как язык большинства населения УССР. В государственных учреждениях на территории Украины, причем как республиканского, так и общесоюзного значения, внутреннее делопроизводство должно было вестись на украинском языке. Исключение составляли только те организации, которые обслуживали потребности национальных меньшинств⁹⁵.

Развернутая в УССР кампания по ликвидации украинской неграмотности среди русскоязычных служащих носила беспрецедентный характер. Республиканские власти за достаточно короткий срок рассчитывали «коренизировать» управленческую элиту, заставить ее перейти на язык титульной нации. Ломали упорное сопротивление чиновников в первую очередь за счет административного нажима, и в постановлениях и распоряжениях харьковского руководства постоянно фигурировал пункт об увольнении тех, кто не желал украинизироваться.

Безусловно, массовых увольнений допустить было нельзя, и республиканские власти одновременно пытались воздействовать на настроения чиновников методами убеждения. Организованные для русскоязычных работников курсы должны были не только дать знание

международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 109. Письмо сохранилось в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины.

⁹⁴ Дмитрик *И. О.* Историко-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини). С. 13.

⁹⁵ См.: Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157.

украинского языка, но и внушить нужное представление об «украинском вопросе», акцентируя внимание на русификаторской политике царских властей и «культурном возрождении» Украины при советской власти. Курсы были достаточно краткосрочными — три или пять месяцев, за которые нужно было научить слушателей составлять различные бумаги, читать и говорить на украинском языке. Разработчики программ призывали преподавателей сделать акцент на отличиях русского и украинского языков, умении курсантов использовать украинские фразеологические обороты и знания необходимых для работы терминов. В определенной степени подобная установка боролась с таким явлением, как суржик. Как замечает Л. Т. Масенко, украинизация 1920-х гг. «подняла престиж украинского языка и затормозила процессы этнической и социальной маргинализации провинциалов, которые перед тем составляли основную социальную базу распространения смешанной речи»⁹⁶.

Несмотря на краткосрочность обучения, на экзаменах слушатели должны были показать не только пассивное, но и активное владение языком, что далеко не всегда и у всех получалось. Навыки чтения и перевода считались достаточными только для технических сотрудников, тогда как все остальные служащие должны были продемонстрировать также хорошее владение разговорным языком. Проведение «аппаратной» украинизации носило форсированный характер, декларированные широкие планы не всегда удавалось претворить в жизнь, чиновники не успевали в достаточной степени овладеть украинским языком и при малейшем изменении политического климата пытались перейти на привычный русский язык. Недостаток профессиональных преподавателей украинского языка и трудности финансирования также отрицательно сказывались на объеме и качестве получаемых слушателями курсов знаний.

Тем не менее курсы были одной из важных составляющих политики украинизации. Как отмечал Ю. Шевелёв, в этот период выросло число людей, заинтересовавшихся украинской культурой, и «хотя пассивное знание украинского языка не стало всеобщим, но его приобрели значительно более широкие круги, нежели ранее»⁹⁷. Пере-

⁹⁶ Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і язиком. С. 21.

⁹⁷ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Б. м., 1987. С. 156.

вод делопроизводства на украинский язык повышал статус украинского языка, обеспечивая его доминирование в официально-деловой сфере. Развертывая сеть курсов украиноведения для служащих различных рангов, республиканское руководство пыталось таким образом изменить облик крупных промышленных центров, традиционно ориентированных на русский язык и культуру. Добиться полной украинизации городской языковой среды в 1920-е гг. не удалось, а отказ от жестких мер в отношении «великодержавных шовинистов» в 1930-е гг. способствовал сохранению престижности русского языка во всех сферах коммуникации.

Источники

Бюллетень Народного комісаріату освіти. Харків, 1925.

Єфремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ: Рада 1997. 843 с.

Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. Харків, 1923–1927.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. 576 с.

Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941) / упоряд. З. І. Зобіна та ін. Київ: Держполітвидав УРСР, 1959. 881 с.

Майстренко І. В. Історія мого покоління: Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон: Видавництво Канадського інституту українських студій, 1985. 416 с.

Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів / упор. М. І. Панчук (керівник) та ін. Київ: Наукова думка, 1994. 560 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81 (Каганович Лазарь Моисеевич. 1898–1991 гг.).

Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 446 с.

Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). Харків: [б. в.], 1925. 26 с.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1: Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос: сборник документов в 2 т. / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Т. 1: 1918–1933. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

Чув Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. 205 с.

Литература

Борисёнок Е. Ю. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2015. № 3. С. 17–28.

Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття) // Історико-педагогічний альманах. 2018. № 1. С. 23–28.

Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 29.04.2022).

Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 105–114.

Дмитрик І. О. Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини) // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2019. № 42, т. 1. С. 12–14.

Єтик Л. І. Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 20. С. 10–17.

Єфіменко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001. 304 с.

Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ: Основи, 1997. 423 с. (Пер. с англ.: *Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London: Macmillan, 1985. 333 p.*)

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с. (Пер. с англ.: *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p.*)

Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і язиком. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011. 135 с.

Мозуленко Д. І. Напрямки політики коренизації: перевірка знання української мови та мов національних меншин держслужбовцями Півдня УСРР // Музейний вісник. Запоріжжя, 2015. № 15/2. С. 182–189.

Овчаренко Д. В. Українізація службовців державних та партійних установ Миколаївського округу у 1920-і роки // Гілея (науковий вісник). 2009. № 23. С. 66–74.

Остатчук О.А. Учить по-новому: украинский язык в учебниках эпохи украинизации // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX века) / редколл.: Е.Ю. Борисёнок, М.Э. Клопова, Д.А. Короткова, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 304–328.

Субтельний О. Україна: історія / пер. з англ. Ю.І. Шевчука. Київ: Либідь, 1991. 512 с.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.

Шаповал Ю.І. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів: Україна модерна, 2017. 742 с.

Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Б.м.: Сучасність, 1987. 295 с.

Шпакович К.В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40. С. 112–116.

References

Borisenok E. Yu. Ukrainizatsiia sluzhashchikh v USSR v 1920–1930-je gody. *Slavianovedenije*, 2015, no. 3, pp. 17–28. (In Russ.)

Dmitrik I. A. Ukrainizatsiia Donbassa v 1923–1938 gg.: obshchestvennoje mnenije. *Sovetskije natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-je gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kyiv, October 10–12, 2013. Moscow, ROSSPEN, 2014, pp. 105–114. (In Russ.)

Dmytryk I. O. Istoryko-pravovi aspekty funktsionuvannia kursiv ukrains'koi movy dlia sluzhbovtiv u 1920-kh rr. (na materialakh Donechchyny). *Naukovyi visnyk Mizhnarodnoho humanitarnoho universytetu. Ser.: Iurytsprudentsiia*, 2019, no. 42, t. 1, pp. 12–14. (In Ukr.)

Grigor'jev Je. M. Istoriiia korenizatsii. *Istoriik*, 2015. no. 7–8, pp. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (accessed: 29.04.2022). (In Russ.)

Horban' T. Ukraïnoznavstvo u pozashkil'niï osviti v USRR (20-ti roky XX stolittia). *Istoryko-pedahohichnyi al'manakh*, 2018, no. 1, pp. 23–28. (In Ukr.)

Iefimenko H. *Natsional'no-kul'turna polityka VKP(b) shchodo radians'koi Ukraïny (1932–1938)*. Kyiv, Instytut istorii Ukraïny, 2001, 304 p. (In Ukr.)

Iepyk L. I. Dokumenty Derzhavnogo arkhivu Sums'koi oblasti pro Ukraïnizatsiiu partiïnoho i derzhavnogo aparatu na pochatku 20-kh rokov XX st. *Sums'kyi istoryko-arkhivnyi zhurnal*, 2013, no. 20, pp. 10–17. (In Ukr.)

Kravchenko B. *Sotsial'ni zminy i natsional'na svidomist' v Ukraïni XX st.*, Translated by V. Ivashko, V. Korniienko. Kyiv, Osnovy, 1997, 423 p. (In Ukr.) Transl. of: Krawchenko, B. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine*. London, Macmillan, 1985, 333 p. (In Engl.)

Martin T. *Imperiiia «polozhitel'noi deiatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* / Translated by O. R. Shchëlokova. Moscow, ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.). Transl. of: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939*. Ithaca and London, Cornell University Press, 2001, 496 p.

Masenko L. T. *Surzhuk: mizh movoiu i iazykom*. Kyiv, Vydavnychyï dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia», 2011, 135 p. (In Ukr.)

Mozulenko D. I. Napriamky polityky korenizatsii: perevirka znannia ukraïns'koi movy ta mov natsional'nykh menshyn derzhsluzhbovtsiamy Pivdnia USRR. *Muzeïnyi visnyk*. Zaporizhzhia, 2015, no. 15/2, pp. 182–189. (In Ukr.)

Ostapchuk O. A. Uchit' po-novomu: ukraïnskii iazyk v uchebnikakh epokhi ukraïnizatsii. «*Rodnoje slovo*». *Belorusskii i ukraïnskii iazyki v shkole (ocherki istorii massovogo obrazovaniia, seredina XIX — seredine XX veka)*, eds. E. Yu. Borisenok, M. E. Klopova, D. A. Korotkova, M. V. Leskinen. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2021, pp. 304–328. (In Russ.)

Ovcharenko D. V. Ukraïnizatsiia sluzhbovtziv derzhavnykh ta partiïnykh ustanov Mykolaïvs'koho okruhu u 1920-i roky. *Hileia (naukovyï visnyk)*, 2009, no. 23, pp. 66–74. (In Ukr.)

Shapoval Iu. I. *Oleksandr Shums'kyï. Zhyttia, dolia, nevidomi dokumenty: doslidzhennia, arkhivni materialy*. Kyiv; Lviv, Ukraïna moderna, 2017, 742 p. (In Ukr.)

Shevel'ov Iu. *Ukraïns'ka mova v pershii polovyni dvadtsiatoho stolittia (1900–1941)*. *Stan i status*. N.p.: Suchasnist', 1987, 295 p. (In Ukr.)

Shpakovych K. V. Movna polityka ta ukraïnizatsiia natsional'no-derzhavnoho aparatu na storinkakh kharkivs'kykh periodychnykh vydan' 1920-kh rokiv. *Naukovi pratsi istorichnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu*, 2014, no. 40, pp. 112–116. (In Ukr.)

Subtel'nyi O. *Ukraïna: istoriia*, translated by Iu. I. Shevchuk. Kyiv: Lybid', 1991, 512 p. (In Ukr.) Transl. of: Subtelny O. *Ukraine: A History*. University of Toronto Press, 1988, 666 p.

“*Ukraïnizatsiia*” 1920–30-kh rokiv: *peredumovy, zdobutky, uroky*, ed. V. A. Smoliï. Kyiv, Instytut istoriï Ukraïny NAN Ukraïny, 2003, 392 p. (In Ukr.)

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)
Head of the Department of Eastern Slavic Studies
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

“Attending Courses is Mandatory for Everyone...”: the Experience of Hardware Ukrainization of the 1920s

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.08

Abstract: This article discusses the functionalities of courses on the study of the Ukrainian language in the Ukrainian SSR during the Ukrainization of the 1920s. There are many studies on the history of Soviet national policy in Ukraine. However, the daily practice of Ukrainization has not been studied enough. The purpose of the article is to analyse the peculiarities of the policy of Ukrainization in relation to Russian-speaking employees of state institutions and enterprises of the Republic, to analyse organisational forms and methods of teaching the Ukrainian language, and the format of knowledge in the field of Ukrainian Studies. Primary attention is paid to the characteristics of resolutions, instructions and methodological guidelines that regulated the form and activities of courses on the study of the Ukrainian language and Ukrainian Studies, as well as teaching methods and the procedures for conducting exams. The study shows that the courses were supposed to ensure the knowledge of the Ukrainian language by employees of various organisations. This was necessary for the translation of office work into Ukrainian. Ukrainian was the language “for official relations” in the Republic, since it was the language spoken by the majority of the population of the Ukrainian SSR. At the same time, the courses gave students an idea of the “Ukrainian question”, Ukrainian literature and history. The Republican authorities expected to force officials to switch to the language of the titular nation within a short time. They used harsh administrative pressure: in the resolutions and orders of the Kharkiv leadership, there was a clause on the dismissal of those who did not want to be Ukrainised.

Keywords: Ukrainization, Ukrainian language course, testing of knowledge of the Ukrainian language, Ukrainian SSR

Ярослава Валентиновна Мартынова

сотрудник
Научно-исследовательский отдел
редких книг (Музея книги) РГБ
Россия, 119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
E-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

Судьбы польско-литовских шляхтичей в России во второй половине XVII века на примере Ю. Е. Катранского

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.09

Аннотация: В 1650–1660-е гг. многочисленные польско-литовские шляхтичи стали выезжать в Россию и поступать на царскую службу. Они принимали активное участие в освоении, заселении и охране восточных пограничных территорий государства. Военная или гражданская служба позволяли представителям незнатных дворянских фамилий подняться по карьерной лестнице в новом отечестве. Иноземные специалисты привлекались властями при обустройстве и строительстве новых крепостей и городов на границе России и Дикого поля.

Ключевые слова: иноземец, воевода, служилые иноземцы, шляхта, Речь Посполитая, Российское государство

В XVII в. отмечается приток в Российское государство иностранных подданных. Часть прибывала добровольно в поисках работы, другие, как, например, профессиональные военные, попадая в плен, могли поменять подданство и присягнуть русскому царю. Некоторые уроженцы европейских стран оставались на новой родине навсегда. Немаловажным при принятии решения о поступлении на службу в России был тот фактор, что нанятые царским правительством иноземные офицеры получали не только жалование, но и нередко — поместные «дачи» для кормления. В Европе, особенно в период относительного мира, был переизбыток наемников, а в России платили хорошо. Жалованье, в отличие от многих стран, выплачивалось достаточно аккуратно и добросовестно. Для военных открывалась

возможность быстрого карьерного роста. Иноземцы, в частности, образованные дворяне — выходцы из Польско-Литовского государства рассматривались как один из источников пополнения служилого сословия.

Ряд имен выходцев с территорий Речи Посполитой, особенно с земель Великого княжества Литовского встречаются в таком важном источнике, как боярские списки. М. Р. Белоусов насчитал имена 128 иноземцев, которые встречаются в боярских списках 1646–1667 гг., служивших с московскими дворянами¹. Все служилые иноземцы, записанные в них, должны были, согласно традициям российского государства того времени, принять православие. Принятие православия иностранцами предполагало, что они уже навсегда остаются в стране и вливаются в число служилых людей, подданных русского царя. Однако бывали и исключения. В качестве примера можно привести представителя известного польского дворянского рода — гетмана Павла Потоцкого, взятого в плен в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. в своем родовом замке Чорткове в 1655 г. В течение почти 13 лет он находился в России в качестве военнопленного, что не помешало ему занимать должность воеводы в Великом Устюге с 1663 по 1664 г. В русских источниках он значится как Петр Степанович Потоцкий, так как в 1656 г. был крещен в православную веру (и соответственно сменил имя). После заключения Андрусовского мира в 1667 г. вместе с семьей (в Москве он женился во второй раз на Е. П. Салтыковой, родственнице царской семьи) покинул Россию и вернулся в Польшу².

В числе русских воевод можно встретить представителей шляхетских семей, чьи фамилии упоминаются в различных польских гербовниках, однако есть и такие имена, которые можно обнаружить только в русских документах. В качестве примера можно указать Ю. Котранского и М. П. Колдычевского. О воеводе Колдычевском сохранились некоторые данные в русских родословных книгах. В числе шляхтичей, участвовавших в русско-польской войне 1654–1667 гг., он попал в начале конфликта в русский плен (под Мстиславлем), через

¹ Белоусов М. Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 59.

² См. его биографию: *Nagielski M. Potocki Pawel* // *Polski słownik biograficzny*. Т. 28. *Potocki Ingacy — Przerębski Mikołaj*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984–1985. S. 117–119.

несколько лет поступил на российскую службу. В начале 1680-х гг. он подал родословную роспись в Разрядный приказ. Обычно роспись начинается с основателя русской ветви, то есть в данном случае с самого выезжего иноземца — М. П. Колдычевского, и включает лишь самые необходимые биографические данные и факты из истории рода. На основании поданной росписи фамилия Колдычевских была внесена в так называемую «Бархатную книгу» (книга с официальными родословиями наиболее знатных боярских и дворянских фамилий). Однако в других родословных сборниках данная шляхетская фамилия не встречается.

Фамилия Катранский или Котранский не встречается в польских родословных сборниках, не попала она и в российские. Скорее всего, смерть самого шляхтича в 1672 г. не позволила ему предоставить в Разрядный приказ родословную роспись, подобно М. Колдычевскому. Можно сделать вывод, что оба шляхтича не принадлежали к известным и знатым польским дворянским фамилиям. На сегодня пока не найдено документов, которые бы могли пролить свет на судьбы этих людей и их семьи до того, как они попали на царскую службу. Имеющиеся сведения крайне отрывочны и часто записаны со слов самих шляхтичей.

В частности, М. Р. Белоусов указывает, что имя Юрия Ермолина сына Катранского — иноземца — встречается в трех «подлинных» боярских списках — БС 30 (7174 г.), БС 12 (7175 г.) и в БС 18 (7176 г.)³. Присутствует имя Катранского в списке, где указаны «иноземцы», которые служат «с московскими дворяны» и кому царь «вновь пожаловал» в 7177 (1668/1669) г. по «4 алтына на день»⁴. Его имя указано в списке после Дениса Швайковского, представителя смоленской шляхетской фамилии, и перед Осипом Ивановичем Зумеровским, обрусевшим немцем. В списке иноземцев, служащих с московскими дворянами, в 1669 г. напротив имени Катранского появляется помета «в Добром»⁵. В списке за 1670 г. Юрий Ермолаевич значится в числе направленных в города и против имени указано «в Добром»⁶. Упо-

³ Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 2. С. 161.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2. Д. 3. Л. 96–97.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 81.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 98 об.

минание о службе в Добром появляется еще в 1665 г. в записной книге Московского стола за 1665 г.: «Июля в 25 день писал к великому государю из Доброва городища Патрикей Софонов⁷ з добринским драгуном с Ефремкою Мещеряковым о городской поделке. Помета на отписке думново дьяка Дементья Башмакова: отпускать Юрья Катранского тотчас...»⁸ Упоминание о шляхтиче в указанных выше документах позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, он указан в боярских списках в числе иноземцев, а это предполагает, как уже отмечалось выше, принятие православия (к сожалению, пока не найдено свидетельств, которые могли бы уточнить его прежнюю конфессиональную принадлежность). Во-вторых, несмотря на то, что род Катранских (Котранских) не встречается в распространенных польских дворянских росписях, шляхтич был принят на службу в Москве и вошел в ряды дворянского сословия. Карьера Юрия Катранского на новой родине, таким образом, складывалась достаточно удачно. В 1711 (1672/1673) г. Катранский значится по Боярским книгам в чине «дворянина московского»⁹.

Развивавшиеся в конце XVI в. контакты двух обществ — русского и польско-литовского, как отметил Б. Н. Флоря¹⁰, получили, в частности, свое выражение в процессе миграции в Россию шляхты Речи Посполитой для поступления на русскую службу. Это давало русским политикам возможность лучше познакомиться с социально-политическим устройством Речи Посполитой и социальной психологией ее правящего строя.

Русское государство практиковало стратегию переселения выходцев из польско-литовских земель вглубь страны, используя вновь принятых служилых иноземцев для несения функций пограничной военной стражи между Россией и Диким полем. В этом смысле показателен пример полоцкой шляхты, сдавшей город русским

⁷ Патрикей Софонов в 1664–1665 гг. состоял воеводой в Добром.

⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археологическою комиссией. СПб., 1889. Т. XI. С. 301.

⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 177.

¹⁰ Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 466.

войскам в 1654 г. в ходе русско-польского конфликта 1654–1667 гг. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. Полоцк был возвращен Польше, однако часть шляхты, служившей в гарнизоне Полоцка, во главе с полковником Гаврилоу Гославским (или Гаславским), перешла в русское подданство. Вновь образованный полк насчитывал 532 человека. В 1668 г. правительство распорядилось выделить полоцкой шляхте наделы «в Казанском уезде по Закамской черте» и «полковника Гаврила Гаславского и всю Полоцкую шляхту построить по рекам Утке и по Майне на угожих местах, подле крепостей и засек»¹¹.

Примерно в это же время была переселена часть смоленской шляхты, поступившая на царскую службу, в Закамье. В 1665 г. шляхтичи были расселены в крепости Закамской черты¹², возведенные на границе Уфимского и Казанских уездов, в соответствии с их прежней военной организацией. 134 человека из отряда при Белом знамени получили наделы в Тиинске, 128 человек при Красном знамени — в Шешминске, 124 человека при Черном знамени — в Мензелинском остроге¹³.

Два шляхтича, независимо друг от друга вступивших в середине XVII в. в ряды служивого русского сословия, были направлены служить на юго-восточные пограничные территории государства, в районе Белгородской засечной черты. М. П. Колдычевский в 1687 г. стал воеводой в Ольшанске¹⁴. При этом в указе он именуется «стольником». Имя польско-литовского шляхтича Юрия Катранского впервые встречается в памяти о назначении в г. Балахну (Нижегородская область) воеводы в июне 1660 г. Указывается о смене старого воеводы новым «на Юрьево место Катранского колоджетину Ивану Михайлову сыну Яковцову»¹⁵. Сколько времени Катранский был воеводой в этом городе, неизвестно.

¹¹ *Перяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 258–261.

¹² *Азнабаев Б. А.* Род смоленских шляхтичей Кублицких // Река времени. 2018. Уфа, 2018. С. 5–12.

¹³ *Латытова В. В.* Поляки в Башкортостане (XVII–XVIII века): краткий исторический очерк // Башкирский край. Выпуск 5. Уфа, 1994. С. 3–17.

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1676–1700. СПб., 1842. Т. 5. С. 277.

¹⁵ Там же. С. 100.

Ряд пензенских краеведов¹⁶ считают Ю. Катранского одним из основателей г. Пензы. В качестве подтверждения данной гипотезы приводится несколько упоминаний его имени в исторических документах, по которым можно, к сожалению, только догадываться о том, какие обязанности были возложены на шляхтича. Из «Строельной книги города Пензы»¹⁷ мы узнаем, что под начальством Катранского (или Юрья Котрацкого, как его именуют в данном документе) находились «старые черкесы», переданные в конную казачью службу¹⁸. Вероятнее всего, он отвечал за оборону поселения от набегов кочевников. Второе упоминание имени Катранского, которое местные краеведы¹⁹ считают также самой первой информацией о начале строительства г. Пензы, относится к 1663 г. Речь идет о помете из приказа Большого двorca в Ствольный приказ о выдаче ста шпаг «в посылку», которые было велено «послать за Ломовскую черту на реку Пензу с Юрьем Катранским, где ему велено город строить»²⁰. Однако уже в 1663/1664 г. воеводой Пензы указывается Елисей Лачинов, которому Катранский передает Пензенскую крепость. Сведения о деятельности Юрия Ермолаевича по участию в строительстве новой крепости, как мы видим, крайне фрагментарны и не дают возможности полностью ознакомиться с тем, что им было сделано и в какие сроки.

Позднее, согласно боярским спискам, указанным выше, служба Юрия Ермолаевича была тесно связана с упомянутым выше г. Добрым, расположенным на р. Воронеж. С октября 1670 г. Ю. Катранский числится в списках городских воевод в качестве воеводы в Добром Городище на р. Воронеж (ныне г. Доброе Липецкой области)²¹.

¹⁶ Мнение, что основателем Пензы нужно считать Ю. Катранского, который, закончив сооружение крепости, передал ее Е. П. Лачинову, высказал Г. В. Еремин и отметил в своей книге Г. В. Мясников. А. Л. Хвоцев ранее указывал, что роль Катранского могла заключаться в организации обороны от возможных нападений кочевников со стороны Дикого поля. Одна из улиц г. Пензы носит имя Катранского. См. подробнее: Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984.

¹⁷ Опубликована в 1898 г. В. Борисовым.

¹⁸ Строельная книга города Пензы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете (ЧОИДР). М., 1899. Т. 188. Кн. 1. С. 17.

¹⁹ Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза, 2014. С. 40.

²⁰ Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 31.

²¹ Барсуков М. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. СПб., 1902. С. 68.

Город Добрый начал строиться в 1648 г. на месте села Доброе Городище. Данный район входил в состав так называемой Белгородской черты, которая защищала южные рубежи Русского царства от набегов татар. Службу здесь нельзя назвать легкой — с одной стороны, частые набеги татар, а с другой — местное «своеволие». В каждом из городов были свои воеводы и осадные головы с отрядами служилых людей, боярских детей, казаков и стрельцов. Город Добрый стал важным звеном Белгородской черты, защитой от степных набегов для Лебедяни, Данкова и Ельца. Состоял город из центральной крепости и драгунских слобод, но драгуны в основном проживали в уезде, селах и деревнях²².

Новый воевода Юрий Катранский, так же как и его предшественники, не был обойден вниманием. На Белгородскую черту совершают нападения не только татары. Так, в 1668 г. происходили стычки с «воинскими людьми», включая «изменника Петрушку Дорошенко с черкасы»²³.

У Катранского происходит конфликт сначала с воеводой соседнего города Козлова (ныне Мичуринск) Андреем Щепотьевым, а позже с его преемником Степаном Хрущевым (в период крестьянской войны под руководством Степана Разина). На упреки Щепотьева, что Катранский не прибыл в Козлов со своими людьми для оказания военной помощи, Юрий Ермолаевич пишет: «И ты, господин, пишешь ко мне о том не делом, не узнав себя и своей меры и неопамятавися ничем, велишь мне быть к себе со всеми служилыми людьми в сход готовым, а мне, господин, город Доброе Городище покинуть не можно и в сход к тебе не буду, потому что город Доброе Городище с добренцами служилыми людьми только вмочь держать, а у тебе, господин, козловцев служилых людей против Доброго Городища есть в десять раз и больше. И тебе, господин, мочно ко мне в Доброе козловцев служилых людей прислать в помочь и в сход как учну к тебе писать против Государеву указу и сколько мне будет служилых людей надобно...»²⁴ Спор двух воевод был разрешен в Разряде, и царским указом козловскому воеводе было велено наперед писать боярину Г. Г. Ромодановскому, отвечавшему за оборону Белгородской черты.

²² Ляпин Д.А. На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII веках. Тула, 2013. С. 154.

²³ Мясников Г.В. Город-крепость Пенза. С. 47.

²⁴ Там же. С. 47–48.

Ю. Е. Катранский пробыл в Добром Городище воеводой недолго — в 1672 г. его не стало. Умер он от болезни.

Некоторые исследователи указывают время перехода на русскую службу Ю. Е. Катранского в пределах 1650–1652 гг.²⁵ Однако исторических документов, подтверждающих данную версию, не приводят. В 1668 г. его племянник Степан обращался за разрешением выехать из Москвы в Доброе Городище к дяде, в отписке из приказа его именуют шляхтичем Виленского воеводства²⁶. Можно предположить, что его дядя также был выходцем из этого воеводства. В документах не встречается упоминаний о ком-либо из родственников, кроме племянника. Часть оставшегося после «иноземца» Катранского имущества была передана в Новодевичий монастырь. Душеприказчик и организатор похорон Осип Зумеровский, с разрешения царя, составил опись оставшихся личных вещей шляхтича, в числе которых упоминаются такие книги, как «миней общих, октаих, дестамент, псалтырь учительная, полуустав, два часослова маленьких... потребник Киевский большой, да латинского письма больших и малых книг»²⁷. С Осипом Зумеровским Юрий Катранский, вероятно, был знаком много лет, так как их имена значились в боярских списках как «иноземцы» и писались одно за другим. Как видно из перечисленного выше, шляхтич был образованным и начитанным человеком.

Шляхтич незнатного происхождения, не принадлежавший к известным польским или литовским фамилиям, в 60-х гг. XVII в. смог подняться по карьерной лестнице и влиться в ряды служилого дворянства. Наравне с представителем знатной польской фамилии П. Потоцким, выходец из семьи мелкого дворянства был также назначен на должность воеводы. Представляется, что Ю. Катранский умер в достаточно молодом возрасте, поэтому, в отличие от М. Колдычевского, не был пожалован в стольники. Возможно, он, так же как и Колдычевский²⁸, подал бы родословную роспись в Палату родословных дел и фамилия Катранских (Котранских) вошла бы в числе выходцев из Литвы в русские родословные сборники.

²⁵ Белоусов С. В. Поляки в Пензенском крае в XVIII — первой половине XIX в. // *Wiekі stare i Nowe*. 2014. Т. 7 (12). S. 83.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 384. Л. 76–78, 274–275.

²⁷ Там же. Ч. 2. Д. 788. Л. 186–192.

²⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах... С. 193.

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1676–1700. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 5. 539 с.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Типографии С. Селивановского, 1853. 498 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210.

Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссией. СПб.: Археографическая комиссия, 1889. Т. XI. 774 с.

Литература

Азнабаев Б. А. Род смоленских шляхтичей Кублицких // Река времени. 2018 / сост. и отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2018. С. 5–12.

Барсуков М. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Т. 2. 464 с.

Белоусов М. Р. Иноземцы в боярских списках середины 17-го в. // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–63.

Белоусов С. В. Поляки в Пензенском крае в XVIII — первой половине XIX в. // *Wiekі stare i Nowe*. 2014. Т. 7 (12). S. 83–96.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во. Воронежского ун-та, 1969. 304 с.

Латытова В. В. Поляки в Башкортостане (XVII–XVIII века): краткий исторический очерк // Башкирский край. Вып. 5. Уфа: Нац. музей, 1994. С. 3–17.

Ляпин Д. А. На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII веках. Тула: Гриф и К, 2013. 208 с.

Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 526 с.

Перяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Типография П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. 399 с. (Из XXXIV т. Записок Императорского Новороссийского университета.)

Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М.: Индрик, 2019. 480 с.

Nagielski M. Potocki Paweł // *Polski słownik biograficzny*. T. 28. Potocki Ingacy – Przerębski Mikołaj. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984–1985. S. 117–119.

References

Aznabajev B. A. Rod smolenskikh shliakhtichei Kublitskikh. *Reka vremeni*. 2018, ed. M. I. Rodnov. Ufa, 2018, pp. 5–12. (In Russ.)

Barsukov M. *Spiski gorodovykh vojevod i drugikh lits vojevodskogo upravleniia Moskovskogo gosudarstva XVII st.* Saint Petersburg: Tipografiiia M. M. Stasiulevicha, 1902, 611 p. (In Russ.)

Belousov M. R. *Boiarskije spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskii istochnik: v 2-kh tt.* Kazan, Institut istorii AN RT, 2008. Vol. 2, 464 p. (In Russ.)

Belousov M. R. Inozemtsy v boiarskikh spiskakh serediny 17-go v. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnyye nauki*, 2014, vol. 156, book 3, pp. 55–63. (In Russ.)

Belousov S. V. Poliaki v Penzenskom kraje v XVIII – pervoi polovine XIX v. *Wiekі stare i Nowe*, 2014, vol. 7 (12), pp. 83–96. (In Russ.)

Floria B. N. *Rossia i vostochnoslavianskije zemli Pol'sko-litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. Politicheskije i kul'turnyye sviazi*. Moscow, Indrik, 2019, 480 p. (In Russ.)

Lapytova V. V. Poliaki v Bashkortostane (XVII–XVIII veka): kratkii istoricheskii ocherk. *Bashkirskii krai*, issue 5. Ufa, Nats. muzei, 1994, pp. 3–17. (In Russ.)

Liapin D. A. *Na stepnom pogramich'je: Verkhniĭ Don v XV–XVII vekakh*. Tula: Grif i K, 2013, 208 p. (In Russ.)

Nagielski M. Potocki Paweł. *Polski słownik biograficzny*. T. 28. Potocki Ingacy – Przerębski Mikołaj. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984–1985, s. 117–119.

Penzenskii krai v istorii i kul'ture Rossii, ed. O. A. Sukhvoi. Penza: Izd atel'stvo PGU, 2014, 526 p. (In Russ.)

Periatkovich G. *Povolzh'je v XVII i nachale XVIII veka (ocherki iz istorii kolonizatsii kraia)*. Odessa: Tipografiiia P. A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. 399 p. (Iz XXXIV t. Zapisok Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta.) (In Russ.)

Zagorovskii V. P. *Belgorodskaiia cherta*. Voronezh, Izd-vo. Voronezhskogo un-ta, 1969, 304 p. (In Russ.)

Yaroslava V. Martynova

Staff Member
Department of Rare Books and Manuscripts
(Museum of Books)
Russian State Library
Russia, 119019, Moscow, Ulitsa Vozdvizhenka, build. 3/5
E-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

The Fate of the Polish-Lithuanian Szlachta in Russia in the Second Half of the Seventeenth Century at the Example of Yu. E. Katransky

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.09

Abstract: The seventeenth century in Russia became a time of active interaction with the European countries and of the strengthening of the national sovereignty. Foreigners appeared more and more frequently in the service of the Russian tsar. People from the Polish-Lithuanian Commonwealth came to serve the tsar and became a part of the Russian nobility. The nobles (*szlachta*) joined the ranks of the local officials and successfully served their new homeland. One of them — Y. E. Katransky — participated in the construction of the new fortresses along the Belgorod fortification line, thereby strengthening the defense capability of the Russian state.

Keywords: foreigner, *voevoda*, foreign servicemen, *szlachta*, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Russian state

Джамал Якубович Рахаев

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН
Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
E-mail: jamal_rv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1576-4770

Т. Г. Шевченко и грузинское национальное движение второй половины XIX — начала XX века

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.10

Аннотация: В статье прослеживается влияние выдающегося украинского поэта и прозаика Т. Г. Шевченко на становление и развитие лидеров грузинского национального движения тергдалеулеби (И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Н. И. Ломоури и др.) во второй половине XIX — начале XX в. «Тергдалеулеби» (букв. — испившие воду Терека, то есть получившие образование в России), патриотическо-демократическое направление грузинской просветительской мысли 1860–1870-х гг., находились под влиянием Т. Г. Шевченко, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и европейских социалистов.

Ключевые слова: Грузия, Тифлис, Киев, Т. Г. Шевченко, И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Я. С. Гобешвили, Н. И. Ломоури, тергдалеулеби, грузинское национальное движение

По признанию ряда литературоведов, интерес к Грузии у Т. Г. Шевченко возник в середине 1830-х гг. и связан с именем грузинского живописца Г. И. Майсурадзе. Майсурадзе и Шевченко, в одно время обучавшиеся в Петербургской академии художеств, многие годы находились в дружеских отношениях¹. Русский литератор, переводчик и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский, познакомившийся с Шевченко в 1843 г., вспоминал, что поэт нередко обращался к нему с просьбой: «Ось сядь та розкажи мені про Грузію»².

¹ Богомолов И. С. Голос грузинской общественности // Шевченко и мировая культура. М., 1964. С. 159.

² Цит. по: *Имедадзе В.* Шевченко и Грузия // Литературная Грузия. 1961. № 3. С. 93–96.

Осенью 1845 г. Т. Г. Шевченко написал поэму «Кавказ», посвященную памяти близкого друга поэта Я. де Бальмена. Произведение являет собой образец высочайшего сочувствия обиженным, но смысл его гораздо шире, чем протест против завоевания Россией Кавказа. Шевченко поднимается до богоборческих высот, скорбя о несовершенстве мира вообще. В таких случаях обличители идут поверх исторической реальности. Шевченко, разумеется, прекрасно понимал, что русская армия вела тяжкую для себя и гибельную для горцев войну не для того, чтобы отобрать у них саклю и чурек или посягнуть на их жизненный уклад, — это были трагические издержки разрешения куда более серьезных задач. И для горцев смысл их смертельной борьбы заключался не в защите имущества — они могли сохранить его, покоровшись, — а в отстаивании своего представления о мире, вне которого их жизнь во многом теряла смысл.

Осенью 1859 г. в Петербурге в гостеприимном доме выдающегося российского историка, публициста и поэта, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, действительного статского советника Н. И. Костомарова состоялась встреча Т. Г. Шевченко и молодого грузинского литератора А. Р. Церетели. В своих воспоминаниях, опубликованных к пятидесятилетию ко дню смерти Т. Г. Шевченко, А. Р. Церетели так вспоминал об этой встрече:

«Тараса Григорьевича Шевченко я видел только раз на своем веку — у Николая Ивановича Костомарова, профессора русской истории. Признаюсь, первое впечатление было у меня не в пользу его: юношескому моему воображению он представлялся всегда каким-то гигантом, окруженным ореолом славы, а между тем передо мной стоял обыкновенный добродушный старик, скорее загнанный человек, чем идейный борец.

Хозяин, заметив мое смущение и поправив очки, начал задавать мне вопросы, на которые мне не раз приходилось отвечать.

— Вы, грузины, православные христиане? — спросил он меня неожиданно.

— Да, конечно! — ответил я.

— С каких пор?

— Когда с первого века Андрей Первозванный прибыл к понтийским берегам вместе со спутником своим Симоном Кананитом (который похоронен у нас, в Абхазии), тогда апостол многих из грузин обратил в христианство... и западная и восточная часть приняли христианство из рук святой равноапостольной Нины.

— Вы это знаете по устному преданию, или же есть и письменные данные?

— Конечно, письменные!

— Значит, есть у вас письменность? — вмешался вдруг Шевченко. — И с какого века?

— Есть указания на период дохристианский, в устных преданиях, былинах, сказках, но несомненное доказательство имеется с пятого века. До наших дней сохранились манускрипты, гуджары и исторические записки.

— В двенадцатом веке при царице Тамаре литература ваша была в полном расцвете? — спросил опять Костомаров.

— И раньше, но тогда появились знаменитые пророки, вроде Моисея Хронели, и мировые поэты: Руставели, Шавтели, Чахрухадзе и другие.

— Но почему обо всем этом никто ничего не знает? — вмешался опять Шевченко.

— Благодаря постоянной войне с магометанством грузины вели замкнутую жизнь, и идейная работа всегда шла келейно.

— Но теперь ведь полвека, как вы успокоились в руках России. И отчего же вы, сегодняшние грузины, продолжаете хранить молчание? Или прошлое уже не интересует вас?

— На это много причин, но... позвольте о них умолчать.

— А-а-а. Понимаю... Понимаю...

— Я все о том думаю, — заговорил Костомаров, — как это царство, окруженное со всех сторон магометанским миром, могло сохранить и государственность, и православие свое?

— Олицетворив идею национальной самостоятельности в вере, грузины оборонялись в продолжении нескольких веков и мученическими подвигами донесли православие до девятнадцатого столетия и вручили его могущественной русской державе в чистом виде и вместе с царством.

— Как с царством? — спросил Шевченко.

— Царь грузинский от имени народа заключил контракт с русскими о сюзеренстве.

— Нет, нет! Меня интересует религиозная сторона. Вы сказали, что до девятнадцатого столетия религию вы донесли в чистом виде. Что это значит?

— Без всякой ереси и суеверия.

— Религия без суеверия? Вы не признавали нечистых сил и не боролись против них?

— Боролись, но не так, как в других христианских государствах, где свирепствовала инквизиция и где оговоренных в колдовстве жгли тысячами. Мы оборонялись только крестным знамением.

— Может быть, предание умалчивает об этом?

— По крайней мере не говорят об этом ни законодательство, ни история.

— Как?! У вас были и законы писанные? А не только адаты?

— Конечно, были: царя Григория Блистательного, Атабага Агбу-ги, царя Вахтанга и других, и по ним решались дела.

Это сообщение очень удивило Шевченко, он подсел ближе, сделался словоохотливее и стал расспрашивать меня дальше.

— Как много общего у этого народа с нашим! — заметил он.

Шевченко вздохнул и стал говорить об Украине, унии и прочее. Говорил грустным тоном, но оживленно, и я не узнал в нем прежнего старика.

Беседа наша тянулась до трех часов ночи. Разошлись мы друзьями, дав друг другу обещание встречаться почаще. Но, увы, моему счастью не удалось сбыться: я заболел тифом и пролежал в постели три месяца. В это время он уже уехал на Украину³, и после того мне не пришлось встречаться с ним. Эта первая и последняя встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ⁴.

В начале 1860-х гг. Тараса Григорьевича слушал известный грузинский публицист и общественный деятель Д. И. Кипиани, который восторженно отзывался о его поэзии. Знали имя поэта и студенты грузины, которые в 1840–1860-х гг. учились в Петербурге.

Великие реформы 1860–1870-х гг., снявшие историческое напряжение Крымской войны, коренным образом трансформировали национальную политику самодержавия. Под влиянием европейской модели решения национального вопроса российское правительство после 1863 г. стало склоняться к последовательной интеграции всех

³ Здесь А. Р. Церетели допустил неточность. В действительности их встреча состоялась в 1860 г., после возвращения Т. Г. Шевченко с Украины.

⁴ *Церетели А.* Мои воспоминания о Шевченко // Закавказье. 1911. 26 февраля.

частей империи в цельное национальное государство, однако ввиду огромного многообразия этносов интеграционные процессы проходили асинхронно, локально и прерывисто. Так, в отношении грузин был признан целесообразным комплекс мер по их языковой и культурно-религиозной интеграции. Незавершенность и половинчатость проведенных в Грузии реформ привели к прямо противоположному эффекту. Самая важная из них — крестьянская — была проведена вопреки ожиданиям как местной аристократии, так и крестьянства. Другая, не менее важная, земская реформа, так хорошо себя показавшая в России, в Грузии вовсе не проводилась. Судебная реформа, которая в центральных областях России имела наиболее последовательный характер из всех реформ правительства Александра II, в Грузии была лишена всех своих прогрессивных черт. Узкий и ограниченный характер носили преобразования в сфере народного образования, городского самоуправления и административного устройства края.

В 1860-х гг. в светских и духовных высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Киева обучалось сравнительно многочисленное грузинское студенчество. По возвращении на родину молодые грузинские интеллектуалы обозначили себя как *тергдалеулеби* (буквально «испившие воду Терека», то есть побывавшие в России и получившие там образование) в противовес *мтквардалеулеби* (буквально «пивших воду только из Куры», то есть не выезжавших из Грузии и не видевших мир).

Идеологические позиции тергдалеулеби сложились в полемике с представителями грузинской знати на страницах журнала «Цискари» («Заря») по вопросам грузинского языка и литературы и отношения к крепостному праву и крестьянской реформе. В статье «Несколько слов по поводу перевода “Безумной” Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави» лидер тергдалеулеби И. Г. Чавчавадзе написал фразу, ставшую программной для грузинского национального движения: «Три святыни мы наследуем от предков: отечество, язык и веру. Если не защитим их, какой ответ дадим потомкам?»⁵ И. Г. Чавчавадзе поднял значение понятия «Мамули», то есть

⁵ Чавчавадзе И. Г. Несколько слов по поводу перевода «Безумной» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави // Чавчавадзе И. Г. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. I. Тбилиси, 1987. С. 261–262.

«Отечества», от местного, локального патриотизма грузинской аристократии (кахетинского, имеретинского, мингрельского, гурийского и др.) до сакрального общенационального символа (священная земля предков, в том числе и территории, утраченные в период Средневековья). Другим важным элементом, призванным, по мысли И. Г. Чавчавадзе, преодолеть сословные и географические границы и консолидировать грузинское общество, было понятие «Эна» («Язык»), то есть грузинская литература должна двигаться от попыток продолжать «высокий» литературный стиль Средневековья в пользу более простого и понятного повседневного разговорного языка. И, наконец, последнее понятие «Сарцмуноэба» («Вера»), введенное И. Г. Чавчавадзе, предлагало грузинскому обществу, отталкиваясь от идей христианского гуманизма, преодолеть сословные границы и объединиться в рамках одной христианской общины. Это, в свою очередь, неизбежно актуализировало вопрос о восстановлении автокефалии Грузинской православной церкви.

Поэтическое наследие Т. Г. Шевченко оказало огромное влияние на формирование мировоззрения «некоронованного царя Грузии», «Отца нации», поэта, публициста и общественного деятеля князя И. Г. Чавчавадзе. Чавчавадзе, как и Шевченко, в своей лирической поэзии и прозе выступает за солидарность между социальными классами в борьбе с главным врагом — российским самодержавием. Шевченко был активным деятелем культурно-просветительской организации «Громада» и членом недолговечного Кирилло-Мефодиевского братства. Чавчавадзе стал основателем «Общества распространения грамотности среди грузин». Социальное происхождение двух поэтов было совершенно разным, но основной темой творчества Чавчавадзе неотступно оставалась судьба крестьянства. Чавчавадзе критикует труды грузинских историков, которые, как он утверждал, создали историю о царях, где грузинский народ был невидим, что, опять-таки, отсылает нас к антиэлитаризму Шевченко. И главное, Чавчавадзе вслед за Шевченко страстно популяризирует грузинский язык как главную ценность национальной культуры. В 1881 г. И. Г. Чавчавадзе первым публикует в основанной им грузиноязычной газете «Иверия» поэму Т. Г. Шевченко «Наймичка». Перевел поэму начинающий грузинский писатель Н. И. Ломоури, получивший образование в Киевской духовной академии, еще в 1875 г. В 1879 г., окончив академию, он вернулся в Грузию. В своих рассказах «Отовсюду», «Судьба

несчастливых» и др. изображал нищенскую жизнь крестьян, призывал к просвещению и пробуждению национального сознания. За первым переводом последовали и другие: Шевченко переводили М. Гуриели, С. Хундадзе, Д. Томашвили, М. Кинцурашвили и др.

В начале XX в. Я. С. Гогешашвили на страницах «Сахалхо газети» («Народной газеты») обратился к литературному обществу Грузии с призывом: «Обогатить нашу литературу переводами произведений Шевченко. Эти переводы надо печатать вначале в газетах и журналах, а затем издавать отдельными книгами»⁶. На призыв откликнулись поэты и писатели К. Лордкипанидзе, Р. Чилачава, Т. Махаури, Н. Абесадзе и др.

В феврале 1911 г. в Российской империи прошел 50-летний юбилей со дня смерти поэта. Московская «Вечерняя газета» 13 октября 1911 г. сообщала о представлении в театре Эрмитаж: «Будут поставлены: первые действия “Назара Стодоли”, “Катерины” и живая картина “Т. Г. Шевченко среди героев своих произведений”. Хор исполнит “Умер батька наш”, и затем будет дано концертное отделение из произведений на слова поэта»⁷. В Киеве дело обстояло иначе — там тема Шевченко оказалась под запретом. Однако в регионах шли обратные процессы. Бакинские газеты «Каспий» и «Баку», несмотря на правительственный запрет, опубликовали статьи о поэте («К 50-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко», «Отец Тарас» и др.). Кроме того, в городе прошел регулярный, берущий начало еще в 1906 г. Шевченковский вечер. В феврале — марте 1911 г. в грузиноязычной прессе Тифлиса вышло много материалов памяти Т. Г. Шевченко. Газеты печатали биографические статьи о поэте, сообщалось о новых переводах его произведений на иностранные языки и т. д. 13 марта 1911 г. на страницах «Сахалхо газети» была опубликована статья известного грузинского педагога и публициста Я. С. Гогешашвили «Маленькое письмо о большом поэте». Особое внимание читателей привлекла статья князя А. Р. Церетели «Мои воспоминания о Шевченко» в газете «Закавказье». Классик грузинской литературы, который встречался с украинским поэтом, пишет об интересе Шевченко к истории и литературе грузинского народа. Из его воспоминаний мы узнаем

⁶ Гогешашвили Я. С. О современных задачах кавказской народной школы // Гогешашвили Я. С. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. Тбилиси, 1967. С. 276.

⁷ Вечерняя газета. 1911. 13 октября.

о чрезвычайно большом авторитете Шевченко среди петербургской грузинской колонии, а заканчиваются они знаменательными словами: «Разнообразна природа, но в этом разнообразии и заключается могущество и красота вселенной... Немыслимо идти против природы. Для примера возьму себя. Я грузин и потому должен, прежде всего, стараться развить, усовершенствовать свои национальные особенности, т. е. язык, веру, историю и проч. И тогда только буду достойным собратом других... Вы же украинцы, как славянское племя ближе к русским, но стоит только [отказаться] от ваших национальных особенностей, языка, истории и других, [убьете] в себе малоросса... Вот истина, которую проповедовал сто лет назад великий и симпатичный пророк Шевченко. Говорю симпатичный потому, что я знал его лично, и от него научился любви к родине»⁸.

В начале 1914 г. Государственная дума Российской империи несколько дней обсуждала вопрос о праздновании юбилея Т. Г. Шевченко. Мнения депутатов по этому поводу разделились — от категорического запрета до отстаивания права украинцев почитать память национального поэта. Так, например, убежденный социал-федералист, грузинский князь В. Л. Геловани поддержал инициативу Министерства внутренних дел. Это ведомство разослало циркуляр, предлагающий губернаторам и градоначальникам запретить публичные чествования Шевченко. «Не в отрицании особых интересов маленьких наций, а в их сочетании с задачами огромного целого — единственный путь к здоровому государственному строительству», — утверждал В. Л. Геловани. Лидер фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе решительно отвергал попытки проправительственных депутатских фракций увязать необходимость запрета празднования юбилея поэта с осложнением международной ситуации: «Украинское население, украинские народные массы давно взяты под подозрение и грубо ассимилиристская политика там давно приносит свои плоды. Но теперь подвернулся наиболее подходящий случай для господ националистов, чтобы кричать, что отечество в опасности. А опасность эта... выражается в том, что украинское население пожелало чествовать память того, кто всю свою жизнь служил этим народным массам. Шевченко боролся за правду, которую более всего ненавидят крепостники всех времен и всех народов, и Шевченко клеймил эксплуатацию,

⁸ *Церетели А.* Мои воспоминания о Шевченко // Закавказье. 1911. 26 февраля.

рабство, на котором строил благополучие как его барич, так и его достойные потомки. И это, господа, конечно известно украинским народным массам. Мало того, этим массам известно, что искоренение того зла, с которым боролся Шевченко, требует неустанной, непримиримой борьбы... Украинское движение, это движение политическое и смысл этого движения сводится к раскрепощению украинских народных масс... Это движение грозит националистам-хозяевам большой опасностью; это движение доказало беспочвенность и бессмысленность мечтаний о мирном исходе того положения, в котором в настоящее время находится страна. Это движение доказало, что свободное национальное движение, свободное национальное самоопределение в России и политика наших националистов шовинистов непримиримы и враждебны»⁹. «Первый тенор» кадетской партии, депутат Ф. И. Родичев полагал, что запрет нецелесообразен, так как он лишь накалит страсти. И пока в Российской империи оскорбляются чувства украинцев, в Австро-Венгрии, как уточнил парламентарий, учреждается украинский университет, который станет могучим средством для националистической пропаганды. «Чествование Шевченка состоится, но, к стыду нашему, за пределами России»¹⁰, — завершил свой спич Родичев. Монархист В. М. Пуришкевич высказался предельно категорично: «Речь идет о кучке украинской интеллигенции, намеревающейся из чествования сделать политическую демонстрацию. При других обстоятельствах чествование памяти Шевченко не встретило бы возражений, но в настоящий момент голос государственного разума должен удержать нас от этого шага, дабы не дать украинской интеллигенции возможности лишней раз выкинуть красное знамя»¹¹. Госдума все же запретила праздновать юбилей. Тогда во многих украинских городах прошли стихийные манифестации, которые полиция разогнала. Кроме того, духовенству рекомендовали не служить 25 февраля панихиды по поэту.

Драматично прошли в украинских городах шевченковские дни 25–26 февраля 1914 г. В Киеве на центральных улицах всюду стояла полиция и разгоняла нагайками почитателей Кобзаря, которые пытались пройти по Крещатику. Корреспондент «Русского слова»

⁹ Стенографические отчеты Государственной Думы. Четвертый созыв, сессия II, часть II. Заседание 43, 26.02.1914. Стб. 1166.

¹⁰ Там же. Стб. 1169.

¹¹ Там же. Стб. 1172.

сообщал: «В ожидании демонстрации по случаю запрещения шевченковских торжеств полиция, казаки и войска разместились вблизи всех высших учебных заведений, а также во многих усадьбах на центральных улицах. Клуб “Родина” и так называемые украинские книгарни закрыли. В Софийском соборе просьбы частных лиц, в том числе и родственников Шевченко, отслужить панихиду по поэту священнослужители отклонили. Та же история повторилась и во Владимирском соборе. Близ последнего, на улице, небольшая группа людей запела Вечную память, и пение подхватили окружающие. А возле Золотовратского переулка произошло столкновение — полиция разогнала небольшую толпу горожан, пытавшихся отметить юбилей. История повторилась в разных уголках Киева еще несколько раз — в итоге полиция арестовала семь десятков людей»¹².

Газета «Киевлянин» в тот день сообщила: «Во всех высших учебных заведениях лекции сегодня были либо совсем отменены, либо немногочисленны. В коммерческом институте собралось более тысячи слушателей. Когда в коридорах раздалось пение Вечной памяти Тарасу, в институт была введена полиция. При попытке последней задержать контрольные билеты студентов последние разнесли контрольную будку, билеты уничтожили и унесли. Несколько студентов арестовано»¹³.

Известный украинский общественный деятель и меценат Е. Х. Чикаленко в своем дневнике особо отметил поразившее его во время беспорядков 25–26 февраля 1914 г. поведение грузинских студентов: «Говорят, что при списывании протоколов по арестованным демонстрантам, кавказцы, а собственно грузины, словно сговорились называть себя украинцами.

— Да какой же вы украинец? — спрашивает их на допросе полицейский пристав. — Вы же грузин, видно по вам.

— Пиши украинец. Ты читал “Кавказ” Шевченко? Его написал украинец, и я тоже хочу быть украинцем!»¹⁴

В феврале 1914 г. в грузиноязычной прессе Тифлиса публикуются статьи о жизни и деятельности украинского поэта, новые переводы его стихотворений. В апреле 1914 г. в Тифлисе, в Народном доме

¹² Беспорядки в Киеве // Русское слово. 1914. 25 февраля.

¹³ Памяти Т. Г. Шевченко // Киевлянин. 1914. 25 февраля.

¹⁴ Чикаленко Е. Щоденник. Львів, 1931. С. 437.

грузинская общественность широко отмечает юбилей Шевченко. Известный грузинский поэт И. Г. Гришашвили так описал это событие: «Акакий (Церетели. — Дж. Я.) вышел на сцену... Овациям не было границ. Когда аплодисменты утихли, он начал: “Да, я лично знал батька Тараса Григорьевича Шевченко...” Слова эти вызвали новую бурю аплодисментов. Люди поднялись с места и стояли до тех пор, пока Акакий закончил свои воспоминания. Красивое и содержательное выступление нашего поэта аудитория выслушала стоя. Украинцы обнимали грузин, находившихся в партере, и целовали их. Это была воистину волнующая картина дружбы двух народов и в то же время протест против политики царизма, запрещавшего даже упоминание имени Шевченко... Свою речь Акакий закончил следующими словами: “Любите свою родину и родной язык так, как любил их покойный Шевченко, и это будет лучшей наградой, нерукотворным могучим монументом, воздвигнутым для увековечивания памяти о нем”. Эти слова были заветными словами, исторгнутыми из груди всего грузинского народа. Закончив свою речь, Акакий приблизился к бюсту Шевченко, опустил на колени и склонил перед ним свою седую голову. Эта картина произвела неизгладимое впечатление... Зрители восторженными аплодисментами и возгласами потрясли стены театра. Это был мужественный поступок гражданина, который демонстративно, на глазах полиции, преклонив колени перед бюстом опального Шевченко, еще раз подчеркнул свое благоговейное отношение к его памяти»¹⁵.

Источники

Стенографические отчеты Государственной Думы. Четвертый созыв, сессия II, часть II. СПб.: Гос. тип., 1914.

Вечерняя газета. 1911. 13 октября.

Киевлянин. 1914. 25 февраля.

Русское слово. 1914. 25 февраля.

Гогебашвили Я. С. О современных задачах кавказской народной школы // Гогебашвили Я. С. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. Тбилиси: Мериани, 1967. С. 271–277.

Чавчавадзе И. Г. Несколько слов по поводу перевода «Безумной» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави // Чавчавадзе И. Г. Полное

¹⁵ *Гришашвили И.* Литературные очерки. Тбилиси, 1952. С. 188–189. (На груз. яз.)

собрание сочинений: в 20 т. Тбилиси, 1987. Т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1987. С. 254–269.

Церетели А. Мои воспоминания о Шевченко // Закавказье. 1911. № 45. 26 февраля.

Чикаленко С. Щоденник. Львів: «Червона калина», 1931. 496 с.

Литература

Богомолов И. С. Голос грузинской общественности // Шевченко и мировая культура: К 150-летию со дня рождения. 1814–1964 / ред. кол.: Н. Ф. Бельчиков (глав. ред.), М. Ф. Рылский, Е. П. Кирилюк, Н. И. Кравцов, Ф. Я. Прийма, Е. Ф. Трущенко. М.: Наука, 1964. 276 с.

Гришашвили И. Литературные очерки. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1952. 211 с. (На груз. яз.)

Имедадзе В. Шевченко и Грузия // Литературная Грузия. 1961. № 3. С. 70–101.

References

Bogomolov I. S. Golos gruzinskoj obshchestvennosti. *Shevchenko i mirovaia kul'tura*, ed. by N. F. Belchikov. Moscow, Nauka, 1964, 276 p. (In Russ.)

Grishashvili I. *Literaturmyje ocherki*. Tbilisi, Gosizdat Gruzinskoj SSR, 1952, 211 p. (In Georgian.)

Imedadze V. Shevchenko i Gruzii. *Literaturnaia Gruzii*, 1961, no. 3, pp. 70–101. (In Russ.)

Dzhamal Ya. Rakhayev

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Russian History
Russian Academy of Sciences
Russia, 117292, Moscow, Ulitsa Dmitriia Ul'ianova, build. 19
E-mail: jamal_rv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1576-4770

T. G. Shevchenko and the Georgian National Movement of the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Century

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.10

Abstract: The article traces the influence of the outstanding Ukrainian poet and prose writer T. G. Shevchenko on the formation and development of the leaders of the Georgian national movement *Tergdaleulebi* (I. G. Chavchavadze, A. R. Tsereteli, N. I. Lomouri, etc.) in the second half of the nineteenth and early twentieth century. *Tergdaleulebi* members (literally: those who drank the water of the river Terek, meaning those educated in Russia), this patriotic-democratic direction of the Georgian educational thought of the 1860s and 1870s, was under the influence of T. G. Shevchenko, V. G. Belinsky, N. G. Chernyshevsky, N. A. Dobrolyubov and European socialists.

Keywords: Georgia, Tiflis, Kyiv, T. G. Shevchenko, I. G. Chavchavadze, A. R. Tsereteli, Ya. S. Gogebashvili, N. I. Lomouri, *Tergdaleulebi*, Georgian national movement

Валерий Борисович Перхавко

кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН
Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
E-mail: perkhavko@gmail.com
ORCID: 0000-001-8194-1520

Жизненные зигзаги украинского революционера, юриста и литератора Григория Пирхавко (1883–1937)

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.11

Аннотация: Автор обращается к вехам жизни, борьбы и творчества своего деда Григория Исаевича Пирхавко, деятеля украинского национального и политического движения второго-третьего плана, чья судьба типична для его единомышленников. Частичная реконструкция его биографии проделана автором на основе выявления как опубликованных письменных источников (в том числе украинской эмигрантской периодики), так и доступных архивных материалов и устных воспоминаний родственников.

Ключевые слова: Григорий Пирхавко, ссылка в Иркутске, революция 1917 г., украинское национальное движение, эмиграция в Праге, сменовеховцы

В судьбах выходцев из Украины и Белоруссии, живших в эпоху военно-революционных бурь начала XX в., сфокусировались многие события того времени. Проиллюстрирую сказанное, обратившись к вехам жизни, борьбы и творчества моего деда Григория Исаевича Пирхавко, деятеля украинского национального и политического движения второго-третьего плана. Мне удалось частично реконструировать его биографию по опубликованным документам, эмигрантской периодике, воспоминаниям родственников и знакомых¹. Ряд событий

¹ См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993. С. 398; *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 367–368; *Остроушко Л.* Революционер за покликанням // Реабілітовані історією: Київська область. Кн. 3. Київ, 2011. С. 567–573;

удалось установить благодаря возможности ознакомиться с материалами архивов. Так, часть сведений о Григории Пирхавко сохранилась в Государственном архиве Российской Федерации², в Государственном архиве Иркутской области³, в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины⁴, а также в архивах спецслужб: Архиве Управления ФСБ Кемеровской области и Государственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве⁵.

Родившийся в 1883 г. в с. Исайки Каневского уезда Киевской губернии в крестьянской семье, он был крещен в местной Архангело-Михайловской церкви⁶. Корень его семейной фамилии («Пирх»), скорее всего, имеет литовское происхождение. Во второй половине XV в. в королевских грамотах дважды упоминается киевский боярин (земянин) Пирхайла (Пирхала), получавший часть дохода от Житомирской таможи и от пожалованной ему между 1482 и 1491 гг. волости Олевско на Житомирщине⁷. Жена и дети этого мелкого феодала оказались «у Орде», очевидно, попав в плен к крымским татарам, посему он просил дать в держание вне очереди и еще на один год для их выкупа. О. А. Однороженко выявил герб рода Пирхала (*Pirchala*) в еще более ранних документах 1392, 1406, 1409, 1422 гг.⁸ Предки Григория Пирхавко, по всей вероятности, находившиеся в зависимости от одного из служилых феодалов рода Пирхала, впоследствии участвовали в национально-освободительной войне украинского

Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-сост. Л. Г. Протасов. М., 2014. С. 326–327; *Перхавко В. Б.* Мій дід Григорій Пирхавка // Медвинське повстання. Спогади / упоряд.: Р. М. Коваль, П. Б. Гоголя. Київ; Кам'янець-Подільський, 2014. С. 103–106.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Оп. 31. Д. 20. Ч. 27-6; Ф. 102. Особый отдел. 1911. Д. 20. Ч. 27-6; 1912. Д. 20. Ч. 27-6.

³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 242. Оп. 2. Д. 186.

⁴ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 25.

⁵ Условия ознакомления родственников-заявителей с материалами этих архивов не позволяют привести сведения о номерах фондов, дел и т. п., поэтому ссылки носят неполный характер.

⁶ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787.

⁷ Литовская метрика, книга записей А. № IV. Ф. 35; Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 2: Акты о заселении Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.). Киев, 1890. С. 9–10; Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1978. Т. 2. С. 146.

⁸ *Однороженко О. А.* Українська родова геральдика доби Середньовіччя та раннього Модерна: дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2009. С. 432.

народа в XVII ст. Один из них, согласно семейным преданиям, был сотником Богуславского полка.

После окончания школы Григорий Пирхавко начал свою трудовую деятельность в качестве помощника волостного писаря⁹. Впоследствии, с 1900 по 1937 г., около двух десятилетий ему пришлось провести в тюрьмах, лагерях и ссылках. Впервые он был сослан в административном порядке в Восточную Сибирь (Иркутскую губернию) в 1900 г. за участие в пропагандистском неонародническом (эсеровском) кружке, который организовал один из учителей в Каневском уезде¹⁰. И если бы юноше сделали лишь полицейское внушение, а не отправили в ссылку, возможно, он бы, одумавшись, продолжил бы образование и занялся культурно-просветительской деятельностью. Неоднократные аресты, пребывание в тюрьмах и в ссылке сделали из него бескомпромиссного революционера-бунтаря, активного члена общероссийской партии эсеров (ПСР).

Проживая в административной ссылке в Иркутске, Пирхавко сначала работал на строительстве дорог, а затем устроился в качестве письмоводителя на Иркутскую таможенно. Клуб приказчиков Иркутска, занимавший в начале XX в. огромный особняк Х.Г. Колыгиной на Большой улице, играл заметную роль в общественной жизни города, что во многом объясняется наличием немалого числа политических ссыльных среди местных торговых служащих¹¹. Не отошел Пирхавко и от участия в революционном движении. Тем более что в 1902 г. в Иркутске в основном из числа ссыльных была создана эсеровская организация¹².

В период Первой российской революции 1905–1907 гг. и после ее окончания Пирхавко неоднократно арестовывался за распространение нелегальной литературы, участие в забастовке на Иркутской таможенно и организацию крестьянских волнений. Далекое не сразу он воспользовался правом отъезда из административной ссылки,

⁹ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787; Устные воспоминания родственников.

¹⁰ Там же.

¹¹ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 55; Иванов А.А. «Далеко в стране иркутской...». Очерки истории политической и уголовной ссылки XVI — начала XX века. Иркутск, 2021. С. 212–213.

¹² Иванов А.А. «Далеко в стране иркутской...». С. 218–219; См. также публикацию документов: Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции: сборник документальных материалов. Иркутск, 1955.

полученным 21 октября 1905 г., вскоре после обнародования царского Манифеста от 17 октября того же года. Прокурором Иркутского окружного суда 6 сентября 1906 г. было заведено дело «О Григории Пирхавко, обвиняемом в распространении нелегальной литературы и принадлежности к революционной организации»¹³. Дело это было завершено 13 июля 1907 г. Во время пребывания в сибирской ссылке Г. И. Пирхавко женился на дочери кузнеца Евгении Петровне Захаровой, чья мать происходила из семьи ссыльных поляков¹⁴.

На исходе Первой российской революции Григорий Пирхавко проживал в городе Богуславе Киевской губернии. За революционную агитацию среди крестьян в мае 1907 г. он снова был арестован, заключен в Каневскую тюрьму и сослан на два года в Вологодскую губернию¹⁵. На этапе, в Вятской тюрьме, за бунт политзаключенных вместе с другими участниками Пирхавко был избит и посажен в карцер¹⁶. Находясь в ссылке в Сольвычегодске, под влиянием адвоката Томского (его инициалы автору не удалось установить) увлекся юриспруденцией. За участие в демонстрации в Сольвычегодске оказался в тюрьме, после пребывания в которой его сослали еще на 100 верст дальше, в Берер-Насолоцкое (или, вероятно, Березонаволоцкое). После окончания срока северной ссылки царские власти запретили ему возвращаться на Украину, поэтому он в начале 1910 г. уехал в Иркутскую губернию, где перебивался случайной работой. Одно время Пирхавко являлся секретарем редакции журнала «Жало», издававшегося анархо-коммунистами.

Не сумев получить образование на юридическом факультете Киевского университета, Г. И. Пирхавко сдал около 1910 г. экзамены на право заниматься частной юридической практикой при Иркутском окружном суде¹⁷. Работа до весны 1917 г. в качестве частного поверенного позволила ему за счет значительных гонораров с клиентов (в основном богатых золотопромышленников) обеспечить довольно высокий уровень жизни семьи (просторная квартира, кухарка, няня для детей). Пирхавко создал и возглавил в Иркутске украинский

¹³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 242. Оп. 2. Д. 186.

¹⁴ Устные воспоминания родственников Г. И. Пирхавко.

¹⁵ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1914. Отд. II. С. 20.

литературно-музыкально-драматический кружок «Громада», занятия которого проводил в собственной просторной квартире¹⁸. Казначеем этого кружка был его хороший приятель, тоже ссыльный Илья Кузьмич Книжник, ставший крестным отцом и сына Бориса, и старшего из внуков Юрия. Из политических ссыльных в Иркутске Пирхавко мог общаться преимущественно с анархистами, меньшевиками и эсерами (М. А. Натансоном, И. Г. Церетели, С. П. Швецовым и др.).

После Февраля 1917 г. Г. И. Пирхавко, войдя в состав Иркутского комитета общественных организаций во главе с И. Г. Церетели, участвовал в формировании новой системы власти в Иркутске¹⁹.

В мае 1917 г. неугомонный Григорий Пирхавко, забросив адвокатскую практику и оставив семью в Иркутске, отправился в Киев для участия в работе Второго войскового съезда. Вернувшись на Украину и подключившись к украинскому национальному движению, он перешел из ПСР в Украинскую партию социалистов-революционеров (УПСР), затем избирался в Богуславе мировым судьей, членом Киевского губернского земского собрания, депутатом Всероссийского учредительного собрания (по списку № 1 — Блок Украинской партии социалистов-революционеров, Украинской селянской спилки и Украинской социал-демократической рабочей партии, Киевский избирательный округ)²⁰. Пока мне не удалось найти свидетельств о приезде Г. И. Пирхавко в революционный Петроград в декабре 1917 г. для участия в открытии Всероссийского учредительного собрания, разогнанного на следующий день после единственного заседания 5 января 1918 г. Он был избран также в состав Украинского учредительного собрания²¹. На Украине мой дед как гласный Киев-

¹⁸ Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 год. Иркутск, 1914. С. 137, 181; справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1915. Отд. II. С. 61.

¹⁹ О деятельности Комитета общественных организаций Иркутска сохранились воспоминания социал-демократа В. С. Войтинского. См.: История Иркутска XX века. Хрестоматия. Т. 1: 1900–1920 год / сост. А. Н. Гарашенко, А. А. Иванов. Иркутск, 2016. С. 379–389.

²⁰ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-сост. Л. Г. Протасов. М., 2014. С. 326–327.

²¹ См.: *Перхавко В.Б. Проекты региональных Учредительных собраний на пространствах старой России (1917–1918 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: Материалы межд. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.)*. М., 2018. С. 101–108.

ского земского собрания и Каневский уездный комиссар Украинской народной республики (УНР) участвовал в заседаниях Малой рады, проходивших в здании Педагогического музея на Великовладимирской улице (совр. Владимирская ул., д. 57). А пленарные сессии Украинской центральной рады (УЦР) созывались в Троицком народном доме (театре М. Садовского).

11 апреля 1918 г. Малая рада назначила на 12 мая 1918 г. открытие Украинского учредительного собрания, которое должно было принять основные законы УНР, окончательно утвердить состав и полномочия органов власти. Но 29 апреля 1918 г. при активном содействии главнокомандующего германскими оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршала Г. Эйгорна (Айхгорна) в Киеве произошел государственный переворот: Центральную раду распустили, а конгресс хлеборобов, состоявший из 6432 делегатов из всех областей Украины, провозгласил гетманом генерал-лейтенанта Павла Скоропадского²². Режим же гетманщины не нуждался в Учредительном собрании.

Пирхавко выступал против германской оккупации Украины, из-за чего преследовался и арестовывался в период гетманата Павла Скоропадского²³. После свержения Скоропадского в ноябре 1918 г. и прихода к власти петлюровской Директории ее руководители, находясь под воздействием советской идеи представительства, решили вместо Учредительного собрания созвать в конце января 1919 г. Трудовой конгресс Украины²⁴. В его работе Пирхавко также принимал участие. Он в это время выполнял обязанности заместителя киевского губернского комиссара.

1918 и особенно 1919 г. в истории украинского национального движения обычно называют периодом атаманщины²⁵. После прихода красных украинские крестьяне, опасаясь продразверстки, упросили Е. П. Захарову, жену Г. И. Пирхавко, оставить детей на попечение его родственников и отправиться на поиски мужа, скрывавшегося в Винницкой губернии от преследования большевиков, чтобы призвать его

²² *Солдатенко В. Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М., 2018. С. 236–245.

²³ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787.

²⁴ *Солдатенко В. Ф.* В горниле революций и войн. С. 326–330.

²⁵ См., например: *Митрофаненко Ю.* Українська отаманщина 1918–1919 років. Вид. 2-е. Кіровоград, 2016.

на помощь. И она выполнила просьбу. А Григорий Пирхавко, подвергая свою жизнь опасности, вскоре вернулся в родные места и организовал в апреле 1919 г. в Медвине (Киевская губерния) восстание украинских крестьян против продразверстки, став комиссаром повстанческой дивизии, обратившей в бегство и разгромившей целый полк Красной армии. Не зря последней эсеровской кличкой моего деда стало прозвище «Атаман». Действия повстанцев на Киевщине и в Подолии координировались Всеукраинским революционным комитетом, однако эти антибольшевистские крестьянские выступления были обречены на провал²⁶.

Этот период его деятельности характеризует информация от 15 июня 1921 г. представителя еврейской общественности Фельдберга (инициалы установить не удалось): «За несколько дней до наступления красных на Таращу приехали из штаба повстанческой дивизии и было устроено политическое совещание, на котором были также представители еврейской общины приглашены. На совещании выступил от имени штаба член бывшей Центральной рады и Учредительного собрания некий Пирховко²⁷ — мировой судья, бывший политический каторжник. Пирховка призывал население к совместному выступлению против большевиков и к восстановлению власти крестьян». Однако Фельдберг заявил на этом совещании, что «не может быть речи о содействии со стороны евреев, когда им ежеминутно грозит полное физическое уничтожение со стороны повстанцев»²⁸. Два дня спустя 6-й полк Красной армии выбил повстанцев из Таращи, и Г. И. Пирхавко пришлось ретироваться вместе с ними.

Но справедливости ради следует привести еще выписку из дневника казенного раввина Д. Б. Лучинского о грабежах и убийствах еврейского населения в местечке Богуслав Каневского уезда Киевской губернии в апреле — мае 1919 г.: «Все евреи попрятались, а банды повстанцев ходили из дома в дом: грабили, уничтожали, избивали,

²⁶ Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма (Виклади в Америці). Прага, 1927. С. 142–144.

²⁷ Украинская фамилия Пирхавка (правильно написание на русском языке — Пирхавко), которая досталась моему деду от отца, в разных вариантах воспроизводилась в документах, поскольку воспринималась со слуха.

²⁸ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сб. док. / отв. ред. Л. Б. Милькова. М., 2007. С. 108.

калечили. Следует, однако, прибавить, что как ни велико было чувство мщения и ненависти к евреям, но погром не носил ожесточенного характера и не вылился в форму поголовного убийства или резни. Объясняется это или тем, что во главе этих повстанцев стояли более или менее интеллигентные, как Пирховка, который имел массу друзей среди евреев и многим был лично обязан, или тем, что удалось всем свою злобу вылить на красноармейцев, которых они застали врасплох, усеяли их костями все Мисайловские поля, или же тем, что спешили через местечко к железной дороге, чтобы разобрать полотно железной дороги и отрезать путь отступающим и вместе с тем помешать прибытию войск на помощь этим, — все это трудно теперь уяснить»²⁹. Тем не менее погром, все же начавшийся 4 апреля 1919 г., привел к невинным жертвам: «Характерно одно зверское убийство еврея Миндича, двадцати девяти лет: он участвовал в совдепе и был в самых близких отношениях с Пирховкой, с которым провел несколько лет в ссылке. Когда его арестовали, атаман распорядился его освободить. Но в тот же день вечером неизвестные ворвались к нему на квартиру и повели будто в штаб, а по дороге зарубили его шашками»³⁰.

В материалах допроса Г. И. Пирхавко в ГПУ Украины в Харькове, датированных осенью 1933 г. и хранящихся сейчас в Архиве Службы безопасности Украины (Киев), содержится информация об его участии в организации отрядов еврейской самообороны на юге Киевской губернии в 1919 г.³¹

В 1920 г. Г. И. Пирхавко стал заместителем министра внутренних дел УНР и ответственным секретарем Конституционной комиссии УНР (первая Конституция УНР, утвержденная 29 апреля 1918 г., из-за переворота П. Скоропадского так и не вступила в действие)³². В течение июля — августа 1919 г. Конституционная комиссия УНР провела десятки заседаний с обсуждением основных положений Конституции УНР, причем за каждое заседание членам Конституционной комиссии платили из выделенных бюджетных средств по 800 гривен.

²⁹ Там же. С. 112.

³⁰ Там же. С. 113.

³¹ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787 (Выписки и ксерокопии из личного архива автора, сделанные в 1991 г.).

³² Яневський Д.Б. Маловідомі конституційні акти України 1917–1920 рр. Київ, 1991. С. 40–41.

Вместе с отступавшими белополяками деятели УНР оказались в Польше и были интернированы в Ченстоховском лагере. Там Г.И. Пирхавко находился до 1922 г. С 1922 по 1928 г. он проживал в эмиграции в Праге, где, наконец, завершил свое высшее образование в Украинском свободном университете и стал доктором права и общественных наук. С 1923 г. публиковался под псевдонимом «Гр. Сибирний» в украинском эмигрантском журнале «*Нова Україна*» («Новая Украина»), который издавался Н. Шаповалом. Первый рассказ, найденный мною в этом периодическом издании, именовался «*Страшний кіннотчик*» («Страшный всадник») ³³. В нем в художественной форме и даже с юмором повествовалось об антибольшевистском крестьянском восстании 1919 г., одним из организаторов которого был сам автор. Документы и фотографии из личного архива передавались Пирхавко в Украинский кабинет-музей, созданный эмигрантами.

В Праге Г.И. Пирхавко с 1924 г. перешел на просоветские позиции, после чего стал одним из организаторов Украинского крестьянского союза и руководителем Библиотеки-читальни имени Т.Г. Шевченко, которая издавала в 1926 г. журнал «*Нове життя*» («Новая жизнь») ³⁴. Пирхавко, естественно, являлся членом редколлегии и постоянным автором данного периодического издания. На одном из собраний в Библиотеке-читальне имени Т.Г. Шевченко, посвященном Кобзарю, наряду с Г.И. Пирхавко, выступал в 1926 г. известный ученый-славист профессор З. Нееды ³⁵. Пирхавко, превратившись в эсеровского «сменовеховца», еще в Чехословакии получил советское гражданство и печатался в газетах советской Украины. В Праге он женился на словачке Марии Игнатьевне Шедейевой, последовавшей чуть позже за мужем на его родину. За свою политическую деятельность 1917–1920 гг. Г.И. Пирхавко был официально амнистирован советскими властями. Все эмигрантские годы его не покидала тоска по родной Украине. Есть устное семейное свидетельство о том, что в начале 1920-х гг. он даже нелегально проникал на территорию СССР, пытаясь вывезти своих детей за границу. Однако осуществить намерение ему не удалось, так как дочери и сын проживали

³³ *Сибирний Гр.* Страшний кіннотчик // *Нова Україна*. 1923. № 7–8. С. 162–167.

³⁴ Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787. Л. 62.

³⁵ См.: *Нове життя*. 1926. № 10.

у родственников в самых разных местах страны.

В 1928 г. он с женой направился из Праги в Харьков, являвшийся тогда столицей УССР. По пути остановился всего на один день в Киеве, где провел своеобразную экскурсию по городу для своего сына Бориса, показав ему здание бывшего Педагогического музея, в котором в 1917–1918 г. располагалась Центральная рада и проживал весной 1918 г. в полуподвальном помещении ее председатель М. С. Грушевский³⁶.

В Харькове мой дед работал юрисконсультom «Промтранс-проекта», преподавал на рабфаке и курсах украинизации³⁷, занимался литературным трудом

(перевел на украинский язык в сокращенном варианте «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека (в 12 главах, с рисунками Й. Лады)³⁸, сам сочинял рассказы и повести, публиковался в прессе (журнале «*Vsesvit*» («Весь мир»), газете «Киевская правда»)).

В декабре 1930 г. Г. И. Пирхавко был арестован, но через несколько месяцев отпущен (в заключении он находился тогда по конец апреля 1931 г.)³⁹. Вторично был арестован 28 сентября 1933 г. и 23 февраля 1934 г. осужден «тройкой» при коллегии ГПУ УССР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Его рукописи при аресте были изъяты и затем уничтожены, имущество конфисковано. Судьба последней жены М. И. Шедейовой и дочерей Г. И. Пирхавко

Г. И. Пирхавко в эмиграции. Прага, 1927 г. Из личного архива автора

³⁶ Архив Управления ФСБ Иркутской области. Д. 7891.

³⁷ Там же.

³⁸ Книга вышла тиражом в 7000 экземпляров. См.: *Гашек Я.* Пригоди доброго вояки Швейка за світової війни / скороч. переклад Гр. Сибірного. Харків, 1930. 205 с.

³⁹ Одно из его последних показаний ГПУ УССР датировано апрелем 1931 г. См.: Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев). Д. 017787. Л. 62.

Г. И. Пирхавко после последнего ареста. Тюремная фотография. Харьков. 1933 г.

Из личного архива автора

так и осталась мне неизвестной. А его единственный сын Борис (1911–1955), финансист по профессии, увлекавшийся театром и литературой и женатый в первом браке на артистке Киевского театра оперы и балета Галине Садовской, арестовывался по политическим мотивам трижды (в 1933, 1934 и 1938 гг.); после второго ареста он был приговорен к 5 годам, после третьего ареста — еще к 10 годам лагерей, а в 1948 г. — к бессрочному пребыванию в ссылке в Северном Казахстане, где и скончался в 1955 г. от тяжелой болезни, заработанной в ГУЛАГе на ремонте и строительстве мостов в ледяной воде, в том числе в годы Великой Отечественной войны⁴⁰. Его реабилитировали посмертно.

31 августа 1937 г. Г.И. Пирхавко, находясь в Запсиблаг, был приговорен к расстрелу «тройкой» УНКВД Западно-Сибирского края по обвинению в антисоветской агитации и 13 сентября того же года расстрелян⁴¹. Место расстрела и захоронения установить не удалось. В свидетельстве о смерти Г.И. Пирхавко в графе «Причина смерти» указано: «Расстрел». Причем первоначально Кемеровский ЗАГС указал неверную дату смерти — 1938 г., но в повторном свидетельстве, по настоянию автора этих строк, все было исправлено. Реабилитирован Григорий Пирхавко был посмертно, причем также дважды, в 1989 и 1990 гг.

Сильная «украинскость», очень прочное чувство этнокультурной идентичности, отчасти связанное с длительным пребыванием

⁴⁰ Архив Управления ФСБ Иркутской области. Д. 7891 (прежние номера следственного дела 3865, 7723).

⁴¹ Архив Управления ФСБ Кемеровской области.

далеко за пределами Украины, сочетались в Г. И. Пирхавко с революционной активностью и обостренным чувством социальной справедливости. И в политическом порыве он мог пренебречь обязанностями отца семейства, у которого были жена, дочери и сын младшего школьного возраста. Почти все они стали в разное время (кто в период Гражданской войны, а кто в 1930-е гг.) невинными жертвами тоталитарной системы по причине бурной политической деятельности эсера и юриста Г. И. Пирхавко, который лишь в последние годы жизни нашел свое подлинное призвание в публицистике и художественной литературе. Но я не могу его в чем-то упрекать. Ведь все поступки моего деда носили искренний, честный характер, а за свою деятельность он расплатился сполна 20-летним пребыванием в ссылках, тюрьмах, лагерях и собственной жизнью.

Источники

- Архив Управления ФСБ Иркутской области.
Архив Управления ФСБ Кемеровской области.
Архив Юго-Западной России. Киев: Унив. тип. (И. И. Завадского), 1859–1911. Ч. 7, т. 2: Акты о заселении Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.). 1890. 859 с.
Государственный архив Иркутской области. Ф. 242.
Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63, 102.
Государственный архив Службы безопасности Украины (Киев).
Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 год. Иркутск: изд. В. Ф. Хардина и И. И. Серебренникова, 1914. 395 с.
Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов / отв. ред. Л. Б. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007. 1032 с.
Литовская метрика. Отдел первый. Часть 3. Пг.: Б. и., 1918.
Медвинське повстання. Спогади / упоряд.: Р. М. Коваль, П. Б. Гоголя. Київ: Історичний клуб «Холодний Яр» Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, 2014. 224 с.
Нова Україна (Прага). 1923.
Нове життя (Прага). 1926.
Реабілітовані історією: наук.-док. серія у 27 т. Київська область. Книга 3-я. Київ: Основа, 2011. 984 с.
Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции: сборник документальных материалов / ред. Ф. А. Кудрявцев. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1955. 154 с.

Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск: изд. В. Ф. Хардина и И. И. Серебrenникова, 1915. Отдел II. 266 с.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1156.

Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма (Виклади в Америці). Прага: «Вільна спілка»: Український робітничий ун-т, 1927. 334 с.

Литература

Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-сост. Л. Г. Протасов. М.: РОССПЭН, 2014. 556 с.

Иванов А. А. «Далеко в стране иркутской...». Очерки истории политической и уголовной ссылки XVI – начала XX века. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. 261 с.

Митрофаненко Ю. Українська отаманщина 1918–1919 років. Вид. 2-е. Кіровоград: Імекс-ЛТД, 2016. 286 с.

Однороженко О. А. Українська родова геральдика доби Середньовіччя та раннього Модерна: дис. ... д-ра іст. наук. Київ: Інститут української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2009. 545 с.

Перхавко В. Б. Проекты региональных Учредительных собраний на пространствах старой России (1917–1918 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Межд. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: ЦЦМСИР, 2018. С. 101–108.

Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 432 с.

Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.

Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.

Солдатенко В. Ф. В гонимые революции и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 670 с.

Яневський Д. Б. Маловідомі конституційні акти України 1917–1920 рр. Київ: [б. в.], 1991. 69 с.

References

Ianevs'kyi D. B. *Malovidomi konstytutsiïni akty Ukraïny 1917–1920 rr.* Kyiv, s. n., 1991, 69 p.

Ivanov A. A. «*Daleko v strane irkutskoi...*». *Ocherki istorii politicheskoi i ugovolnoi ssylki XVI – nachala XX veka.* Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 2021, 261 p.

Mytrofanenko Iu. *Ukraïns'ka otamanshchyna 1918–1919 rokov*. 2nd ed. Kirovohrad, Imeks-LTD, 2016, 286 p.

Odnorozhenko O. A. *Ukraïns'ka rodova gerald'ika dobi Seredn'ovichchia tarann'ogo Moderna*: Dr. Hab. Diss. Kyiv: M. S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies National Academy of Sciences of Ukraine, 2009, 545 p.

Perkhavko V. B. Projekty regional'nykh Uchreditel'nykh sobranii na prostranstvakh staroi Rossii (1917–1918 gg.). *Rossiiia v gody Grazhdanskoï voiny, 1917–1922 gg. vlast' i obshchestvo po obe storony fronta: materialy Mezhd. nauch. konf.* (Moskva, 1–3 oktiabria 2018 g.), ed. Iu. A. Petrov. Moscow, GTs-MSIR, 2018, pp. 101–108.

Politicheskije deiateli Rossii 1917: Biograficheskii slovar', ed. P. V. Volobujev. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1993, 432 p.

Popov I. I. *Zabytyje irkutskije stranitsy: Zapiski redaktora*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoje knizhnoje izdatel'stvo, 1989, 384 p.

Protasov L. G. *Liudi Uchreditel'nogo sobraniia: portret v inter'jere epokhi*. Moscow, ROSSPEN, 2008, 463 p.

Soldatenko V. F. *V gornile revoliutsii i voin: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskije esse*. Moscow, ROSSPEN, 2018, 670 p.

Vserossiiskoje Uchreditel'noje sobranije: Entsiklopediia: Entsiklopediia, ed. L. G. Protasov. Moscow, ROSSPEN, 2014, 556 p.

Valery B. Perkhavko

PhD (History)

Lead Researcher

Institute of Russian History

Russian Academy of Sciences

Russia, 117292, Moscow, Ulitsa Dmitriia Ul'ianova, build. 19

E-mail: perkhavko@gmail.com

ORCID: 0000-001-8194-1520

The Life Zigzags of the Ukrainian Revolutionary, Lawyer and Writer Grigory Pirhavko (1883—1937)

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.11

Abstract: The author refers to the life, struggle and creativity of his grandfather Grigory I. Pirhavko, a figure of the Ukrainian national and political movement of the second and third plan, whose fate was typical of his like-minded people. The author has partially reconstructed his biography based on the identification of both published written sources (including Ukrainian emigrant periodicals) and available archival materials and oral memoirs of relatives.

Keywords: Grigory Pirhavko, exile in Irkutsk, revolution of 1917, Ukrainian national movement, emigration to Prague, *Smenovekhovtsy*

Дарья Александровна Короткова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: d_korotkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Научная конференция «Выбор национальной идентичности в кризисных ситуациях»

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.12

29 ноября 2022 г. в Отделе восточного славянства Института славяноведения РАН состоялась научная конференция «Выбор национальной идентичности в кризисных ситуациях» из цикла «Украина и Белоруссия: люди и идеи», начатого в 2021 г.¹ Предыдущее мероприятие показало большой интерес к изучению истории белорусских и украинских земель через призму просопографического подхода. На второй конференции было продолжено изучение личности и биографий исторических деятелей XVIII–XX вв., причем центральной стала проблема изменения национальной идентичности человека в кризисные, переломные моменты истории. Внимание докладчиков было сосредоточено как на биографиях выдающихся национальных культурных и политических деятелей, так и на судьбах обычных людей. Работа проходила в двух секциях. Организаторами стали руководитель и сотрудники Отдела восточного славянства Е. Ю. Борисёнок, М. Э. Клопова и Д. А. Короткова.

Первая секция была посвящена истории восточнославянских земель XVIII – начала XX в. Открылась она докладом *С. С. Лукашовой* (ИСл РАН) «Национальная идентичность и лояльность малороссов

¹ *Баринов И. И., Клопова М. Э., Короткова Д. А.* Международная научная конференция «Украина и Белоруссия: люди и идеи» // Восточнославянские исследования. Вып. 1. М.; СПб., 2022. С. 198–203.

в Москве в 1710–1720 гг.». Кризис идентичности оказавшихся в Москве малороссов, как заложников, так и верной Петру казацкой старшины, был связан с итогами и последствиями Северной войны. Их национальная и сословная идентичность последовательно заменялась региональной, представлявшей более безопасной. В докладе Ю.А. Лыбынцева (ИСл РАН) «Хроника рода Иоахима Хрептовича — материалы к анализу выбора этнокультурной и государственно-политической идентичности (конец XVIII — начало XIX в.)» анализировалась насыщенная яркими событиями биография последнего канцлера Великого княжества Литовского Иоахима Литавора Хрептовича (1729–1812), ближайшего сподвижника короля Станислава Августа Понятовского. Это был период краха государственности Речи Посполитой, в колоссальной мере повлиявшего на постепенное развитие национального самосознания населявших ее народов. Л.Л. Щавинская (ИСл РАН) посвятила свой доклад биографии профессора М.К. Бобровского (1784–1848), одного из зачинателей славяноведческой науки, стоявшего также у истоков идеи возрождения белорусского народа. Его имя связано прежде всего с открытием знаменитой Супрасльской рукописи XI в.

Дж. Я. Рахаев (ИРИ РАН) в своем докладе «Репрезентация грузинской культуры в сочинении Е.А. Болховитинова “Историческое изображение Грузии”» затронул интересные моменты украинско-грузинских связей. Отдельное внимание было уделено деятельности митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова) в Киевской духовной академии, где исследовалась история восточных церквей (в том числе грузинской). В XIX — начале XX в. в Киеве защитили магистерские диссертации десятки грузин-семинаристов.

О.А. Остапчук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСл РАН) разобрала феномен польского «хлопоманства» на украинских землях на материале малоизвестного представителя украинской школы в польской поэзии — Кароля Августа Гейнча, автора украиноязычной пьесы «Возвращение запорожцев из Трапезунда» (1842), жанр которой сам он определил как «историческую комедио-оперу в двух актах». Тему польского восприятия реалий Российской империи продолжил И.А. Бабоша (МГУ им. М.В. Ломоносова). В докладе «Виленский шляхтич Юлиан Балашевич на службе III Отделения: предатель польской нации или верный подданный Российской империи?» он рассмотрел конфликт идентичностей Юлиана Балашевича

(1830 — после 1877), известного агента, работавшего в среде польской эмиграции под личиной графа Альберта Потоцкого.

Доклад *М. В. Лескинен* (ИСл РАН) «Стоит ли скрести русского? Дискуссия о национальности литературных персонажей и этностереотипы» был посвящен роли авто- и гетеростереотипов в рассуждениях украинского писателя Нечуй-Левицкого. Речь шла об изданной им в 1878–1884 гг. анонимно журнальной статье и об обсуждении одного из ярких ее тезисов — о том, что некоторые персонажи романа Гоголя в действительности не русские, а типичные украинцы / малорусы.

Два доклада были посвящены истории Восточной Галиции второй половины XIX — начала XX в. *А. М. Пшеничный* (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступил с докладом «Идентичность митрополита Андрея Шептицкого до начала Первой мировой войны», подчеркнув, что Восточную Галицию в рассматриваемый период можно охарактеризовать как переходное польско-русинское (или польско-украинское) пограничье. Греко-католический митрополит А. Шептицкий (1865–1944), родившийся, воспитанный и проживший большую часть жизни в Галиции, был человеком, совершившим «переход» между культурами. *М. Э. Клопова* (ИСл РАН) обратила внимание на малоизвестные эпизоды биографии выдающегося деятеля карпато-русского движения Дмитрия Вергуна. Его русофильские взгляды стали причиной преследования сначала во Львове, а затем в Вене. В 1907 г. он переехал в Россию. В годы мировой войны был на Карпатском и Дунайском фронтах, а в 1919 г. участвовал в работе Парижской мирной конференции, где в составе делегации Карпато-русского конгресса требовал создания автономной Карпатской Руси и присоединения ее к России.

Доклад, посвященный белорусским сюжетам начала XX в., представил *В. А. Корбут* (Варшавский университет). На примере биографий сотрудников первых белорусских газет «Наша Доля» и «Наша Нива» в 1906–1907 гг. он рассмотрел, как белорусское движение и белорусская пресса стали идейными продолжателями польского национального движения, особенно его социалистического крыла.

Вторую секцию, посвященную XX в., открывал доклад *М. А. Робинсона* (ИСл РАН), в котором рассматривались духовные искания учеников В. Н. Перетца В. М. Отроковского и Ф. П. Сушицкого, а также ученика А. А. Шахматова Е. Ю. Перфецкого. В период крушения

Российской империи перед ними встал вопрос о национальной самоидентификации, решенный в итоге в пользу украинства.

К. С. Дроздов (ИРИ РАН) предложил взглянуть на проблему выбора национальной идентичности на территории УССР и украинско-российского пограничья в период активного осуществления большевиками политики украинизации в конце 1920-х гг. сквозь призму художественных образов, представленных в пьесе украинского драматурга и писателя Николая (Мыколы) Кулиша (1892–1937) «Мина Мазайло» (1929).

А. Н. Шульгина (Европейский университет в Санкт-Петербурге) представила доклад «Малороссы, украинцы, хохлы: национальная идентификация и самоидентификация части населения Воронежской губернии в 1920-е гг.». Проанализировав употребление различных этнонимов на локальном уровне, она показала, как всего за десятилетие, от краха Российской империи до Всесоюзной переписи 1926 г., в официальном дискурсе произошел переход от «малоросса» к «украинцу».

Е. Ю. Борисёнок (ИСл РАН) в докладе «П. Е. Шелест — украинский лидер советской эпохи» обратилась к деятельности первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины (1963–1972 гг.). В современной историографии нередко акцентируется внимание на парадоксальности Шелеста: тот отстаивал национальные интересы и права Украинской ССР, будучи убежденным поборником социалистического выбора и проводником линии центра. Как показала докладчик, корни «укаинофильства» будущего главы КПУ были заложены во времена его молодости, в 1920-е гг., в период украинизации и формирования советской украинской элиты под лозунгом о национальной форме и социалистическом содержании.

И. И. Баринев (ИСл РАН) представил доклад на тему «“Поиски себя” в украинском кинематографе (1950–1970-е гг.)». Он обратил внимание на связанные с украинской тематикой советские фильмы периода оттепели. Попытки осознания недавнего прошлого и поиски новых смыслов дали жизнь многочисленным культурным инициативам. Кино, находившееся под неусыпным контролем идеологических структур и зажатое в рамках «социалистического реализма», на некоторое время обратилось к нехарактерным до этого сюжетам и средствам их выражения. Примечательно, что данный процесс вышел за рамки «оттепельного» периода: пик «новой волны» украинского кино пришелся на середину — вторую половину 1960-х гг.

Церковной проблематике были посвящены следующие два доклада. Биографию известного униатского церковного и общественного деятеля — вспомогательного епископа Пряшевской греко-католической епархии Василия Гопко (1904–1976) — рассмотрел *М.Ю. Дронов* (ИСЛ РАН). Проживая на востоке Словакии и в Праге, взаимодействуя со сторонниками разных национально-языковых идеологий в русинской среде, а также с русскими и украинскими эмигрантами, священнослужитель не раз корректировал собственные воззрения, касающиеся национальной принадлежности русинов и их литературного языка. В свою очередь, *С.М. Слоистов* (ИСЛ РАН) обратился к обобщенному образу православной иерархии Пряшевской епархии и сделал доклад «Архиереи Православной церкви на Пряшевщине в 1950–1960-е гг.: опыт типологического портрета».

В докладе «Феномен трансграничной идентичности персонажей А.Н. Карпока» *М.А. Ламм* (независимый исследователь, Москва) показала отражение самосознания жителей польско-белорусского пограничья в дореволюционный и межвоенный период в произведениях белорусского писателя. В условиях идеологического давления у жителей пограничных регионов возникает феномен альтернативной идентичности: целостный и логически непротиворечивый вариант национального мифа, противопоставленный национальному мифу центра.

В докладе *Е.В. Байдаловой* (ИСЛ РАН) рассматривались актуальные примеры выбора языковой стратегии на современном этапе среди литераторов и музыкальных исполнителей. Многие деятели украинской культуры, прежде предлагавшие творческий продукт на русском языке, в последнее время стали переходить в своем творчестве на украинский язык. Эта тенденция характерна не только для деятелей культуры, но и для обычных жителей Украины.

Конференция прошла плодотворно и насыщенно. Ряд докладов вызвал оживленную дискуссию коллег. Представляется, что рассмотрение общественных процессов через индивидуальное восприятие современников становится весьма эффективным методом изучения истории восточноевропейского региона, поэтому данный цикл конференций будет продолжен.

Darya A. Korotkova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: d_korotkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

**Academic Conference “National Identity:
Choice in Crises”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.12

Михаил Юрьевич Дронов

кандидат исторических наук
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Сергей Михайлович Слоистов

младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

**Международная научная конференция
«Православие в исторических судьбах
славянских народов. К 1030-летию православия
на белорусских землях»**

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.13

Значительным событием в церковной, культурной и научной жизни Белоруссии в 2022 г. стало празднование 1030-летней годовщины присутствия на ее землях христианства. В республике прошел целый ряд разноплановых мероприятий, приуроченных к этой дате. Одним из них стала международная научная конференция «Православие в исторических судьбах славянских народов», прошедшая на базе Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА) в г. Горки Могилевской области. В качестве соорганизаторов выступили Синодальная историческая комиссия Белорусской православной церкви (СИК БПЦ), Минская духовная академия, Минская духовная семинария, Институт политических исследований (ИПИ, г. Белград), фонд «Историческая память» (г. Москва) и Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (ЦЕИ филиала РГСУ в г. Минске).

Пленарное заседание конференции открыл директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров БГСХА А. С. Чететкин. После этого были зачитаны официальные приветствия, направленные участникам мероприятия Чрезвычайным и полномочным послом РФ в Белоруссии Б. В. Грызловым и Высокопреосвященнейшим Вениамином, Митрополитом Минским и Заславским, Патриаршим Экзархом всея Беларуси. Затем с собственными приветствиями выступили присутствовавшие председатель Горецкого райисполкома М. В. Гулый и депутат Могилевского горсовета Г. Н. Беляева.

С первым пленарным докладом, озаглавленным «Исторический путь Православия на белорусских землях», выступил председатель СИК БПЦ, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии *протоиерей Александр Романчук*. Он представил новую периодизацию прошлого Православной церкви в Белоруссии. *Зоран Милошевич* (ИПИ, г. Белград) посвятил свое выступление попыткам подчинить часть Сербской православной церкви Константинопольскому патриархату. Выступавший онлайн греческий специалист по наследию святителя Иоанна Златоуста *Алексиос Панагопулос* поделился историософскими размышлениями о значении Православия. Председатель Международного славянского общества Болгарии *Эмил Миланов* (г. София) зачитал свой доклад «Борьба болгар с фанариотами за независимую Болгарскую православную церковь». Преподаватель Минской духовной семинарии *архимандрит Никодим (Генералов)* проанализировал значение деятельности митрополита Филарета (Вахромеева) для становления Белорусского экзархата Московского патриархата. Член издательского совета БПЦ *А. Н. Емельянов* (г. Могилев) выступил с темой «О попытках захвата Могилевской епархии латино-униатами с 1728 по 1755 г.». В заключение пленарного заседания состоялось онлайн-выступление известного исследователя церковной истории *В. А. Теплово* (Белорусский государственный университет, г. Минск) «Археограф, историк и богослов: к 230-летию со дня рождения иерея Иоанна Григоровича».

Идею объединить на пленарном заседании доклады балканских специалистов, акцентирующих внимание на современных политических проблемах, и более традиционные по форме выступления их белорусских коллег в данном случае можно признать удачной. Такой

формат показал необходимость более плотного взаимодействия историков, политологов и богословов.

После обеденного перерыва конференция продолжила свою работу. В права главного модератора вступила Т. Н. Решецкая (БГСХА). В первую очередь прозвучали выступления по истории белорусского православия. Так, *Г. Н. Беляева*, в качестве независимого исследователя, представила доклад «Родословия священнослужителей XIX — начала XX в. по материалам неопубликованного “Русского Провинциального Некрополя” Н. М. Романова [великого князя Николая Михайловича. — *М. Д., С. С.*]». *А. И. Антоненко* (Могилевский медицинский колледж) рассказала об истории Покровской (Вознесенской) церкви своего города. С интересом присутствовавшие выслушали онлайн-доклад *А. А. Киселева* (Белорусский государственный экономический университет, г. Минск) «Конфессиональные аспекты кадровой политики в белорусских губерниях в правление Николая I». *Иеромонах Федор (Кашенок)*, из Бобруйской епархии, выступил с историческим обзором «Православная церковь в годы Великой Отечественной войны».

Несмотря на тематическую разноплановость прозвучавших в этом блоке докладов, их последовательное представление позволило сконцентрироваться на имеющих большое практическое значение проблемах (краеведческая научно-поисковая и просветительская деятельность, проблематика освещения сложных и не совсем однозначных с точки зрения восприятия обществом исторических сюжетов и др.). Последовавшие за выступлениями вопросы подтвердили особый интерес к политике в области исторической памяти как у ученых-историков, так и у более широкой общественности. Сложившаяся же в процессе дискуссии атмосфера может служить хорошим примером направленного на взаимное понимание диалога между исследователями, педагогами, представителями духовенства, общественными деятелями и студенчеством.

Заключительный блок докладов прямо или косвенно касался истории православия в Российской империи, в среде карпатских русинов и словаков, а также у южных славян. *В. В. Мищенко* (директор филиала Брянского государственного университета в г. Новозыбкове) поведал о старообрядческом купечестве своего города на примере дела Петуховых. *Т. А. Мищенко* (филиал БГУ в г. Новозыбкове), основываясь на письмах и дневниках семьи князей Долгоруковых,

проанализировала роль женщин-дворянок в семейном религиозном воспитании в XIX в. *М. Ю. Дронов* (ИСл РАН) осветил тему «Святой праведный Алексей Виллес-Баррейский и публицист Е. Н. Матросов: из истории знакомства». Во главе внимания *С. М. Слоистова* (ИСл РАН) стали Ужгородская уния и преодоление ее последствий на страницах православного журнала «Odkaz sv. Cyrila a Metoda» во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Заключительный доклад, «Католическая акция: Социокультурная трансформация в межвоенной Югославии», принадлежал *А. И. Филимоновой* (Московский гуманитарный университет). Поднятые этими докладчиками вопросы позволили расширить географию тем конференции.

К сожалению, по разным причинам из 32 заявленных в программе докладов прозвучало лишь 16, то есть ровно половина. Некоторым из предполагавшихся участников (преподавателей вузов) не только не удалось приехать для очной работы, но и даже выступить по видеосвязи. Присутствовавшие в Горках соорганизаторы конференции *К. В. Шевченко* (филиал РГСУ в г. Минске; СИК БПЦ, г. Минск) и *А. Д. Гронский* (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва; СИК БПЦ, г. Минск) сами не выступили, чтобы сэкономить отведенное время для докладов гостей и их обсуждения.

Отсутствие докладчиков во многом было компенсировано досрочным изданием тома материалов конференции¹, в котором содержится 18 докладов, в том числе из непрозвучавших: *А. Мироновича* «Новые униатские проекты в отношении православной церкви на белорусских землях в XVII в.», священника *Петра Федорука* «Неоуния во второй Речи Посполитой», *П. В. Тихомирова* «Проблемы церковно-государственных отношений в межвоенной Югославии: Конкордатский кризис», *А. Д. Гронского* «Конфессиональный вопрос в этнополитической риторике (на примере Украины)», *Э. А. Попова* «Сарская (Сарайская) епархия русской церкви и ранняя история донского казачества», *К. В. Шевченко* «Церковь и идентичность русинов Угорской Руси в XIX — начале XX века», *О. Г. Казака* «Конфликт между православными и католиками в местечке Зельва Гродненской губернии

¹ Православие в исторических судьбах славянских народов: к 1030-летию православия на белорусских землях. Материалы международной научной конференции (г. Горки, Могилевская область, 23 сентября 2022 г.) / под ред. *К. В. Шевченко, А. Д. Гронского, В. В. Мищенко*. Брянск, 2022. 173 с.

Российской империи (1906–1907 гг.) в контексте межконфессиональных отношений в регионе», Н. Н. Белоус и Е. В. Вакулиной «Направления в патриотическом воспитании православной молодежи Брянщины». В качестве рецензентов книги выступили А. Ю. Полунов (МГУ им. М. В. Ломоносова) и Александр Рандин (Университет им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия).

После окончания официальной части конференции для гостей г. Горок была проведена экскурсия по музею БГСХА, а на следующий день состоялась поездка в г. Могилев. Здесь иногородние ученые осмотрели главнейшие достопримечательности, посетили дом прославленного в лике святых в 2017 г. архиепископа Георгия (Конисского, 1717–1795) и Свято-Никольский монастырь.

Прошедшая конференция продемонстрировала образец успешного сотрудничества представителей науки, образования и религии. Отдельно хочется отметить высокий организационный уровень конференции. На общем фоне минималистских по затратам белорусских и российских научных мероприятий, встреча в Горках отличалась редким гостеприимством: администрация БГСХА предоставила гостям комфортабельное проживание и обеспечила хорошее питание. Участие в горечкой конференции в очередной раз подтвердило оптимальность традиционного очного формата мероприятий, который наилучшим образом способствует развитию научного сотрудничества и достижению ощутимых результатов.

Mihail Yu. Dronov

PhD (History)
Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

International Scientific Conference
“Orthodoxy in the historical destinies of Slavic peoples.
To the 1030th anniversary of Orthodoxy
in the Belarusian lands”

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.13

Научное издание

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 2

Главный редактор *Б. Н. Флоря*

Корректор *М. А. Иванова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 15.06.2023. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16
Тираж 500 экз. Заказ № 2926

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86